

ВЕСТНИК БГУИЯ

№ 1 (3) / 2026

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в октябре 2025 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (главный редактор),
А. А. Романовская (зам. главного редактора),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, З. А. Харитончик, О. А. Артемова

*Журнал «Вестник БГУИЯ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

- Веремейчик В. И., Флимонова М. С.* Концептуальные метафоры
в репрезентации животных-символов: заяц и дракон
в китайской лингвокультуре 7
- Корнакова В. И.* Номинативное поле как репрезентативный фрагмент
словарного состава языка в сопоставительных
лингвистических исследованиях 17
- Михалькова Н. В.* Основания и методы построения
семантической классификации детерминативов
сложных иероглифических знаков китайского языка 31
- Назина Г. А.* Экологический медиадискурс: статус и характеристики 43
- Сидоревич-Стахнова О. В.* Стратегии и тактики интервьюируемого
в условиях нарушения экологии общения 51
- Степанова Е. Д.* Семантическая деривация в английской и русской
интернет-компьютерной терминологии
(количественная иерархия основных видов полисемии) 61
- Сяо И.* Семантика и образование идеограмм-обозначений действий
и процессов в китайской письменности 72
- Чжао Линьцзян.* Тактики и средства убеждения
в цифровой образовательной рекламе 87

Романское и германское языкознание

- Гаранович Т. И.* Синтаксические фразеологизмы в английском языке 96
- Куценко Н. В.* Реализация косвенных директивных речевых актов
в вопросительных и повествовательных синтаксических структурах
в немецком языке 105
- Овсейчик Ю. В.* Диахронические изменения в системе единиц сочинения
французского языка: причины и механизмы 114

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Крапивин Ю. Б.</i> Проект инструментально-программного комплекса для подготовки дидактических материалов по английскому языку.....	126
---	-----

Литературоведение

<i>Гилеп О. Г.</i> Особенности функционирования техники «потока сознания» в произведениях Д. Ричардсон.....	133
<i>Квачек А. В. Ж.-М. Г. Леклезю</i> и философский ренессанс во французской прозе XX–XXI вв.....	140
<i>Криштон И. С.</i> Мотив границы в романе Карен Тей Ямаситы «Tropic of orange»	148
<i>Леська Л. П.</i> Гульня – элемент цэласнасці ў тэтралогіі “Пачакай, затрымайся...” А. Васілевіч	158
<i>Лобков А. Д., Кудрявцева И. К.</i> Национальный компонент романов Дж. Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану»	167
<i>Слівец В. Р.</i> Анамастыкон малой радзімы ў паэтычных тэкстах Міколы Мятліцкага	176

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Veremeychik V., Filimonova M.* Conceptual Metaphors
in the Representation of Animal-Symbols: the Hare and the Dragon
in Chinese Linguaculture 7
- Karnakova V.* Nominative Field as a Representative Fragment
of the Vocabulary of a Language in Comparative Linguistic Studies..... 17
- Mikhalkova N.* Basis and Methods of Semantic Dendrogram
of Radical Signs Construction in the Chinese Writing 31
- Nazina H.* Ecological Media Discourse: Status and Characteristics..... 43
- Sidarevich-Stakhnova O.* Strategies and Tactics of the Interviewee
under Conditions of Communicative Ecology Violation..... 51
- Stepanova E.* Semantic Derivation in English and Russian Internet Computer
Terminology (Quantitative Hierarchy of the Main Types of Polysemy)..... 61
- Xiao Yi.* Semantics and Formation of Ideogram-Denotations
for Actions and Processes in Chinese Writing..... 72
- Zhao Linjiang.* Tactics and Means of Persuasion
in Digital Educational Advertising..... 87

Romance and Germanic Linguistics

- Garanovich T.* Syntactic Idioms in the English Language 96
- Kutsenka N.* Implementation of Indirect Directive Speech Acts
in Interrogative and Narrative Syntactic Structures
in the German Language 105
- Auseichyk Y.* Diachronic Changes in the System
of French Coordinating Conjunctions: Causes and Mechanisms 114

Applied Linguistics

<i>Krapivin Y.</i> The Prototype of Automated System for Preparing Didactic Materials in English.....	126
--	-----

Literary Studies

<i>Hilep V.</i> Peculiarities of the Functioning of the «Stream of Consciousness» Technique in the Works of D. Richardson.....	133
<i>Kvachek H. J.-M. G.</i> Le Clézio and the Philosophical Renaissance in 20th–21st Century French Prose	140
<i>Kryshtop I.</i> The Motif of Border in Karen Tei Yamashita’s Novel <i>Tropic of Orange</i>	148
<i>Leska L.</i> The Game is a Mechanism of Integrity in the Tetralogy <i>Wait, Hold On ...</i> by A. Vasilevich	158
<i>Lobkov A., Kudriavtseva I.</i> The National Component of J. Joyce’s Novels <i>Ulysses</i> and <i>Finnegans Wake</i>	167
<i>Slivets V.</i> Onomasticon of Homeland Region in Mikola Myatlitsky’s Poetic Texts	176

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.581'371'373.612.2:[599.326.1+398.44]:81'27(510)(045)

Веремейчик Виктория Игоревна

студент

Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Viktoriya Veremeychik

Student

Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nikavika.v@gmail.com

Филимонова Марина Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка

Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖИВОТНЫХ-СИМВОЛОВ: ЗАЯЦ И ДРАКОН В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья представляет когнитивный анализ концептов «заяц» и «дракон» как ключевых символов Китая. На материале лексики и фразеологии выявляются механизмы метафоризации, которые объективируют данные концепты в языке. В рамках теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона предложена классификация метафорических моделей, объективирующих данные концепты, и дана их количественная оценка, демонстрирующая различный когнитивный потенциал.

Ключевые слова: китайский язык; лингвокультура; концептуальная метафора; символизм; концепт «заяц/кролик»; концепт «дракон».

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE REPRESENTATION OF ANIMAL-SYMBOLS: THE HARE AND THE DRAGON IN CHINESE LINGUACULTURE

This article presents a cognitive analysis of the concepts of “hare/rabbit” and “dragon” as key symbols of China. Using vocabulary and phraseology, the author identifies the mechanisms of metaphorization that objectify these concepts in language. Within the framework of the theory of J. Lakoff and M. Johnson, the author classifies metaphorical models that objectify these concepts and provides a quantitative assessment of them, demonstrating different cognitive potential.

Key words: Chinese language; linguaculture; conceptual metaphor; symbolism; “hare/rabbit” concept; “dragon” concept.

Современная лингвистика преодолела представление о языке как о системе, замкнутой в себе, позволяя рассмотреть в качестве объекта не просто язык или речь, а самого говорящего и мыслящего человека. Иными словами, язык понимается не как автономный механизм, а как вербальное выражение того, как человек воспринимает, осмысливает и категоризирует мир. Это привело к рассмотрению уже не определенных значений, закрепленных в словарях, а к изучению субъективности как неотъемлемой характеристики любого явления [1, с. 50].

Возникновение когнитивной лингвистики – парадигмы, которая в центр выдвинула исследование процессов человеческого познания, значительным образом изменило подход к изучению языка. В то время как традиционная лингвистика рассматривала язык «в себе и для себя» [2], когнитивная лингвистика представляет его как «инструмент познания, организации и переработки информации» [3, с. 184]. Язык становится ключевым когнитивным механизмом, а изучение того, каким образом осуществляются процессы восприятия, категоризации и осмысления мира, – целью когнитивной лингвистики.

Основной единицей и центром исследования в этой новой парадигме становится концепт. Сам термин *концепт* стал использоваться в отечественной лингвистической литературе относительно недавно – в начале 90-х годов [4, с. 97].

В понимании Е. С. Кубряковой концепт – основная единица ментального опыта, которая функционирует в сознании человека, объединяя знания, образы и представления, формирующие его индивидуальную картину мира [5]. З. Д. Попова и И. А. Стернин дают концепту следующее определение: «квант структурированного знания» [6], который формируется из непосредственного чувственного опыта, предметной деятельности человека и языкового общения [7, с. 4]. Ю. С. Степанов предлагает рассматривать концепт в первую очередь как культурный феномен. По его мнению, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека». Это не просто мысль о предмете, а сложное, многомерное ментальное образование, в котором сосредоточен опыт и знания человека, а также вся совокупность культурных смыслов, связанных с этим понятием [7]. Таким образом, концепт служит мостом между индивидуальным сознанием и коллективной культурой, а язык является его главным репрезентантом.

На этом этапе возникает вопрос о том, каким именно образом человек осмысляет и вербализует сложные, абстрактные и эмоционально нагруженные концепты. Механизмом, который как раз позволяет осуществить данный переход, служит метафора. В то время как концепт выступает «сгустком культуры» [7], метафора выполняет роль инструмента-переводчика, который дает возможность, опираясь на культурный и телесный опыт, получить уже понятный для человека образ.

В своей работе «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон выдвинули более глубокую теорию, суть которой заключается в том, что метафора – это не сугубо языковое украшение, ведь она пронизывает не только язык, но также мышление и действия человека. Авторы утверждают, что «наша обычная понятийная система, в терминах которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [8, р. 9].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, суть метафоры заключается в осмыслении и переживании явлений одной области (сферы-мишени) в терминах другой, более понятной или конкретной области (сферы-источника). Метафорические выражения в языке являются поверхностным отражением лежащих в их основе метафорических концептов, которые и определяют, как мы концептуализируем ту или иную область опыта [8, р. 10]. Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают классификацию метафорических концептов, выделяя три основных типа, которые и составят теоретическую основу данного исследования.

1. *Структурные метафоры* представляют собой самый сложный и мощный тип метафор. Их главная особенность в том, что они позволяют осмыслить одно явление (например, абстрактную идею) через призму целостной структуры другого, более простого и понятного явления. Структурная метафора переносит всю внутреннюю организацию, логику и составные части одного понятия на другое. Важно, что такое структурирование всегда частично: оно высвечивает одни аспекты концепта и скрывает другие [8, р. 19].

2. *Ориентационные метафоры* организуют целую систему концептов относительно пространственных ориентаций, которые проистекают из нашего телесного опыта: «верх – низ», «внутри – снаружи», «перед – зад» и т.д. [8, р. 22].

3. *Онтологические метафоры* позволяют представлять абстрактные явления как конкретные предметы или вещества. Такой подход дает возможность работать со сложными концепциями (например, эмоциями, временем или идеями) как с обычными предметами, которые можно выделить, классифицировать и описать [8, р. 25].

В рамках данного исследования анализ проводится на материале номинаций двух животных-символов: 兔 ‘заяц/кролик’ и 龙 ‘дракон’. Данные концепты были выбраны ввиду своего парадигмального противопоставления в китайской лингвокультуре: концепт «дракон» выступает верховным сакральным символом, используемым для метафоризации абстрактных и духовных понятий [9], в то время как концепт «заяц/кролик» объединяет мифологический образ с признаками реального животного [10]. Таким образом, противопоставление концептов разных уровней культурного кода – высшего (сакрального) и базового (мифолого-поведенческого) – помогает более наглядно проследить различные когнитивные механизмы и метафорические модели, объективируемые в языке. Методологической основой практического анализа является теория концептуальной метафоры

Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в соответствии с которой были идентифицированы и классифицированы метафорические модели, репрезентирующие данные концепты. Научная новизна исследования заключается в сопоставительном анализе двух концептов, занимающих различное положение в культурном коде. Это позволяет не только описать их культурную специфику, но и отобразить, какой тип метафоры доминирует в репрезентации каждого из концептов через количественную оценку, демонстрируя различный когнитивный потенциал сопоставляемых символов.

Анализ концепта 兔 ‘заяц/кролик’ в китайском языке требует предварительного лингвистического комментария. Следует отметить, что китайская лексическая единица 兔 не имеет строгой видовой дифференциации при переводе на русский язык и может передаваться как лексемой *заяц*, так и лексемой *кролик*. В самом китайском языке уточнение осуществляется с помощью составных номинаций: 家兔 (досл.: ‘домашний кролик’) и 野兔 (досл.: ‘дикий заяц’). Следовательно, адекватный перевод устойчивых выражений, содержащих данный иероглиф, определяется в первую очередь законами лексической сочетаемости в русском языке.

Семантический анализ 30 проанализированных единиц позволил выявить структуру концепта, ядро которого формируют четыре ключевых признака, устойчиво репрезентируемых в языке: ‘долголетие’, ‘скорость’, ‘хитрость/осмотрительность’ и ‘недальновидность’. Данные признаки были установлены на основе частотности их вербализации в различных типах выражений. Формирование семантического поля исследуемого концепта глубоко укоренено в культурно-мифологическом пласте.

Центральное место занимает архетипический образ Нефритового зайца 玉兔, связанный с лунной мифологией. В традиционных представлениях пятна на лунном диске ассоциировались с силуэтом зайца. Данный образ, наделенный характеристикой «нефритовой» белизны, был интегрирован в легенду, согласно которой это существо – «заяц» – на Луне изготавливает эликсир бессмертия, что, как можно заметить, отражено во фразеологизме 玉兔捣药 ‘нефритовый заяц толчет лекарство’. Впоследствии данный нарратив получил развитие в сюжетах, связанных с богиней Чанъэ [11]. Таким образом, через данный мифологический комплекс в семантике концепта закрепляется важнейший признак – ‘долголетие’.

Лунная природа зайца закономерно обусловила его метафорическую связь с течением времени. В традиционной картине мира луна и солнце, олицетворяемые зайцем 兔 и вороном 乌 соответственно, воспринимались как видимые маркеры бега времени. Эта концептуализация находит отражение в выражениях 东兔西乌 (досл. ‘заяц на востоке, ворон на западе’) и 乌飞兔走 (досл. ‘ворон летит, заяц бежит’), где пространственное перемещение небесных тел проецируется на абстрактную категорию времени, подчеркивая его неумолимый и стремительный ход [12, с. 1621].

Другим значимым семантическим признаком является ‘скорость’. В условиях древнекитайской фауны, где такие хищники, как гепарды и львы, были редки или отсутствовали вовсе, заяц воспринимался как одно из самых стремительных животных. Этот атрибут нашел отражение в историко-литературном контексте, например, в имени легендарного, способного пробежать за день десять тысяч ли, коня 赤兔 ‘Красный заяц’ полководца Люй Бу из эпопеи «Троецарствие» [13, с. 110]. В дальнейшем в языке закрепились метафорические номинации, непосредственно актуализирующие данный признак: 飞兔 ‘летающий заяц’ и 脱兔 ‘стремительный заяц’.

Параллельно в языковом сознании развивался признак ‘хитрость/осмотрительность’. Он вербализуется в устойчивых выражениях, описывающих поведенческие стратегии человека. Наиболее показательной является идиома 狡兔三窟 ‘хитрый заяц имеет три норы’, используемая для характеристики лица, обеспечивающего себе множество путей для отступления. Ее сокращенный вариант 狡兔 ‘хитрый заяц’ может обладать как положительной (сообразительность, изобретательность), так и отрицательной (изворотливость, коварство) коннотацией в зависимости от прагматики высказывания [9, р. 7].

Образ зайца, передающий негативную оценку, прослеживается также на примере выражения 兔子尾巴长不了 ‘заячий хвост не может вырасти длинным’. Эта метафора применяется для характеристики явлений или действий, лишенных перспективы и основательности, например, при описании индивида, ожидающего результата, не прилагая для его достижения достаточных усилий [9, р. 7].

Репрезентация ключевых семантических признаков концепта 兔 ‘заяц/кролик’ осуществляется посредством различных типов метафор. Для наглядной демонстрации механизмов метафоризации ряд рассмотренных лексических единиц представлен в виде табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Классификация лексических единиц с компонентом «заяц/кролик»
по типам концептуальных метафор

№ п/п	Лексическая единица	Исходное значение	Тип метафоры (по М. Лакоффу и Д. Джонсону)
1	玉兔	Нефритовый заяц (мифол.)	Онтологическая
2	东兔西鸟	Заяц на востоке, ворон на западе	Ориентационная
3	飞兔	Летающий заяц	Структурная
4	狡兔三窟	Хитрый заяц имеет три норы	Структурная
5	兔子尾巴长不了	Заячий хвост не может вырасти длинным	Структурная

Проведенный анализ позволяет заключить, что концепт «заяц/кролик» в китайской лингвокультуре представляет собой сложное, но в целом амбивалентное образование с четко структурированным ядром. Его содержание формируется вокруг четырех ключевых семантических признаков, выявленных на основе частотности их репрезентации: ‘долголетие’, ‘скорость’, ‘хитрость/осмотрительность’ и ‘недальновидность’. Данная структура объективируется в языке преимущественно через структурные метафоры (18 единиц, 60 %), которые проецируют комплексные модели поведения животного на человеческие действия и ситуации (например, 狡兔三窟 или 脱兔). Онтологические метафоры (10 единиц, 33,3 %) служат для репрезентации абстрактных сущностей, таких как мифологический символ 玉兔 или архетип хитрого существа 狡兔. Небольшая доля ориентационных метафор (2 единицы, 6,7 %) связывает концепт с осмыслением абстрактного течения времени. Для большей наглядности результаты показаны также посредством диаграммы (рис. 1).

Рис. 1. Распределение типов концептуальных метафор в репрезентации концепта «заяц/кролик»

Таким образом, концепт «заяц/кролик», несмотря на мифологическую составляющую, в целом отражает «базовый» уровень культурного кода, проецируясь на приземленные, повседневные и личностно-ориентированные сферы опыта.

Для выявления структуры рассматриваемого далее концепта «дракон» был применен тот же метод компонентного анализа, что и для концепта «заяц/кролик». Ключевые семантические признаки выделялись на основе их повторяемости и устойчивости в спектре отобранных лексико-фразеологических единиц, отражающих различные аспекты функционирования образа дракона в культуре. В результате анализа 30 единиц были идентифицированы следующие ключевые признаки концепта ‘дракон’: ‘власть/сакральный статус’, ‘сила/гениальность’, ‘удача’, ‘активность/жизненная сила’.

Концепт 龙 ‘дракон’ занимает центральное место в китайской лингвокультуре, выступая ее ключевым символом и пронизывая самые разные сферы – от политики и искусства до повседневного языка [14]. Его внешний облик не был строго фиксированным: в разных представлениях он сочетал в себе черты змеи, лошади или тигра [15, с. 61] что, по мнению ученых, может быть обусловлено обнаружением древних окаменелостей, которые приписывали мифическому дракону, не находя им иного объяснения [9, р. 32]. Неизменной характеристикой дракона, однако, является его связь со стихиями: его традиционно изображают в окружении волн, туч и ветра, подчеркивая его власть над природными силами [16, с. 75].

Культура Китая выделяет несколько видов драконов, различающихся по цвету и функциям. Так, 天龙 ‘небесный дракон’ в лазурных или белых тонах считается защитником небес; 神龙 ‘божественный дракон’ синего цвета управляет погодой и, следовательно, урожаем; 黄龙 ‘желтый дракон’ выступает посредником между богами и людьми [15, с. 63], и именно к его изображениям обращаются с молитвами [17, с. 5].

Важнейшим аспектом является связь дракона с императорской властью. Способность дракона менять облик (даже принимать человеческий вид) и его роль посредника между небом и землей сделали его идеальным символом монарха. Эта связь прочно закрепилась в языке: императорские регалии и понятия неизменно включали в себя иероглиф 龙: 龙袍 ‘парадное одеяние императора’, 龙颜 ‘лик императора’ (величественный вид), 龙床 ‘императорское ложе’. Со временем образ дракона трансформировался из символа императора в символ всей китайской нации, что отразилось, например, в слове 龙人 ‘люди-драконы’ [18, с. 209]. Даже Великая Китайская стена визуально ассоциируется с телом гигантского дракона [19, с. 31].

Неотъемлемым атрибутом дракона является жемчужина, которую он то держит во рту, то выпускает. С этим образом связаны древние космогонические представления, а жемчужина сама по себе символизирует умножение богатства и магическую силу. В пословице 龙眼识珠, 凤眼识宝, 牛眼识青草 ‘глаза дракона видят жемчуг, глаза феникса — сокровище, глаза буйвола — солому’ дракон олицетворяет способность распознавать истинную ценность и противопоставляется обыденному восприятию [20, с. 96].

Будучи могущественным сверхъестественным существом, дракон закономерно стал метафорой для одаренных людей. Выражение 卧龙 ‘спящий дракон’ обозначает человека с огромным, но еще не реализованным потенциалом. Фразеологизмы вроде 龙蟠凤逸 ‘как дракон, свернувшийся кольцом, как феникс, скрывшийся из виду’ или 鲤鱼跳龙门 ‘камп, перепрыгнувший через врата дракона’ метафорически описывают выдающиеся таланты или значительный карьерный рост [19, с. 31].

Ряд проанализированных лексических единиц, репрезентирующих концепт «дракон», систематизирован и классифицирован по типам метафор в табл. 2.

**Классификация лексических единиц с компонентом «дракон»
по типам концептуальных метафор**

№ п/п	Лексическая единица	Исходное значение	Тип метафоры (по М. Лакоффу и Д. Джонсону)
1	天龙	Небесный дракон	Ориентационная
2	龙颜	Лицо дракона (лик императора)	Структурная
3	龙人	Люди-драконы (китайская нация)	Онтологическая
4	卧龙	Лежащий/спящий дракон	Структурная
5	鲤鱼跳龙门	Карп перепрыгивает Врата Дракона	Структурная

Анализ метафорических моделей подтверждает статус концепта «дракон» как сакрального символа китайской лингвокультуры, обладающего высоким когнитивным потенциалом. Ядро концепта образуют такие ключевые признаки, как 'власть/сакральный статус', 'сила/гениальность', 'удача' и 'активность/жизненная сила'. Доминирование структурных метафор (23 единицы, 76,7 %) демонстрирует, что сложный образ дракона используется для концептуализации и структурирования фундаментальных для культуры абстракций: верховной власти (龙颜, 龙袍), скрытого потенциала (卧龙), национальной идентичности (龙人). Онтологические (6 единиц, 20 %) и ориентационные (1 единица, 3,3 %) метафоры дополняют картину, подчеркивая объективированную сущность концепта и связь с высшей, небесной сферой. Для большей наглядности результаты показаны также посредством диаграммы (рис. 2).

Рис. 2. Распределение типов концептуальных метафор в репрезентации концепта «дракон».

В целом концепт «дракон» метафорически структурирует «высший» уровень культурного кода, обслуживая сферы коллективной идентичности, сакральной власти и духовных устремлений.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать основные метафорические модели, репрезентирующие концепты «заяц/кролик» и «дракон» в китайском языке.

Сопоставление выводов наглядно показывает, как различие в культурном статусе двух символов («базовый» концепта «заяц/кролик» и «высший» концепта «дракон») отражается в структуре их семантических признаков и в количественном распределении типов метафор, используемых для их языковой репрезентации.

Полученные результаты наглядно иллюстрируют глубокую взаимосвязь языка, мышления и культуры. Метафора, выступая ключевым когнитивным механизмом, позволяет транслировать культурные архетипы и национальные модели мира непосредственно в языковую систему. Концепт «дракон», метафорически структурирующий сферы власти, гениальности и национального духа, и амбивалентный концепт «заяц/кролик», который проецируется на сферы долголетия, скорости и хитрости, являются яркими примерами того, как язык аккумулирует и кодирует коллективный культурный опыт.

Данное исследование подтверждает продуктивность применения теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, для лингвокультурологического анализа концептов и подчеркивает необходимость изучения лексики в неразрывной связи с ее культурным контекстом для достижения межкультурного взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова, С. А.* Когнитивная лингвистика о значении и концепте / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 50–55.
2. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина ; под общ. ред. [и с примеч.] М. Э. Рут ; ред. Ш. Балли, А. Сеше ; биогр. и крит. заметки о Ф. де Соссюре Т. Б. де Мауро ; пер. с фр. С. В. Чистяковой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
3. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 182–184.
4. *Подвигина, Н. Б.* Понятие концепта и концептосферы / Н. Б. Подвигина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2007. – № 3. – С. 97–105.
5. *Кубрякова, Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
6. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
7. *Степанов, Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры : монография / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. Проект, 1997. – 990 с.

8. *Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2003. – 276 p.*
9. *刘志雄. 龙与中国文化 / 刘志雄, 杨静荣. – 北京 : 人民出版社, 1992. – 98 p. = Liu Zhixiong. Dragon and Chinese culture / Liu Zhixiong, Yang Jingrong. – Beijing : People's Publishing House, 1992. – 98 p.*
10. *Шан, Б. Образы животных и птиц в русской и китайской лингвокультурах / Б. Шан, Н. Сай, Ч. Лю // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 11 (91). – С. 114–122.*
11. *Попова, А. В. Господин Заяц Туэр-е: от ритуала к игрушке / А. В. Попова // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2021. – № 55. – С. 45–53.*
12. *Цзя, Ч. Зооморфизм «заяц» в функции образной характеристики человека / Ч. Цзя, С. М. Трофимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 1620–1624.*
13. *Донец, А. С. Диалектика образа Гуань Юя в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» / А. С. Донец // Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история и современное состояние : материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, 20-летию преподавания кит. яз. на филол. фак., 10-летию каф. кит. филологии, Минск, 17–18 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Хмельницкий (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 104–115.*
14. *Ван, С. Философия симбиоза в рецепции образа дракона в китайской культуре / С. Ван // Философия и культура. – 2024. – № 5. – С. 1–11.*
15. *Жэнь, Ч. Китайская мифология: образ священного дракона / Ч. Жэнь ; науч. рук. А. В. Конышева // НИРС БГЭУ : сб. науч. ст. / Мин-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экономич. ун-т ; [редакционная коллегия: Е. В. Гусаков (председатель) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2023. – Вып. 12. – С. 61–64.*
16. *Происхождение дракона / Ц. Ян, Ч. Лю, Ю. Лун [и др.]. – Пекин : Чжунго шудянь, 2008. – 124 с.*
17. *Рюмина, А. В. Драконы как ключевой символ в китайской культуре / А. В. Рюмина, Н. В. Сулекбаева, А. Ю. Косинцева // Language & Science / Тюмен. гос. ун-т ; гл. ред. О. Э. Сухарева ; науч. ред. Е. А. Меньш. – 2015. – № 4. – С. 1–5.*
18. *Чэнь, Ш. Л. Образ Дракона в китайской культуре / Ш. Л. Чэнь // Политическая лингвистика. – 2024. – № 1 (103). – С. 206–210.*
19. *Филипповский, В. С. Символическое значение образа дракона в китайской мифологии / В. С. Филипповский, Н. Г. Бирюков // StudNet. – 2020. – № 2. – С. 28–33.*
20. *Казакова, И. В. Образ дракона в китайской мифологии, фольклоре и других культурных пластах / И. В. Казакова // София : электронный научно-просветительский журнал. – 2018. – № 2. – С. 93–99. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/208649> (дата обращения: 01.10.2025).*

Поступила в редакцию 17.10.2025

УДК 81'373

Корнакова Виктория Ивановна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
естественных факультетов
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Viktoryia Karnakova

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of the English Language
for Sciences
Belarusian State University
Minsk, Belarus
kornakovaviktoria3@gmail.com

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются различные виды полей как репрезентативных фрагментов словарных составов языков. Выводится определение номинативного поля как совокупности языковых единиц (лексем и фразем), объективирующих определенную семантику в языке, поясняются основания включения в состав поля как лексем, так и фразем, обосновывается актуальность исследований номинативных полей как объединений языковых единиц двух типов. Аргументируется возможность выделения внутри номинативного поля макро- и микрогрупп на основании наличия общего семантического признака более низкого (по отношению к интегральному полевому компоненту) уровня обобщения. Мотивируется выбор поля исследования, описывается процедура формирования номинативных полей для дальнейших сопоставительных исследований. Обосновывается выбор лексикографических источников. Приводится связь между частотой употребления архилексемы (имени поля), количеством семантизирующих шагов, необходимых для включения номинативной единицы в состав поля, и количественной представленностью поля.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *номинативное поле; лексема; фразема; семантика; макрогруппа; микрогруппа; семантизирующий шаг.*

NOMINATIVE FIELD AS A REPRESENTATIVE FRAGMENT OF THE VOCABULARY OF A LANGUAGE IN COMPARATIVE LINGUISTIC STUDIES

The article considers various types of fields as representative fragments of the vocabulary of languages. The definition of a nominative field as a set of linguistic units (lexemes and phrasemes) objectifying a certain semantics in a language is derived, the grounds for including both lexemes and phrasemes in a field are explained, and the relevance of studying nominative fields as associations of linguistic units of two types is substantiated. The possibility of distinguishing macro- and microgroups within a nominative field based on the presence of a common semantic feature of a lower (in relation to the integral field component) level of generalization is argued. The choice of the research field is motivated, the procedure for forming nominative fields for further comparative studies is described. The choice of lexicographic sources is substantiated. The correlation between the frequency of use of the archilexeme (field name), the number of semantizing steps necessary to include a nominative unit in the field, and the quantitative representation of the field is given.

Key words: *nominative field; lexeme; phraseme; semantics; macrogroup; microgroup; semantizing step.*

Словарный состав языка представляет собой большой массив номинативных единиц (сотни тысяч лексем и фразем), связанных разнообразными и разнонаправленными семантическими отношениями. Приступая к изучению словаря, лингвист сталкивается с необходимостью вычленив из всего объема обозримый и в то же время репрезентативный фрагмент. Исследования структуры номинативного фонда языка часто осуществляются в рамках семантических полей – совокупностей лексических и/или фразеологических единиц, объединенных общим значением [1]. Одноименные семантические поля в разных языках являются удобными конструктами для межъязыковых сопоставительных исследований.

В лингвистике зачастую наблюдается недифференцированное употребление таких терминов, как *семантическое поле*, *лексико-семантическое поле*, *фразеосемантическое поле*. А. А. Уфимцева указывает: «Говоря о лексико-семантических микросистемах языка, мы сознательно не употребляем термин “семантическое поле”. Это делается не только потому, что за термином “семантическое поле” скрываются десятки различных его пониманий, начиная с понятийных кругов, сфер, кончая полисемантическим словом» [2, с. 263].

По мнению К. А. Кочновой, «семантическое поле следует рассматривать как родовое понятие по отношению к лексико-семантическому, лексико-фразеологическому, фразеосемантическому, морфосемантическому и т. д. полям – понятиям видовым» [3]. А. Н. Тихонов подчеркивает, что в термине *семантическое поле* отсутствует отсылка непосредственно к лексическому уровню языка [4, с. 3]. Ю. Н. Караулов интерпретирует *лексико-семантическое поле* как группу слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу [5, с. 57].

На возможность применения полевого подхода во фразеологии указывал А. В. Кунин [6]. *Фразеосемантическое поле* представляет собой группировку фразем с общим семантическим признаком [7, с. 82]. *Лексико-фразеологическое поле* рассматривается как семантическое объединение номинативных единиц двух типов в работах М. С. Ротовой [8, с. 23–38], Т. А. Бердниковой [9, с. 10–56], А. Е. Гусевой [10, с. 14–35].

Как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, «*номинативное поле* отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, <...> представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц» [11, с. 47].

При изучении лексем и фразем как единиц словарного состава языка удобным конструктом является номинативное поле. Лексемы и фраземы объединяет общая номинативная функция, эти единицы воспроизводимы

в речи, имеют непредикативный характер и выступают как члены предложения. В то же время в выражении определенной семантики средствами лексики и фразеологии могут наблюдаться как сходства, так и различия. Таким образом, номинативное поле в данной работе понимается как совокупность языковых единиц (лексем и фразем), объективирующих определенную семантику в языке.

Проводимые ранее исследования лексем и фразем как элементов одной системы [12; 9; 13; 14; 15] носят фрагментарный характер и посвящены лишь некоторым аспектам взаимодействия номинативных единиц двух типов. Впервые комплексное изучение номинативного поля как совокупности лексических и фразеологических единиц с общей семантикой в частеречном, семантико-денотативном, семантико-ономасиологическом аспектах и с точки зрения межъязыковых сходств vs различий было предпринято М. С. Гутовской [16, с. 3–201] на материале русских и английских метаязыковых обозначений. В дальнейшем сопоставительное исследование номинативных полей с семантикой 'беспокойство' в двух славянских (русский и белорусский) и двух германских (английский и немецкий) языках представлено в наших работах [17; 18].

Актуальность исследования номинативных полей как объединений номинативных единиц двух типов (лексем и фразем) обусловлена тем, что оно отвечает потребности сопоставительного и типологического языкознания в комплексном сопоставительном изучении лексико-фразеологической структуры номинативных систем и восполняет на материале выбранных исследователем полей недостаток эмпирических данных о таких значимых аспектах строения номинативных систем языков, как принципы распределения номинативных единиц разных типов по денотативно-коннотативным зонам полей; соотношение мотивированности и немотивированности, различных типов мотивированности в полях в целом и в их лексических и фразеологических частях; пропорции схожего и специфичного для исследуемых языков.

Поскольку номинативные поля как правило являются достаточно крупными семантическими группировками единиц, то обнаруженные в них характеристики могут экстраполироваться на номинативные системы исследуемых языков. Выявленные при межгрупповом и внутригрупповом сопоставлении принципы функционирования лексических и фразеологических подсистем словарных составов языков способствуют углублению понимания особенностей, связанных с групповой принадлежностью языков.

Поскольку номинативное поле является достаточно большой группировкой языковых единиц, то в зависимости от целей исследования в его составе могут выделяться более мелкие объединения. Как отмечает М. С. Гутовская, «семный анализ позволяет определить наиболее существенные компоненты в значении номинативных единиц и выделить семантико-денотативные рубрики более низкого и более высокого ранга в соответствии

с семантическим компонентом, общим для номинативных единиц одного (более низкого или более высокого) уровня обобщения» [16, с. 51]. Семантико-денотативные рубрики более низкого ранга в работах разных исследователей называются: *микрополя* [19; 20; 21], *субполя* [22; 23; 24], *лексико-семантические группы* [25; 26], *фразеосемантические группы* [27; 28].

При выделении внутри номинативного поля группировок нескольких уровней иерархии необходимо использовать терминологию, которая позволила бы избежать разночтений. В этом случае представляется возможным прибегнуть к терминам *макрогруппа* и *микрогруппа*. Основываясь на интерпретации лексико-семантической группы как объединения синонимических групп и подгрупп на основе общего понятия, содержащегося в смысловой структуре каждого члена этого объединения [29, с. 10]; как совокупности слов и лексико-семантических вариантов слов, соотнесенных с одной и той же областью действительности и обладающих хотя бы одним общим семантическим признаком, помимо категориального признака соответствующей части речи [30, с. 4], приведем определение макро-/микрोगруппы. Под макро-/микрोगруппой понимается совокупность номинативных единиц (лексем и/или фразем) различной частеречной принадлежности, выделяемых внутри номинативного поля и обладающих – помимо интегрального полевого – общим семантическим признаком более низкого уровня обобщения. Микрोगруппы выделяются внутри соответствующих макрогрупп.

Важную роль в исследованиях играет выбор поля – оно должно быть достаточно крупным и репрезентативным объединением номинативных единиц. Продемонстрируем логику выбора поля исследования на примере номинативного поля с семантикой ‘беспокойство’.

Беспокойство является сильной эмоцией, которую человек испытывает достаточно часто. Базовые понятия о беспокойстве аккумулируются в языке, в том числе в семантике лексем и фразем и таким образом передаются из поколения в поколение. Эти знания доступны всем членам языкового коллектива, вне зависимости от возраста, социального положения, профессии, и в дальнейшем определяют поведение человека в бытовой ситуации беспокойства. О важности феномена ‘беспокойство’ для носителей русского, белорусского, английского и немецкого языков свидетельствуют индексы частоты употребления базовой лексемы: *беспокойство* в русском языке – 18,5 (OnlineНЧСРЯ), *неспакоў* в белорусском – 29 (ЧСБМ), *anxiety* в английском – 27 (OnlineWFWSE), *Unruhe* в немецком – 19 (FDG) на миллион употреблений. Все это позволило предположить – на этапе выбора поля исследования – достаточную количественную репрезентацию феномена лексическими и фразеологическими средствами четырех рассматриваемых в работе языков.

При определении составов номинативных полей особенно важен выбор словарей. Как отмечает М. С. Гутовская, при установлении составов фразеосемантических полей (ФСР) необходимо использовать «такие одноязычные

фразеологические словари этих языков, которые (а) содержат фразеологизмы одной формы существования языка – общенародного литературного языка, (б) являются сопоставимыми по объему и тем самым обеспечивают относительную репрезентативность установленных на их основе составов ФСП рассматриваемых языков и, как следствие, обоснованность выводов о схожести или специфичности отраженных в этих ФСП представлений о связанном с ними феномене, (в) совпадают по охватываемому периоду [31, с. 36].

Покажем процесс установления составов номинативных полей с семантикой ‘беспокойство’ в русском, белорусском, английском и немецком языках.

Лексические и фразеологические единицы извлекались из восьми основных источников путем сплошной выборки.

Лексемы отбирались из частотных словарей четырех языков: «Нового частотного словаря русской лексики» (составители О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров), «Частотнага слоўніка беларускай мовы» (составитель Н. С. Можейко), «Word Frequencies in Written and Spoken English» (составитель Дж. Лич, П. Рейсон, А. Уилсон) и «A Frequency Dictionary of German» (составители Р. Л. Джонс и Э. Чирнер) (список использованных словарей приведен в конце статьи). Значения русских лексем взяты из электронной версии «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (OnlineБТС), белорусских лексем – из «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» (ТСБМ), английских лексем – из «The Free Dictionary» (OnlineFD), немецких лексем – из «Duden Onlinewörterbuch» (OnlineDW). Лексический подкорпус сформирован с учетом критерия частотности (это обеспечивает сопоставимость объемов исследуемых подкорпусов в разных языках): в него вошли единицы с частотой 16 и выше на миллион употреблений (словник использованного в работе немецкого частотного словаря ограничен такой частотой).

Основными источниками единиц, включенных во фразеологический подкорпус, послужили следующие словари: «Фразеологический словарь русского языка» ((ФСРЯ) составители А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова, свыше 10 тысяч фразем), «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» в двух томах ((СФБМІ, СФБМІІ) составитель И. Я. Лепешев, около 7 тысяч фразем, 2008 г.), «Longman Idioms Dictionary» ((LID) свыше 6 тысяч фразем) и «Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik» ((DRW) свыше 10 тысяч фразем). После отбора релевантных единиц из «Слоўніка фразеалагізмаў беларускай мовы» 2008 года издания подкорпус белорусских фразем был уточнен по изданию того же словаря 1993 года, в результате чего видовые варианты фразем, которые подавались в издании 2008 года как отдельные обороты, были объединены в одну единицу исследования (ср. *біць трывогу* ‘настойліва звяртаць усеагульную ўвагу на што-н. небяспечнае, заклікаць да барацьбы з ім’ (СФБМІ, с. 108) и *забіць трывогу* ‘пачаць настойліва звяртаць усеагульную ўвагу на што-н. небяспечнае, заклікаючы на барацьбу з ім’

(СФБМІ, с. 430) vs *біць (забіць) трывогу* ‘настойліва звяртаць усеагульную ўвагу на што-н. небяспечнае, заклікаць да барацьбы з ім’ (СФБМІ, 1993, с. 93)). Подаваемые в обоих изданиях «Слоўніка фразеалагізмаў беларускай мовы» как отдельные фраземы грамматические варианты оборотов (*ігра на нервах* ‘наўмыснае раздражненне, нерваванне каго-н.’ (СФБМІ, с. 523) и *іграць на нервах* ‘наўмысна раздражняць, нерваваць каго-н.’ (СФБМІ, с. 524)) вслед за автором словаря рассматриваются нами как отдельные единицы, они составляют незначительный процент подкорпуса (1,7 %) и, следовательно, их доля не является статистически значимой для исследования.

Список слов, присутствие которых в словарных толкованиях лексем и фразем позволяло включить номинативную единицу в материал исследования, устанавливался методом цепочки словарных дефиниций [32, с. 115–117]: из толкований заглавных лексем (*беспокойство, неспакой, anxiety, Unruhe*) были отобраны все слова с релевантной семантикой, далее дефиниции отобранных лексем подвергались той же процедуре до тех пор, пока не перестали появляться новые слова, номинирующие беспокойство. О принадлежности к полю ‘беспокойство’ свидетельствует наличие в толковании лексем и фразем следующих компонентов: *беспокойство, тревога, волнение, возбуждение, заботы, хлопоты, внимание, страх, испуг, опасение, опасность, угроза, нервный, переполох, суматоха, суета, смятение, неизвестность, предчувствие, ожидание, несчастье, неприятность; неспакой, трывога, хваляванне, узбуджанне, турботы, клопаты, увага, страх, спалох, боязь, жах, паніка, апаска, асцярожнасць, небяспека, пагроза, нервовы, чаканне, прадбачанне, напружанне, шум, рух, перапалох, мітусня, збянтэжанасць, разгубленасць, нядобры, непрыемны, няшчасце, зло, шкода; anxiety, uneasiness, worry, agitation, disquiet, excitement, disturbance; care, fear, apprehension, dread, danger, threat, unsecure, risk, harm, hostility, pain, uncertainty, unsure, doubt, suspence, anticipation, eager, tension, constrained, strain, stress, nervous, misfortune; Unruhe, Ruhelosigkeit, Unrast, Aufregung, Befürchtung, Sorge, Angst, Besorgnis, Spannung, Gefahr, Drohung, nervös, Empörung, Unmut, Unzufriedenheit*; их синонимов и сохранивших семантику ‘беспокойство’ дериватов.

В состав номинативных полей включались лексемы и фраземы, требующие не более трех семантизирующих шагов для выявления значения ‘беспокойство’ / ‘неспакой’ / ‘anxiety’ / ‘Unruhe’: *наказание* ‘3. О ком-, чём-л., причиняющем затруднения, хлопоты и т. п.’ (OnlineБТС) ← 1) *хлопоты* ‘1. Дела, занятия, связанные с суетой, заботами, беспокойством’ (OnlineБТС); *млець* ‘1. Траціць прытомнасць ад хвалявання, перажывання’ (ТСБЛМ, с. 348) ← 1) *хваляванне* ‘2. Нервовая ўзбуджанасць, выкліканая адчуваннем трывогі, радасці і пад.’ (ТСБЛМ, с. 720); *a belt and braces approach* ‘a way of dealing with a situation, taking extra care to make sure it works well’ (досл. ‘подход ремня и подтяжек’ ‘о случае, когда человек очень сильно заботится о том, чтобы все хорошо работало’) (LID, с. 24) ← 1) *care* ‘1.a. A concerned

or troubled state of mind, as that arising from serious responsibility; worry' ('1.a. Обеспокоенность, вызванная серьезной ответственностью, волнение') (OnlineFD) ← 2) *worry* '8. A worried condition or feeling; uneasiness or anxiety' (8. Тревожное состояние или чувство; беспокойство) (OnlineFD); *jmdn., etw. fürchten wie der Teufel das Weihwasser* 'vor jmdm., etw. große Angst haben' (досл. 'бояться кого-, чего-л., как черт святой воды' 'иметь очень большой страх перед кем-, чем-л.'). (DRW, с. 243) ← 1) *Angst*, die 'mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand [angesichts einer Gefahr]; undeutliches Gefühl des Bedrohtseins' (*страх* 'эмоциональное состояние, связанное с тревогой, депрессией, возбуждением [перед лицом опасности]; смутное ощущение угрозы') (OnlineDW) ← 2) *Unruhe*, die '4.b. Ängstliche Spannung, Besorgnis, Angstgefühl' (*беспокойство* '4.b. Боязнь, опасение, чувство страха') (OnlineDW). Совокупный объем корпуса исследования составляет 1095 употребительных номинативных единиц. Данные о количестве единиц, образующих лексический и фразеологический подкорпусы русского, белорусского, английского и немецкого языков представлены в таблице.

Количество исследуемых лексем и фразем в русском, белорусском, английском и немецком номинативных полях с семантикой 'беспокойство'

	Лексемы	Фраземы	Всего
Русский материал	92	138	230
Белорусский материал	98	233	331
Английский материал	92	163	255
Немецкий материал	74	205	279
Всего	356	739	1095

Ориентировочное соотношение частоты употребления архилексемы и количества лексем и фразем, входящих в состав номинативных полей при отборе в не более чем три семантизирующих шага и ограничении лексического подкорпуса единицами с частотой 16 и выше на миллион употреблений, может быть использовано при выборе и формировании полей в других исследованиях номинативных систем языков.

Сформированный корпус номинативных единиц, обозначающих беспокойство, составляет более 1 % от общего объема словаря каждого из восьми основных словарей-источников (1,6 % OnlineНЧСРЯ, 1,2 % ЧСБМ, 1,6 % OnlineWFWSE, 1,8 % FDG, 1,4 % ФСРЯ, 3,5 % СФБМІ + СФБМІІ, 2,7 % LID, 2 % DRW). Абсолютные показатели количественной представленности лексем и фразем в четырех сопоставляемых языках разнятся. Однако это не существенно для исследований, в фокусе которых находится не количественная репрезентация определенной семантики номинативными

единицами разных языков, а процентное соотношение лексем и фразем в группировках в каждом языке, используемое при межъязыковом сопоставлении их удельного веса и ранга.

При сопоставительном исследовании в семантико-денотативном аспекте лексической и фразеологической составляющих номинативных полей (например, при рассмотрении особенностей отражения культурно vs когнитивно значимых феноменов, связанных с беспокойством, в номинативных единицах языка) представляется удобным прибегнуть к делению полей на макро- и микрогруппы. Проиллюстрируем это на примерах. Методом компонентного анализа словарных дефиниций конститuentов номинативных полей 'беспокойство' в русском, белорусском, английском и немецком языках были вычленены два семантических компонента, позволивших разделить номинативные единицы полей на две макрогруппы: 'проявления беспокойства у человека' и 'источники беспокойства'. Далее в границах макрогрупп были выявлены семантические компоненты более низкого уровня обобщения, что позволило разделить каждую макрогруппу на три микрогруппы. Макрогруппу 'проявления беспокойства у человека' образуют микрогруппы 'внутреннее эмоциональное состояние человека, испытывающего беспокойство' (*нервничать* 'находиться в возбуждённом, нервном состоянии, испытывать раздражение, беспокойство; волноваться' (OnlineБТС); *перажываць* '2. Хвалявацца, нервавацца з прычыны чаго-н., быць у стане душэўнага неспакою ў сувязі з чым-н.' (ТСБЛМ, с. 464); *state* '1.d. Состояние волнения, возбуждения' (OnlineFD); *Spannung*, die '1.c. Волнение, нервный дисбаланс' (OnlineDW)); *с замиранием сердца* 'испытывая сильное волнение, тревогу' (ФСРЯ, с. 86); *як (нібы) на (гарачым) вуголлі* 'у стане крайняга хвалявання, неспакою, трывогі і пад.' (СФБМІ, с. 220); *in a blue funk* 'очень несчастный, обеспокоенный чем-либо' (LID, с. 131); *jmdm. kocht das Blut in den Adern* 'кто-либо очень взволнован, очень зол' (DRW, с. 125)); 'внешние проявления беспокойства у человека' (*дрожать* '1. Вздрагивать, содрогаться, трястись (руки, ноги, колени дрожат (от волнения, страха и т.п.))' (OnlineБТС); *млець* '1. Траціць прытомнасць ад хвалявання, перажывання' (ТСБЛМ, с. 348); *Hitze*, die '2. Ощущение сильного жара в теле или части тела, связанное с приливом крови из-за волнения, лихорадки и т. д.' (OnlineDW); *отвести душу* '2. Высказать кому-л. то, что наболело; поделиться своими переживаниями' (ФСРЯ, с. 74); *выліваць душу* 'шчыра дзяліцца з кім-н., пра тое, што хвалюе, набалела' (СФБМІ, с. 245); *wring your hands* 'говорить о своем беспокойстве, ничего, однако, не предпринимая для его устранения' (LID, с. 154); *einen Kloß / Knödel im Hals haben* 'связанное с волнением ощущение удушья в горле и неспособность говорить' (DRW, с. 411)) и 'преодоление беспокойства' (*успокоиться* '1. Стать спокойным, подавить своё волнение, тревогу или горячность, возбуждение' (OnlineБТС); *сцішыцца* '3. Перастаць хвалявацца; супакоіцца, змоўкнуць' (ТСБЛМ, с. 643); *relief* 1.a. Ослабление боли,

страдания, беспокойства' (OnlineFD); *entspannen* 'понизить степень напряжения, успокоиться' (OnlineDW); *одолееть себя* 'справиться со своим волнением, пересилить себя' (ФСРЯ, с. 180); *з плеч (з плячэў) далюў* '2. Не трэба больш думаць, непакоіцца, абцяжарваць сябе чым-н.' (СФБМІ, с. 359); *close the book on sth* '1. Признать, что трудная или неприятная ситуация закончилась, и перестать думать или беспокоиться об этом' (LID, с. 36); *die Wogen glätten sich* 'успокаиваться, подавлять волнение, возмущение' (DRW, с. 851)); макрогруппу 'источники беспокойства' – микрогруппы 'внешние факторы беспокойства' (*угроза* '2. Возможность, опасность какого-л. бедствия, несчастья, неприятного события' (OnlineБТС); *крыж* '6. Пра цяжкі лёс, які выпаў на чыю-н. долю' (ТСБЛМ, с. 303); *hell* '4.b. То, что вызывает беспокойство, причиняет затруднения, страдания, раздражение' (OnlineFD); *Gefahr, die* 'возможность того, что чему-то наносится ущерб; грозящая катастрофа' (OnlineDW); *дамоклов меч* 'о постоянно грозящей опасности' (ФСРЯ, с. 60); *бочка з порахам* 'неадступная пагроза, вялікая небяспека' (СФБМІ, с. 132); *a wild card* 'о ком-то или о чем-то, что вызывает беспокойство или чувство неуверенности, поскольку неизвестно, как они будут себя вести, будут ли они успешными и т. д.' (LID, с. 52); *die Einschläge/(seltener) Einschüsse kommen näher* 'ситуация становится угрожающей, и предстоят неприятные события' (DRW, с. 183)); 'внутренние причины беспокойства' (*опасение* 'предчувствие опасности, чувство тревоги, беспокойства в ожидании какой-л. беды, неприятности и т. п.' (OnlineБТС); *doubt* '1.a. Состояние неопределенности относительно правды или достоверности чего-либо' (OnlineFD); *befürchten* 'на основании определенных признаков предвидеть что-либо неприятное, что может произойти' (OnlineDW); *душа ушла в пятки* 'о сильном испуге, внезапном страхе' (ФСРЯ, с. 74); <усе> *блoхi падoхлi (памёрлi)* 'хто-н. страшэнна спалохаўся, адчувае моцны жах' (СФБМІ, с. 112); *sb's blood runs cold* 'о ком-либо, кто очень напуган или шокирован' (LID, с. 30); *jmdm. sitzt die Angst im Nacken* 'кто-либо испытывает сильный страх' (DRW, с. 46)) и 'устранение причин беспокойства' (*спасти* '1. Избавить от гибели, уничтожения, опасности; уберечь от кого-, чего-л., угрожающего смертью, гибелью, опасностью' (OnlineБТС); *ратаваць* 'даваць ратунак, дапамогу ў цяжкім выпадку; пазбаўляць ад небяспекі' (ТСБЛМ, с. 561); *abandon* '2. Сдаться, уйти откуда-либо, особенно в результате опасности или другой надвигающейся угрозы' (OnlineFD); *retten* 'уберечь от опасности, угрожающей ситуации и тем самым предотвратить смерть, разрушение, потерю, повреждение или тому подобное' (OnlineDW); *отпустить душу на покаяние* 'отпустить, не трогать, оставить в покое кого-л.' (ФСРЯ, с. 74); *хмары рассейваюцца (рассеяліся)* 'знікае пагроза небяспекі, бяды і пад.' (СФБМІІ, с. 847); *(back) on an even keel* 'жить и работать стабильно и без проблем, особенно после периода неприятностей' (LID, с. 186); *über etw. wächst Gras* 'со временем забывать неприятности' (DRW, с. 288)).

В настоящее время существует несколько подходов к выделению репрезентативного фрагмента номинативного состава языка в зависимости от цели исследования (семантическое поле/группа, тематическое поле/группа, лексико-семантическое поле, фразео-семантическое поле, лексико-фразеологическое поле, номинативное поле). При исследовании выражения определенной семантики средствами как лексики, так и фразеологии видится наиболее оптимальным прибегнуть к концепции номинативного поля. В номинативных полях на основании наличия в семантике лексем и фразем – помимо интегрального полевого – общего семантического признака более низкого уровня обобщения выделяются макрогруппы и в составе макрогрупп микрогруппы. При выборе поля исследования необходимо отталкиваться от его количественной представленности, чтобы выявленные в нем характеристики могли с большой долей вероятности быть распространены на номинативную систему исследуемого языка. В этом случае представляется возможным отталкиваться от частоты употребления архилексемы и количества семантизирующих шагов, необходимых для выявления архисемы поля. Ориентировочными показателями могут служить номинативные поля с семантикой ‘беспокойство’ в русском, белорусском, английском и немецком языках. При частоте употребления архилексемы *беспокойство* – 18,5, *неспокой* – 29, *anxiety* – 27, *Unruhe* – 19 на миллион употреблений и ограничении лексической выборки по частотному показателю 16 и выше на миллион словоупотреблений количественная репрезентация лексем и фразем составила 92/138 в русском, 98/233 в белорусском, 92/163 в английском и 74/205 в немецком языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ipsen, G.* Der alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. – Heidelberg, 1924. – S. 74–82.
2. *Уфимцева, А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1968. – 287 с.
3. *Кочнова, К. А.* Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира / К. А. Кочнова // Филология и литературоведение. – № 5. – 2015. – URL: <http://philology.snauka.ru/2015/05/1370> (дата обращения: 28.12.2024).
4. *Тихонов, А. Н.* Границы и структура лексико-семантического поля / А. Н. Тихонов // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь, 1993) : в 3 ч. – Уфа, 1994. – Ч. 3. – С. 3–6.
5. *Караулов, Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – № 1. – 1972. – С. 57–68.

6. *Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного языка : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 3-е изд., стереотип. – Дубна : Феникс, 2005. – 488 с.
7. *Сабурова, Н. А.* Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 81–88.
8. *Ротова, М. С.* Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ротова Мария Семеновна. – Воронеж, 1984. – 145 л.
9. *Бердникова, Т. А.* Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бердникова Татьяна Александровна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2000. – 380 л.
10. *Гусева, А. Е.* Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках / А. Е. Гусева. – М. : Изд-во МГОУ, 2007. – 362 с.
11. *Попова, З. Д.* Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
12. *Белова, Н. А.* Английское лексико-фразеологическое поле наименований перцептивных действий и состояний (в свете полевого и лингвокогнитивного подходов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Белова Наталья Александровна ; Самар. гос. архитект.-строит. ун-т. – Самара, 2013. – 194 л.
13. *Шаманова, М. В.* Лексико-фразеологическое поле 'общение' в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шаманова Марина Владимировна. – Воронеж, 2000. – 232 л.
14. *Гусева, А. Е.* Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гусева Алла Ефимовна ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2008. – 489 л.
15. *Шафиева, М. А.* Лингвистические и семиокультурные характеристики английского лексико-фразеологического поля «Одежда» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шафиева Мария Анатольевна. – Самара, 2011. – 190 л.
16. *Гутовская, М. С.* Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках / М. С. Гутовская. – Минск : БГУ, 2019. – 399 с.
17. *Корнакова, В. И.* Семантико-ономасиологическое своеобразие лексико-фразеологического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках / В. И. Корнакова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2022. – № 1. – С. 40–52.

18. *Корнакова, В. И.* Общие и различительные черты лексико-фразеологического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках / В. И. Корнакова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2023. – № 2. – С. 68–83.
19. *Митина, О. А.* Семантика предшествования в рамках микрополя прошедшего времени в русском и английском языках (на материале русских и английских версий произведений В. В. Набокова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Митина Ольга Алексеевна. – Курск, 2010. – 202 л.
20. *Александрович, Л. В.* Сопоставительно-сравнительные отношения языковых единиц в синонимических микрополях лексической системы русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Александрович Людмила Владимировна ; Армавир. гос. пед. ун-т. – Армавир, 2008. – 241 л.
21. *Ганиева, Н. Р.* Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в русском, таджикском и узбекском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ганиева Назира Рахимбердиевна ; Таджик. гос. коммерч. ун-т. – Душанбе, 2004. – 145 л.
22. *Альяффар, С.* Семантическое поле «растения» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Альяффар Саид ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1999. – 217 л.
23. *Вершинина, М. Г.* Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: на материале пермских говоров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вершинина Мария Геннадьевна ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2013. – 259 л.
24. *Лукина, О. И.* Фонетический термин как единица терминологического поля во французском языке в сопоставлении с русским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Лукина Ольга Ивановна ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 261 л.
25. *Сахибуллина, К. А.* Лексико-семантическая группа «орнитонимы» в английском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сахибуллина Кадрия Азатовна ; Казан. федер. ун-т. – Казань, 2019. – 177 л.
26. *Симакова, О. Б.* Лексико-семантическая группа «Орнитонимы»: на материале русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Симакова Ольга Борисовна. – Орел, 2004. – 293 л.
27. *Цыганков, С. Б.* Структурно-семантическая характеристика фразеосемантического поля качественно-обстоятельственных фразем русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Цыганков Сергей Борисович. – Майкоп, 2007. – 235 л.
28. *Труфанова, Л. А.* Субстантивные фразеологические единицы с неличным значением в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Труфанова Лилия Асмановна. – Казань, 2009. – 229 л.

29. *Зушинская, Л. Н.* Сема-ономасиологическое исследование группы существительных развернутого микрополя “terre” : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Зушинская Лидия Николаевна. – Киев, 1983. – 24 с.
30. *Стратонова, Г. Я.* Лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих универсальные способности человека (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Стратонова Галина Яковлевна. – Ленинград, 1981. – 19 с.
31. *Гутовская, М. С.* Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразеосемантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях / М. С. Гутовская // Веснік БДУ. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2013. – № 2. – С. 34–41.
32. *Попова, З. Д.* Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания [1984] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд. – М. : URSS : Либроком, 2011. – 171 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

- DRW – Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – 4., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Berlin : Dudenverlag, 2013. – 929 S.
- FDG – Jones, R. L. A Frequency Dictionary of German: core vocabulary for learners / R. L. Jones, E. Tschirner. – NY : Routledge, 2006. – 190 p.
- LID – Longman Idioms Dictionary. – Harlow : Pearson Education Limited, 1998. – 398 p.
- OnlineDW – Duden Onlinewörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (date of access: 01.03.2020).
- OnlineFD – The Free Dictionary. – URL: <https://www.thefreedictionary.com/dictionary.htm> (date of access: 01.03.2020).
- OnlineWFWSE – Leech, G. Word Frequencies in Written and Spoken English / G. Leech, P. Rayson, A. Wilson. – URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html> (date of access: 20.08.2020).
- OnlineБТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 01.03.2020).
- OnlineНЧСРЯ – Ляшевская, О. Н. Новый частотный словарь русской лексики / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.08.2020).
- СФБМІ – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Том 1. А–Л / склад. І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
- СФБМІІ – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Том 2. М–Я / склад. І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

СФБМІ1993 – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Том 1. А–Л / склад. І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1993. – 590 с.

СФБМІІ1993 – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Том 2. М–Я / склад. І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1993. – 607 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка: св. 10 000 фразеологизмов / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.) [и др.]. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – 334 с.

ЧСБМ – Мажэйка, Н. С. Частотны слоўнік беларускай мовы: А–Я / Н. С. Мажэйка. – Мінск : Зоркі гор, 2006. – 658 с.

Поступила в редакцию 28.05.2025

УДК 811.581'37+811.581'35

Михалькова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и практики китайского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Mikhalkova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Theory and Practice of the Chinese Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nadezhdakr@yandex.ru

ОСНОВАНИЯ И МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ДЕТЕРМИНАТИВОВ СЛОЖНЫХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье представлены методы построения новой семантической классификации детерминативов сложных иероглифических знаков китайского языка, разработанной нами на основании учета многозначности графем и охватывающей 266 смысловых единиц китайской письменности. Используемый принцип классификации базируется на онтологических, логико-смысловых основаниях, т.е. выделении различных объектов, действий и характеристик окружающей человека действительности, с целью понимания того, какие типы объектов модели мира представлены в системе детерминативов китайского письма и каким образом происходит их выбор в качестве смысловых компонентов сложных иероглифов, в состав которых они входят. Такое логико-смысловое деление детерминативов на разноуровневые кластеры позволило сопоставить полученные данные с иными разработанными учеными семантическими построениями и подсистемами базовых единиц в различных языках мира для определения системных и специфических принципов семантической организации китайской письменности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическая классификация; детерминатив; сложный иероглиф; китайский язык; письменность; иерархия.

BASIS AND METHODS OF SEMANTIC DENDROGRAM OF RADICAL SIGNS CONSTRUCTION IN THE CHINESE WRITING

Methods of semantic classification of determinatives of complex Chinese signs, developed taking into account the polysemy of graphemes and covering 266 units of the Chinese writing are presented in the article. The classification principle used is based on ontological, logical-semantic foundations, the identification of various objects, actions and characteristics of the reality surrounding a person, in order to understand what types of objects of the world model are presented in the system of determinatives of the Chinese writing and how they are selected as bases for complex signs. Such logical and semantic division of determinatives into multi-level clusters also allowed us to compare the obtained data with other semantic constructions and subsystems of basic units developed by scientists in various languages of the world to determine the systemic and specific principles of the semantic organization of the Chinese writing.

Key words: semantic classification; determinative; complex sign; the Chinese language; writing; hierarchy.

Системность языка, провозглашенная Ф. де Соссюром, проявляется в определенных, в т.ч. семантических, закономерностях сосуществования языковых единиц. Выявление типов их взаимодействия, установление логических оснований семантических связей и отношений в системе языка привели к тому, что лингвистическая наука к настоящему времени фиксирует большое число различных типов семантических объединений (*семантические категории, семантические группы, семантические классы, фреймовые структуры, семантические поля*, внутри последних выделяются *ассоциативные, тематические, понятийные* и другие типы организации единиц), базирующихся на разных основаниях, что и порождает их широкое разнообразие [1; 2; 3; 4; 5].

Основания данных объединений широко исследованы, прежде всего, психологией и философией. В частности, в логике выделяются отношения тождества, пересечения, подчинения, координации, противоположности, противоречия, часть–целое и др. В языках это репрезентировано через такие отношения, как синонимия, антонимия, партонимия, гиперо-гипонимия, эквонимия, сетевые, цепочечные, иерархические, циклические и иные структуры. Выявленные пересечения данных отношений приводят к существованию сложных семантических объединений, включающих одновременно несколько типов организаций. Таковы, например, различные обозначения концептуальных или акциональных целых, определяемых в языке через описанные Ч. Филлмором фреймы [6], где знаки объединяются посредством включения в репрезентацию той или иной ситуации (*покупки, продажи, процесса лечения* и др.).

В то же время, согласно Ш. Балли, языковая система представляется нам в виде сети мнемонических ассоциаций, которые оказываются сходными у всех говорящих субъектов и распространяются на все уровни языка [7]. Различные восприятия при известных условиях ассоциируются и соединяются между собой [8]. Данное психологическое направление лингвистики, начиная от В. Вундта и активно далее развиваясь в работах Д. Диза, Дж. Миллера, Ст. Ульмана, Э. Велландера, Ю. Н. Караулова, А. А. Леонтьева, А. П. Клименко и др., привело к пониманию ассоциативных полей как особых семантических структур, в которых имеют место специфические по сравнению с семантическими полями связи подобия, а также смежности во времени и пространстве.

Ассоциативное мышление человека, оперирующее, по признанию ученых, категориями образов, идей, суждений и понятий [9], приводит к существованию количественно и качественно неоднородных делений единиц в разных языковых системах [10]. Например, в языке ганда имеет место 10 групп имен, характеризующих людей, длинные предметы, животных, жидкости, широкие, маленькие предметы и др., в языке суахили выделяется 13 классов единиц (*люди, деревья, ножи, цветы* и др.), в языке фула – от 20

до 25 классов (*жидкости, деревья, мелкоокруглые предметы, массивные предметы* и др.), в языке зулу – 14 классов, туюка – 97 классов, барасана – 137 классов. Чукотско-камчатские языки насчитывают, как правило, до 4 классов именных единиц, различающихся по степени активности (*неактивный класс неодушевленных предметов; класс животных; среднеактивный класс людей; высокоактивный класс людей и животных*) и др.

Вопрос о том, каким образом семантически организована китайская письменная система и ее компоненты, долгое время находится в области научных интересов ученых, включая проблемы терминологической неоднозначности элементов китайских сложных иероглифов, а также их численного состава.

Отметим, что относительно смысловых компонентов китайских сложных знаков-*детерминативов*, которые являются объектом исследования в данной работе, в учебно-методической литературе находит широкое употребление и хорошо закрепился термин *ключ*, появившийся, как указывает А. Ф. Кондрашевский, путем удачного перевода английского понятия *radical* и китайского *бушоу* 部首. Наряду с термином *ключ* в китаеведении также имеют место такие обозначения смысловой части иероглифа, как *ключевой знак* [11], графема *синсу* 形素 [12], корень письменного знака *цзыгэнь* 字根, основа письменного знака *цзыюань* 字元, морфема письменного знака *цзысу* 字素, *радикал, идеограф, синограф, графема* [13; 14] и др., среди которых, как нам кажется, наиболее подходящим для целей обозначения графемы, которая одновременно выполняет функции определителя смысловых групп, семантического указателя, классификатора и «рубрикатора» всех сложных иероглифических знаков китайского языка, является термин *детерминатив*, используемый в большинстве научных работ по иероглифике, в том числе китайского письма [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

Неоднозначностью характеризуется также количественный состав системы детерминативов китайской письменности. Сопоставление списка *бушоу* 部首 Сюй Шэня с базовыми списками графем Юэ Чжай (1947), Чжу Цзюньшэнь (1959), Гао Хэн (1963), Ма Сюйлунь (1958), Ли Сяодин (1974) и др. показал, что численный объем смысловых компонентов достигает от 147 до 540 знаков. «Анализ списков детерминативов разных периодов развития китайской иероглифической письменности показал, что для данной подсистемы единиц характерна как эволюционность, так и вариативность, поскольку, сформировавшись и выделившись единожды, дальнейшие модификации производились больше с целью упорядочивания или упрощения для обучающихся, нежели лингвистически необходимых структураций» [26, с. 87–88]. Согласно исследованию японо-китайской иероглифики В. Ф. Резаненко набор базовых элементов включает 309 знаков [19, с. 5].

Среднее число детерминативов составляет от 250 до 300 знаков [14, с. 18]. Принятая в 1983 г. «Сводная таблица ключей китайских иероглифов» (汉字统一部首表) содержит 201 основной знак и впоследствии выделенные в 2009 г. 99 дополнительных детерминативов [27].

За основу общего количества детерминативов сложных иероглифических знаков китайского языка, которое положено в основу нашей семантической классификации, избраны данные «Сводной таблицы ключей китайских иероглифов» (汉字统一部首表), сопоставленные с современным наиболее полным иероглифическим онлайн-словарем 汉字字典 [28]. Итоговый список включил 266 детерминативов, куда в том числе вошли 214 единиц как установленное и общепринятое в наибольшем числе научно-методических разработок и лексикографических источниках количество детерминативов, начиная со словаря Канси (康熙字典), разработанного еще в XVIII в.

В количественном аспекте число детерминативов китайской письменности, т.е. тех семантических основ построения всей системы знаков, с одной стороны, превышает число разработанных базовых семантических единиц и детерминативов в других языках (ср. с 6 детерминативами в письменности майя [24], с 24 детерминативами египетской иероглифики [29], с 65 семантическими примитивами А. Вежбицкой [30], с 80 концептами Русского идеографического словаря под ред. Н. Ю. Шведовой [3], со 100-словным списком базовой лексики для русского языка и 207-словным списком для английского и сино-тибетских языков М. Сводеша [31], с 156 доменами русского Wordnet и др.). С другой стороны, система детерминативов китайской письменности может рассматриваться как уменьшенный «конденсированный» вариант знаний об окружающей человека действительности (ср. с 309 базовыми семантическими единицами В. Ф. Резаненко относительно китайско-японской иероглифики [19], с 327 потенциальными ядрами Идеографического словаря Ю. Н. Караулова [1], с 497 хеттскими иероглифическими знаками по Э. Ларошу и др.).

Детерминативы, исходный набор которых для построения семантической классификации составил 266 единиц, являются своеобразным минимальным набором концептов, которые в китайской письменности «сводят» в единый конструкт все многообразие окружающей действительности, выражая наивное представление носителей китайского языка о модели мира.

С семантической точки зрения модель мира, построенная через детерминативы китайской письменности, представляет собой определенным образом организованную систему единиц, анализ которой отечественными и китайскими учеными позволил предложить целый ряд семантических классификаций (см. Цзоу Сяоли [32], Ван Юйсинь [33], В. П. Резаненко [19], Ван Хуньюань [34], Хао Вэнью [35]), построенных на ассоциативно-логи-

ческом принципе. Так, в группу зоонимических знаков включается обозначение следа лапы животного. Знаки, которые репрезентируют транспорт и контейнеры, объединены в одну семантическую область. Разделены на две разные категории (предметов и растений) такие обозначения, как *рис*, *тыква* и *просо*. Природные объекты классифицированы на области неба и земли и т.п. (см. классификацию Цзоу Сяоли [32]).

Ассоциативный принцип семантического объединения детерминативов широко применялся китайскими учеными и долгое время оставался ведущим при построении семантических классификаций. Так, в монографии Ван Юйсинь «Когнитивный подход к исследованию детерминативов китайской письменности» [33] знаки группируются вокруг тех же ассоциативных групп. Например, «Детерминативы, обозначающие человека и все, что с ним связано», куда вошли не только номинации непосредственно лиц, но и различные обозначения человека, основанные на признаках размера (大 ‘большой’ – иероглиф изображает человека с распахнутыми руками), родственных отношений (儿 ‘сын’), возраста (子 ‘ребенок’), положения относительно пространства (立 ‘стоять’), состояния (尸 ‘труп’, 疒 ‘болезнь’) и др. В группу зоонимов и всего, что с ними связано, также включается детерминатив 内 ‘след лапы’. Однако, в отличие от Цзоу Сяоли, в отдельную группу Ван Юйсинь объединены детерминативы-соматизмы, в которых в особую подгруппу отнесен детерминатив 心 ‘сердце’.

Сложность семантических классификаций, неоднозначность отнесения той или иной единицы в отдельные области приводят к тому, что учеными зачастую выделяются группы знаков, которые не вписываются ни в одну из разработанных категорий. Так, в работе Хао Вэнью среди устанавливаемых классов отдельно определена группа единиц (например, 高 ‘высокий’, 門 ‘ворота’ и др.), которые автор не смогла отнести к выявленным ею 7 семантическим типам знаков: 1) детерминативы, связанные с небом (月 ‘луна’, 风 ‘ветер’, 日 ‘солнце’); 2) детерминативы, связанные с землей (土 ‘земля’, 火 ‘огонь’, 石 ‘камень’); 3) детерминативы, связанные с человеком (人 ‘человек’, 牙 ‘зуб’, 么 ‘крохотный’); 4) детерминативы, связанные с предметами и делами (衣 ‘одежда’, 食 ‘еда’, 音 ‘звук’, 车 ‘транспорт’); 5) детерминативы, связанные с животными (牛 ‘бык’, 马 ‘лошадь’, 虫 ‘червь’, 肉 ‘мясо’, 龙 ‘дракон’); 6) детерминативы, связанные с растениями (艹 ‘трава’, 木 ‘дерево’, 米 ‘рис’); 7) детерминативы, обозначающие отличительные свойства (大 ‘большой’, 小 ‘маленький’, 长 ‘длинный’, 黑 ‘черный’) [35].

Отечественными лингвистами также не классифицируются отдельные детерминативы. Например, В. Ф. Резаненко, наряду с выделенными базовыми структурными элементами¹, обозначающими тело человека и его

¹ Термин В. П. Резаненко [19].

части¹, орудия труда и оружие, постройки и сооружения, растения, животных, вместилища, контуры и формы предметов, природные объекты и др., не классифицируются цветообозначения. Это, по-видимому, связано с тем, что объединения, построенные В. Ф. Резаненко [19], представляют собой попытку семантической организации базовых структурных элементов китайско-японской иероглифики, где в японском языке подобные семантические элементы могли отсутствовать. Вместе с тем автором очень подробно членятся на семантические группы исследуемые им единицы. Например, «Базовые структурные элементы, обозначающие тело человека и его положения» содержат субструктуры «Человек в общем значении» (прототип), «Человек, находящийся в вертикальном положении», «Человек, находящийся в согнутом положении» и др. Построенная В. Ф. Резаненко модель в большой степени напоминает не ассоциативные поля, а фреймовый тип организации единиц [6], более специализированный по сравнению с сетевой моделью, приближающийся к концептуальным конструктам.

Стремление охватить максимальное число единиц приводит к перегрузке семантических классификаций группами, ее излишней дробности, не позволяющей увидеть соответствующие семантические закономерности. Так, Ван Хуньюань делит всю систему детерминативов на ряд групп, включающих детерминативы, обозначающие человеческое тело, связанные с 1) телом человека, 2) головой, а также 3) руками и ногами [34]. В категорию детерминативов, связанных с природными явлениями, автор относит знаки, обозначающие астрономические объекты (например, солнце, луну, звезды), географические элементы (горы, реки, землю), флору и фауну [34]. Отдельно выделены детерминативы, связанные с охотой, земледелием, процессом одомашнивания животных, с ремесленной деятельностью (текстильное производство, строительство, гончарное дело, обработка нефрита, деревообработка и др.), с материальными условиями жизни людей (пища, одежда, жилище, средства передвижения, торговля и др.). Кроме того, Ван Хуньюань выделяет отдельные группы детерминативов, связанных с оружием и военной мощью, а также с религией и культурой [34]. В результате получилась, с одной стороны, прагматически направленная классификация, с другой стороны, достаточно перегруженная множеством групп. Такое дробное деление классов, по утверждению, например, представителей генеративной грамматики, избыточно, поскольку количество групп в классификации не должно превышать количество элементов в классифицируемой совокупности. Данный вывод также согласуется с положениями теории конечных групп, являющейся фундаментальной областью математики, физики и информатики, где конечная группа – это группа, содержащая

¹ При этом детерминатив 女 ‘женщина’ отнесен, например, в группу “Отдельные особенности и свойства тела человека”.

конечное число элементов от единицы. В теории групп правила деления на подгруппы конечных групп базируются на теореме Лагранжа, которая гласит, что порядок (количество элементов) любой подгруппы конечной группы обязательно является делителем порядка самой группы. Следовательно, наличие классов семантической классификации, превышающих число элементов данной классификации, квалифицируется как избыточность, приводящая к невозможности понимания ее принципов и выявляемых закономерностей.

Трудности, которые возникали при распределении детерминативов на разное число семантических групп, могли быть связаны у ученых с исходным числом классифицируемых единиц, поскольку их количество составляет не современный список детерминативов китайского письма (266 единиц согласно иероглифическому словарю 汉字字典), а первоначальная система ключей, представленная в древнем словаре Сюй Шэня «Шовэнь Цзецзы», насчитывающая 540 единиц.

Таким образом, иной количественный состав объекта описанных классификаций (540 знаков вместо 266 единиц), неоднозначность числа выделяемых авторами групп и используемых принципов, а также непринятие в расчет многозначности иероглифов (все графемы рассматривались как однозначные единицы) привели к необходимости построения иного семантического распределения детерминативов китайской письменности с целью выявления семантических закономерностей организации данной подсистемы графем китайского языка и последующего построения на этой основе систем искусственного интеллекта.

Используемый нами принцип классификации, в отличие от большинства разработанных ранее, базируется на онтологических, логико-смысловых основаниях, т.е. выделении различных объектов, действий и характеристик окружающей человека действительности с целью понимания того, какие типы объектов модели мира представлены в системе детерминативов китайского письма и каким образом происходит их выбор в качестве оснований сложных иероглифов, в состав которых они входят. В отличие от представленных ранее исследований, подобный подход дает возможность схематизации семантического пространства детерминативов в виде семантической иерархии с разработкой стабильных системных участков (ср. с делением лексики языков на части речи, где стабильными участками, несмотря на многочисленные диспуты относительно, например, таких слов русского языка, как *бег* – имя существительное, но имеет значение процессуальности, характерное для глагола, – являются понятия обозначений предметов, действий, свойств и др.). Такое логико-смысловое деление детерминативов на разноуровневые участки позволило также сопоставить полученные данные с иными разработанными учеными семантическими построениями

и подсистемами единиц в различных языках мира для определения системных и специфических принципов семантической организации детерминативов китайской письменности.

Теоретической и методологической основой для разработки семантической классификации детерминативов послужил многотомный Русский семантический словарь под ред. Н. Ю. Шведовой, являющийся одним из самых авторитетных, полных (более 300 000 единиц, ср. с Семантическими словарями Роже, 1985; А. Е. Бочкаревой, 2003; А. А. Шушкова, 2003; Л. Г. Бабенко, 2016) и системных описаний семантической организации лексических единиц [37], а также Русско-белорусский системный семантический словарь, изданные Институтом русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук и Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы Института языкознания им. Я. Коласа Национальной академии наук Республики Беларусь [38].

Отталкиваясь от избранного в данных лексикографических источниках принципа представления и описания единиц в виде древовидной иерархической структуры, идея которой восходит к «Древу Порфирия», где с помощью графической схемы философом Порфирием иллюстрируется последовательное дихотомическое деление понятий от общих к частным, семантическое пространство, образуемое детерминативами китайской письменности, было, соответственно, разделено и представлено нами в виде иерархического кластерного дерева (рисунок). Иерархическое кластерное дерево, именуемое в теории алгоритмов дендрограммой (dendrogram) и используемое нами далее в качестве термина-обозначения семантической классификации, понимается как многоуровневая иерархия, где к кластерам на одном уровне присоединяют кластеры на следующем уровне. В иерархическом кластерном дереве любые объекты в исходном наборе данных в конечном счете соединены на некотором уровне [39].

Семантически каждая из единиц, входящих в любой из выделенных нами кластерных уровней, является знаком, служащим для обозначения реалий физического и ментального мира (отвлеченных представлений предметов, признаков, процессов). Аналогично методу, предпринятому в Русском семантическом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой, единицей, существующей в составе семантической дендрограммы детерминативов как самая малая его частица, является значение детерминатива: для однозначного – это собственно его значение, для многозначного – одно из его значений, каждое значение в отдельности. Соответственно, в разработанной нами семантической классификации детерминативов китайского языка учитываются семантические варианты значений знаков. В частности, детерминатив 月 был отнесен в две категории: номинации природных объектов и соматизмы, поскольку имеет два значения «луна» и «тушка; мясо», детерминатив 王 также входит в две семантические группы – обозначения лиц со значением «государь» и твердых веществ со значением «яшма».

Семантическая дендрограмма детерминативов китайской письменности					
Кластер 1	Семантическая доминанта 1	Семантическая доминанта 2	Семантическая доминанта 3	Семантическая доминанта 4	Семантическая доминанта 5
Кластер 2	Макро-группы	Макро-группы	Макро-группы	Макро-группы	Макро-группы
Кластер 3	Микро-группы	Микро-группы	Микро-группы	Микро-группы	Микро-группы

Схематическое представление семантической дендрограммы
детерминативов китайской письменности

Каждый из 266 детерминативов был проанализирован с точки зрения его первоначального значения для понимания принципов построения смыслового пространства исходных элементов китайской письменности. Это значение и являлось единицей классификации. Сложность определения первого значения знака привела к необходимости использовать многочисленный ряд лексикографических и монографических работ по этимологии китайского языка [40; 41; 42; 43; 44]. В случае несовпадения значений в лексикографических источниках выбор одного из них в качестве единственно верного не производился, детерминатив включался сразу в несколько семантических групп (например, 士 ‘государственный деятель’ и 士 ‘дело’) или в одну группу (например, 門 (门) ‘распашные широкие двери’, 門 (门) ‘ворота’). Однако такие примеры в материале исследования единичны и не повлияли на выявленные общие закономерности.

Таким образом, нами была построена семантическая классификация детерминативов, позволившая учесть целый ряд особенностей иероглифики китайского языка и являющаяся основанием представления семантической организации китайской письменности в современных системах искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Либроком, 2010. – 360 с.
2. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Арт-пресс книга, 2005. – 864 с.
3. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 630 с.

4. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические классы глаголов в английском языке / Г. Г. Сильницкий. – Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1986. – 104 с.
5. Полевые структуры в системе языка / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 198 с.
6. *Филлмор, Ч. Дж.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
7. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2001. – 415 с.
8. *Потебня, А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : Синто, 1993. – 189 с.
9. *Нуркова, В. В.* Общая психология / В. В. Нуркова, Н. Б. Березанская. – М. : Юрайт, 2025. – 514 с.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М. : МГЛУ-Ияз РАН, 2004. – 800 с.
11. *Шер, А. Я.* Что нужно знать о китайской письменности / А. Я. Шер. – М. : Наука, 1968. – 211 с.
12. 王宁. 汉字构型学导论. 北京:商务印书馆, 2015. 291 页. [Ван Нин. Введение в структуру китайских иероглифов. – Пекин : Коммерческая пресса, 2015. – 291 с]. (На кит. яз.)
13. *Задоевко Т. П.* Основы китайского языка. Вводный курс : учеб. пособие / Т. П. Задоевко, Хуан Шуин. – М. : Наука, 1993. – 214 с.
14. *Кондрашевский, А. Ф.* Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей “Шовэня” : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; МГУ / Кондрашевский Александр Федорович. – М., 1982. – 27 с.
15. *Карпетьянц, А. М.* Гимн иероглифу / А. М. Карпетьянц. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=vq1iJ-X_ZxU&t=5012s (дата обращения: 20.02.2022).
16. *Завьялова, О. И.* Иероглифическая письменность / О. И. Завьялова // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М., 2006–2009. – Т. 3. – С. 650–664.
17. *Додонов, И. Ю.* Истоки славянской письменности / И. Ю. Додонов. – М. : Вече, 2008. – 379 с.
18. *Дунаевская, И. М.* Язык хеттских иероглифов / И. М. Дунаевская. – М. : Наука, 1969. – 115 с.
19. *Резаненко, В. Ф.* Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
20. *Певнов, А. М.* Чтение Чжурчжэньских писем / А. М. Певнов. – СПб. : Наука, 2004. – 44 с.

21. Флиттнер, Н. Д. Как научились читать иероглифы : К столетию дешифровки иероглифов Ф. Шампольоном / Н. Д. Флиттнер. – Петроград : Начатки знаний, 1923. – 64 с.
22. Гельб, И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматики) / И. Е. Гельб. – М. : Радуга, 1982. – 376 с.
23. Иванов, В. В. От буквы и слога к иероглифу / В. В. Иванов. – М. : Языки славян. культуры, 2016. – 267 с.
24. Кнорозов, Ю. В. Письменность индейцев майя / Ю. В. Кнорозов. – Л. ; М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 663 с.
25. Лившиц, И. Г. Детерминатив к древнеегипетским словам mwt “мертвец” и hftj “враг” / И. Г. Лившиц. – Л. : ЛГУ, 1930. – 11 с.
26. Михалькова, Н. В. Динамика развития системы детерминативов китайского иероглифического письма / Н. В. Михалькова // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2021. – №3 (112). – С. 81–89.
27. Завьялова, О. И. Большой мир китайского языка / О. И. Завьялова. – М. : Восточная литература, 2014. – 317 с.
28. Иероглифический словарь китайского языка. 汉字字典. – URL: <https://www.zdic.net/zd/bs/?bs=%E4%BA%BB> (дата обращения: 24.01.2022).
29. Gardiner, A. H. Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. – Oxford : Griffith Inst., 1957. – 139 p.
30. Вежбицка, А. Семантические примитивы / А. Вежбицка // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 225.
31. Using the Swadesh list for creating a simple common taxonomy / Laurent Prévot, Huang Chu-Ren, Su I-Li. – URL: <https://aclanthology.org/Y06-1043.pdf> (дата обращения : 24.02.2024).
32. 邹晓丽. 基础汉字形意释源. 北京: 中华书局, 2007. 246页. [Цзоу Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов. Пекин : Изд-во «Чжунхуа Шуцзюй», 2007. 246 с.]. (На кит. яз.)
33. 王玉新. 汉字部首认知研究. 济南: 山东大学出版社, 2009. 304页. [Ван Юйсинь. Когнитивное исследование ключей китайской иероглифической письменности. Цзинань : Изд-во Шаньдунского университета, 2009. 304 с.]. (На кит. яз.)
34. 王宏源. 字里乾坤. 北京: 华语教育出版社, 2000. 384页. [Ван Хуньюань. Инь и Ян в иероглифике. Пекин : Изд-во «Образование», 2000. 384 с.]. (На кит. яз.)
35. 郝文有. 汉字分类集成. 郑州: 中州出版社, 2014. 259页. [Классификация китайских иероглифов / ред. Хао Вэнью [и др.]. Чжэнчжоу : Изд-во «Чжунчжоу», 2014. 259 с.]. (На кит. яз.)
36. Сюй Шэнь. Шовэнь Цзецзы (许慎. 说文解字) – URL: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi> (дата обращения: 11.02.2022).

37. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998.
38. Русско-белорусский системный семантический словарь : в 2 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т языкознания им. Якуба Коласа ; сост.: Н. В. Лавринович [и др.] ; науч. ред.: А. А. Лукашанец, О. М. Николаева. – Минск : Беларус. навука, 2023.
39. *Halkidi, M. Vazirgiannis. On clustering Validation Techniques / M. Halkidi, Y. Batistakis // Journal of Intelligent Information Systems. – 2001. – V17. – P. 107–145.*
40. 王力. 古代汉语. 北京: 中华书局, 2001. 1808页. [Ван Ли. Древний китайский язык. Пекин : Изд-во «Чжунхуа Шуцзюй», 2001. 1808 с.]. (На кит. яз.)
41. 唐兰. 古文字学导论. 上海: 上海古籍出版社, 2016. 468页. [Тан Лань. Введение в китайскую иероглифику. Шанхай: Шанхайское изд-во исторической литературы, 2016. 468 с.]. (На кит. яз.)
42. 裘锡圭. 文字学概要. 上海: 商务印书馆, 2013. 342页. [Цю Сигуй. Основные положения иероглифики. Шанхай: Изд-во коммерческой литературы, 2013. 342 с.]. (На кит. яз.)
43. 郭沫若. 金文释余之余. 东京: 日本文求堂书店, 1932. 73页. [Го Можо. Объяснения надписей на бронзе (цзиньвэнь). Токио : Японское изд-во «Вэнь Цю Тан», 1932. 73 с.]. (На кит. яз.)
44. 黄天树. 甲骨金文论集. 北京: 学苑出版社, 2014. 490页. [Хуан Тяньшу. Сборник научных работ о Цзягувэнь и Цзиньвэнь. Пекин : Изд-во «Сюэюань», 2014. 490 с.]. (На кит. яз.)

Поступила в редакцию 15.12.2025

УДК 811.111'38'42:070:574(045)

Назина Гликерия Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии и стилистики
английского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Hlikeryia Nazina

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of English Lexicology
and Stylistics
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
lika7-7@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: СТАТУС И ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье рассматривается экологический медиадискурс в аспекте гибридизации в рамках коммуникативно-функционального направления. Проанализированы три подхода к пониманию экологического медиадискурса в современной лингвистике. В настоящем исследовании данный дискурс определяется как вид медиадискурса. В результате анализа медиатекстов экологической тематики установлено, что гибридный характер экологического медиадискурса актуализируется посредством специфической терминологии: лексических единиц и словосочетаний из различных сфер (собственно экологии, метеорологии, экономики и др.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *экологическая тематика; медиатекст; дискурс; гибридизация; специфическая терминология; коммуникативно-функциональное направление.*

ECOLOGICAL MEDIA DISCOURSE: STATUS AND CHARACTERISTICS

The article examines ecological media discourse in the aspect of hybridization from the communicative-functional viewpoint. Three approaches to the notion of ecological media discourse in the modern linguistics have been analyzed. In the research the studied discourse is defined as a kind of media discourse. The analysis of ecology media texts demonstrates, that the hybrid character of ecological media discourse is actualized by means of specific terminology: lexical units and word combinations from different spheres (ecology itself, meteorology, economics, etc.).

К e y w o r d s: *ecology issues; media text; discourse; hybridization; specific terminology; communicative-functional viewpoint.*

Исследования дискурса продолжают оставаться актуальными на протяжении вот уже не одного десятилетия. Отсутствие единого определения понятия «дискурс», вопросы соотношения дискурса, текста, функционального стиля и жанра; возникновение новых дискурсивных жанров, трудности выявления типологии разновидностей дискурса обусловлены сложным внутренним строением дискурса, многообразием его типов, исследовательских принципов и подходов к его анализу, а также цифровизацией современного общества.

В этой связи особую значимость приобретает изучение гибридных, синкретичных форматов дискурса в рамках коммуникативно-функционального направления. Данная точка зрения находит свое подтверждение в работе А. А. Кибрика, который объясняет проблему классификации типов дискурса существованием многочисленных независимых друг от друга переменных, «дающих невероятно сложную комбинаторику различных возможностей», что позволяет сделать вывод о сложности обнаружения «чистых» типов дискурса и необходимости смещения исследовательского акцента в пользу подробного изучения «комбинаторики типов дискурса» или гибридных форматов дискурса [1].

Областью настоящего исследования являются медиатексты по социально значимой, экологической тематике, образующие *экологический медиадискурс* – совокупность текстов, объединенных глобальной темой «Экология» и функционирующих в медиапространстве. Такие тексты, актуализирующие вопросы защиты окружающей среды, глобального потепления, изменения климата, экологических катастроф и др. в рамках медиадискурса, реализуют синкретичный формат дискурса и поэтому обладают гибридной природой: с одной стороны, они имеют характеристики экологического дискурса, с другой – им присущи характеристики медиадискурса. Мы опираемся на трактовку *дискурса*, разработанную представителями коммуникативно-функционального направления (Т. А. ван Дейк, Т. Г. Добросклонская, В. И. Карасик, В. Е. Чернявская и др.), как конкретного коммуникативного события, осуществляемого в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, и как совокупности текстов, объединенных некой глобальной темой.

Данное исследование предполагает решение следующих задач: 1) уточнить статус экологического медиадискурса; 2) выявить его основные характеристики в аспекте гибридизации. В ходе анализа материалом послужили 20 англоязычных статей, посвященных экологическим проблемам, из интернет-версии британской газеты «The Guardian», опубликованных в течение года (за период с февраля 2024 г. по май 2025 г.).

В последнее время экологическая проблематика становится объектом пристального внимания не только разных ученых, но и политиков, журналистов, представителей широкой общественности и простых граждан. В этой связи медиадискурс играет значимую роль в репрезентации экологической повестки, которая не исчерпывается передачей информации, касающейся экологических проблем, а в большей степени направлена на формирование экологического сознания реципиентов и закрепление норм взаимодействия человека с окружающей средой [2].

Сегодня можно выделить три подхода к пониманию *экологического медиадискурса* в лингвистике. В рамках первого подхода экологический медиадискурс рассматривается как тип экологического дискурса

(А. В. Зайцева, Е. В. Иванова, А. А. Громорушкина). Так, А. В. Зайцева предлагает следующее определение экологического дискурса: «Экологический дискурс – это сложное коммуникативно-речевое явление, представляющее собой, с одной стороны, вид социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов. С другой стороны, экологический дискурс – это совокупность экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер (науки и публицистики, художественной литературы, официально-делового и бытового общения), объединенных общей темой и формирующих экологическое сознание реципиентов» [2, с. 4–5]. Согласно данному подходу, поле экологического дискурса состоит из различных субдискурсов (рис. 1), одним из которых выступает *массмедийный* – призванный привлечь внимание адресата к какой-либо экологической проблеме или катастрофе, а также агитировать реципиентов в защиту окружающей среды и формировать экологическое сознание (включающее в себя совокупность идей, теорий, взглядов, мотиваций, отражающих реальную практику отношений между человеком и средой его жизни, между обществом и природой в сочетании с регулятивными принципами и нормами поведения, направленных на достижение оптимального состояния системы «общество – природа» [3]) [2, с. 20].

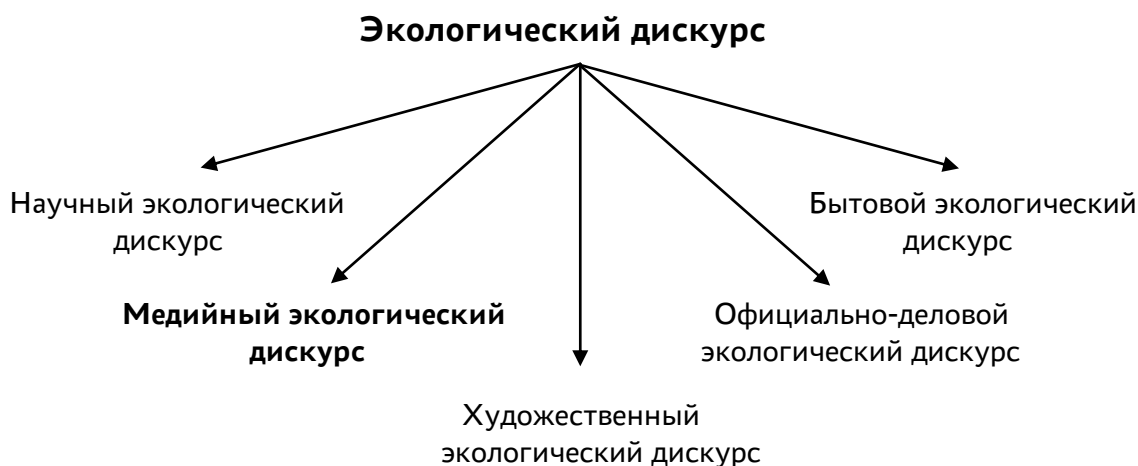

Рис 1. Поле экологического дискурса

В соответствии со вторым подходом, экологический медиадискурс рассматривается как самостоятельный гибридный дискурс, представляющий собой сочетание двух видов институциональных дискурсов, один из которых является дискурсом-основой, а другой – дискурсом-дополнением (К. А. Наумова, О. А. Солопова, М. С. Салтыкова). Интеграция таких

дискурсов порождает качественно новые виды дискурса, не сводимые к механической сумме их составляющих. Дискурс-основа определяет содержание дискурса, дискурс-дополнение – сферу его функционирования, которая накладывает отпечаток на его форму. Исходя из данной позиции, институциональные дискурсы имеют тенденцию к «гибридизации», при этом под гибридным дискурсом понимается «совокупность компонентов различных институциональных форматов дискурса, концентрация и взаимопроникновение которых в значительных пределах может варьировать» [4, с. 8]. Применительно к экологическому медиадискурсу ввиду того, что обе его составляющие являются институциональными типами дискурса, можно говорить о его гибридной природе. При этом дискурсом-основой выступает экологический дискурс, поскольку представляет собой набор текстов, объединенных общей темой «Экология», а дискурсом-дополнением – медиадискурс, репрезентирующий медийную сферу функционирования текстов и являющийся формой представления экологической проблематики (рис. 2).

Рис. 2. «Гибридизация» экологического медиадискурса

Лингвисты, придерживающиеся третьего подхода, считают экологический медиадискурс видом медийного дискурса (Е. А. Кожемякин, Е. Н. Пескова, О. В. Смирнова, Т. В. Яковлева), акцентируя внимание на опосредованном характере медиадискурса, для которого «большое значение имеют не столько события и процессы, сколько способы их описания и передачи знания о них, когда происходит конвертация информации в смыслы, интерпретация и оценка действительности, регулирование деятельности адресатов, воздействие на их сознание» [5, с. 270]. Авторы данного подхода определяют медиадискурс как совокупность различных видов дискурса, реализуемых в пространстве массовой коммуникации, и подчеркивают, что важнейшей отличительной чертой медиадискурса является его абсорбционный характер, который позволяет как бы впитывать другие виды дискурса [5, с. 270]. Среди наиболее распространенных видов медиадискурса,

которые естественно структурируются вокруг устойчивых тематических блоков и в первую очередь связаны с социально-значимыми темами, выделяют политический, экономический, юридический, медицинский и др. медиадискурсы, а также относительно новый вид медиадискурса – экологический медиадискурс [5, с. 270] (рис. 3).

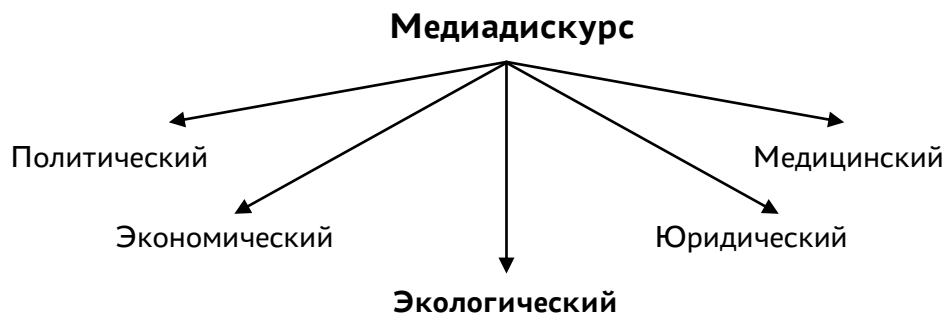

Рис. 3. Виды медиадискурса

Мы принимаем третий подход и рассматриваем экологический медиадискурс как вид медиадискурса, поскольку считаем, что формирование экологического сознания у адресата (основной функции экологической коммуникации) происходит не столько текстами экологической тематики, сколько через язык СМИ, который, в свою очередь, преследует определенные цели и является инструментом государственной информационной политики [6].

В результате анализа практического материала определены общие характеристики исследуемого дискурса с учетом его гибридного характера. Актуализация разнообразной экологической тематики происходит посредством типичных для медиадискурса жанров: новостного блога, новостной заметки, интервью, аналитической статьи, features, репортажа, поясняющей статьи и научно-популярной статьи. Такого рода тематика касается глобальных экологических проблем, связанных с изменением климата на планете, последствиями природных и техногенных катастроф, потребительским отношением к природе и ее ресурсам со стороны человека, возникновением неизлечимых болезней и эпидемий вследствие человеческой деятельности и т.д. Кроме того, экологические тексты фокусируют внимание адресата на необходимости охраны окружающей среды от вредного воздействия: охране природных богатств и биологического разнообразия, утилизации промышленных и бытовых отходов, внедрении безотходного производства, применении новых энергосберегающих и экологически безопасных технологий, соблюдении норм «экологически грамотного» поведения в быту и активизации деятельности граждан в защиту окружающей среды [2, с. 10–11].

К неспецифическим признакам экологического медиадискурса относятся такие характерные для медиадискурса признаки, как экспрессивные

языковые средства на лексическом и синтаксическом уровнях. Так, на лексическом уровне в исследуемых текстах наиболее часто обнаруживаются разнообразные метафоры – *energy headache* ‘энергетическая головная боль’, *“zombie” projects* ‘«зомби»-проекты’, *climate breakdown* ‘сбой климата, т. е. разрушение климата’, – многие из которых носят стертый характер: *the eye of the storm* ‘эпицентр бури’, *the butterfly effect* ‘эффект бабочки’, *market headwinds for low carbon projects* ‘встречные ветра на рынке для низкоуглеродных проектов, т. е. препятствия на рынке для низкоуглеродных проектов’, *the Earth’s surface* ‘поверхность земли’, *greenwash* ‘зеленый камуфляж, т. е. псевдоэкология: введение в заблуждение относительно экологических последствий или экологического воздействия какого-либо товара, продукта, деятельности’, и эмоционально-окрашенная лексика с негативным значением (*bleak, barren, hopeless, devastated future* ‘мрачное, бесплодное, безнадежное, опустошенное будущее’, *catastrophic risk* ‘катастрофический риск’, *threat* ‘угроза’) для обозначения характеристики прогноза ситуации.

На синтаксическом уровне можно выделить случаи инверсии: *Only when the problem arrives in Europe do we acknowledge that there’s a crisis* ‘Только когда проблема придет в Европу, мы на самом деле признаём, что кризис существует’ (для акцентирования внимания адресата на нежелании Европейского союза решать проблемы нехватки пресной воды в Испании в период засухи); параллельных конструкций: *With climate change there’s more droughts, there’s more saltwater intrusion, and with all the agriculture here, it’s very important* ‘Из-за изменения климата происходит больше периодов засухи, больше случаев вторжения соленой воды, а также из-за всего этого сельского хозяйства, это очень важно’ (для создания ритма и подчеркивания идеи о негативных последствиях изменения климата в Калифорнии); антитезы: *They speak of climate justice – yet invest billions in fossil fuels* ‘Они говорят о климатической справедливости, но при этом инвестируют миллиарды в ископаемое топливо’ (с целью создания выразительного ритма и подчеркивания расхождения между словами и действиями в борьбе с климатическим кризисом); риторических вопросов: *Why should other countries strain to preserve the planet as America steams ahead?* ‘Почему другие страны должны напрягаться, чтобы сохранить планету, в то время как Америка стремительно продвигается вперед’ (для выражения недовольства о глобальном неравенстве в экологической политике и вовлечения адресата в рефлексию об этой проблемной ситуации); *Who wants to be told to change their car, stop eating meat, fly less?* ‘Кто хочет, чтобы ему советовали сменить машину, перестать есть мясо, меньше летать?’ (с целью апеллирования к повседневному опыту и поднятия вопроса о личной свободе и неприятии ограничений даже во имя общественного блага) и других средств экспрессивного синтаксиса.

Наиболее яркое проявление гибридизации в исследуемом дискурсе наблюдается на лексическом уровне в специфической терминологии, которая актуализируется посредством ряда лексических единиц и словосочетаний из различных сфер:

1) собственно экологии – *energy-intensive organisations* ‘энергоемкие организации’, *net-zero greenhouse gas emissions* ‘чистый нулевой уровень выбросов парниковых газов’;

2) метеорологии – *to make a landfall* ‘обрушиться’, *to run into a high-pressure ridge* ‘натолкнуться на гребень высокого давления’, *the analyzed cyclone models* ‘проанализированные модели циклона’, *the Bureau of Meteorology* ‘бюро метеорологии’, *south-east trajectory* ‘движение на юго-восток’, *area of low pressure* ‘область низкого давления’, *the movement of a cyclone* ‘движение циклона’, *the average wind speed* ‘средняя скорость ветра’, *a cyclone expert* ‘эксперт по циклонам’, *a meteorologist* ‘метеоролог’;

3) экономики – *to cut energy bills* ‘сократить счета за электроэнергию’, *a green tech firm* ‘«зеленая» технологическая компания», *a cleaner and greener economy* ‘более чистая и «зеленая» экономика’, *free heat* ‘бесплатное тепло’, *low-carbon investment* ‘инвестиции в низкоуглеродные технологии’, *a low-carbon economy* ‘низкоуглеродная экономика’;

4) биологии – *crops’ nutritional value* ‘пищевая ценность сельскохозяйственных культур’, *biofortification* ‘биообогащение’, *wildfire* ‘природный неконтролируемый пожар’, *peat bogs* ‘торфяные болота’, *endangered species* ‘виды, находящиеся под угрозой исчезновения’;

5) медицины – *reduced-meat diets* ‘диеты с сокращенным мясным рационом’, *healthy food* ‘здоровая еда’, *healthy clothes* ‘одежда из натуральных тканей’, *to worsen symptoms* ‘ухудшить симптомы’, *to hamper potential fertility* ‘препятствовать потенциальной фертильности’ и др.

Таким образом, языковая специфика экологического медиадискурса проявляется, прежде всего, в его гибридной природе, которая актуализируется на лексическом уровне с помощью специфической терминологии.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в продолжении разработки аспекта актуализации экспрессивных языковых средств в разных жанрах (в особенности синкретических) экологического медиадискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
2. Зайцева, А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Зайцева Алла Валерьевна. – Смоленск, 2014. – 26 с.

3. Сухоруков, Е. А. Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сухоруков Евгений Александрович ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2017. – 28 с.
4. Наумова, К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Наумова Ксения Андреевна ; Южно-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2021. – 23 с.
5. Смирнова, О. В. Экологический дискурс в современных российских общественно-политических изданиях: результаты исследования / О. В. Смирнова, Т. В. Яковлева, Д. С. Ильченко // Вопросы теории и практики журналистики. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 267–284.
6. Громорушкина, А. А. Экологический дискурс как комплексное явление / А. А. Громорушкина // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (832). – С. 36–46.

Поступила в редакцию 26.11.2025

УДК 81'271

Сидоревич-Стахнова Ольга Владимировнакандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германских языков
международной профессиональной
деятельностиБелорусский государственный университет
докторант кафедры речеведения и теории
коммуникацииБелорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь**Olga Sidarevich-Stakhnova**PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Romanic and Germanic Languages
for International Professional Activities
Belarusian State University
Post-PhD Researcher of the Department
of Specheology and Communication Theory
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
stakhnova@bsu.by

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ИНТЕРВЬЮИРУЕМОГО В УСЛОВИЯХ НАРУШЕНИЯ ЭКОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ

В статье анализируются стратегии и тактики интервьюируемого в ситуации неэкологичного коммуникативного поведения со стороны интервьюера. Основной вывод заключается в том, что подобное коммуникативное поведение вступает в противоречие с основной целью портретного интервью – раскрытием личности говорящего. В результате диалог трансформируется в «поединок» между адресантом и адресатом, рассчитанный на привлечение внимания массовой аудитории. Установлено, что тиражирование подобных неэкологичных коммуникативных моделей в медиа обладает значимым социокультурным эффектом, заключающимся в их усвоении аудиторией и переносе в практику повседневной коммуникации.

Ключевые слова: экология общения; портретное интервью; речевое поведение; коммуникативные стратегии и тактики; медиадискурс.

STRATEGIES AND TACTICS OF THE INTERVIEWEE UNDER CONDITIONS OF COMMUNICATIVE ECOLOGY VIOLATION

The article analyses the strategies and tactics of the interviewee in situations where the interviewer exhibits non-ecological communicative behaviour. The main conclusion is that such communicative behaviour contradicts the main purpose of a portrait interview, which is to reveal the personality of the speaker. As a result, the dialogue is transformed into a “duel” between the addresser and the addressee, designed to attract the attention of a mass audience. It has been established that the replication of such non-ecological communication models in the media has a significant socio-cultural effect, consisting in their assimilation by the audience and transfer into everyday communication practice.

Key words: communication ecology; portrait interview; speech behaviour; communication strategies and tactics; media discourse.

Портретное интервью как медиажанр оказывается чрезвычайно востребованным современным обществом благодаря способности компенсировать недостаток эмпатии и живого, глубокого общения, которым отмечен XXI век [1, с. 25]. Зритель проецирует на героя собственные поиски смысла и жизнен-

ные кризисы, воспринимая его путь как своеобразную ролевую модель. Этот феномен находит объяснение в теории парасоциального взаимодействия – построения отношений, «которые возникают в информационном пространстве на основе многочисленных контактов индивида со значимой фигурой, ассоциацией и идентификацией с созданным ею образом» [2, с. 41].

Выполнение портретным интервью компенсирующей функции зависит от способности обеспечить раскрытие личности говорящего. Основным условием для этого является соблюдение принципов экологии общения. Речь идет о такой организации взаимодействия, в которой доминирующими нормами выступают забота о собеседнике, соблюдение личных границ партнера, доверие, уважение, равноправие – все то, что в лингвистической традиции определяется как «коммуникация на условиях адресата» [3, с. 107].

Однако в современной практике, особенно на платформе Youtube, наметилась неожиданная, на первый взгляд, тенденция, связанная с регулярным и систематическим нарушением основных принципов экологичности, исходящим прежде всего от интервьюера. Подобное коммуникативное поведение, в свою очередь, вызывает защитную или агрессивную реакцию интервьюируемого, которая ведет не к раскрытию, а к закрытию личности говорящего. В результате первоначальная, гуманистическая цель портретного интервью (раскрытие личности гостя) не достигается. Сложившаяся ситуация вызывает необходимость анализа и систематизации используемых интервьюируемым стратегий и тактик, а также объяснения востребованности и популярности подобных интервью в современном обществе.

Теоретической основой настоящего исследования выступает концепция экологии общения. Возникшая на стыке психологии и лингвистики, она объединяет идеи ненасильственного общения М. Розенберга [4], трансактного анализа Э. Берна [5], принципы экологии эмоций В. И. Шаховского [6]. Синтез этих подходов позволяет определить условия экологичного общения, применительно к портретному интервью. Во-первых, принцип безоценочности, который заключается в понимании чувств собеседника и принятии его позиции без каких-либо интерпретаций. Во-вторых, принцип равноправного диалога, предполагающий взаимодействие без манипуляций, давления и других способов нарушения коммуникативного баланса, т. е. общение между «взрослыми» позициями обоих участников. В-третьих, принцип эмоциональной безопасности – создание такой коммуникативной среды, в которой не допускается намеренная провокация негативных переживаний. В-четвертых, принцип уважения психологических границ партнера по общению.

Выявление и анализ реакций интервьюируемого на нарушение этих принципов требует обращения к понятию коммуникативной стратегии и тактики. Согласно О. С. Иссерс, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [7, с. 54]. Под речевой тактикой понимается «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [7, с. 110].

Материалом для анализа послужили портретные интервью Эдуарда Лимонова и Никиты Михалкова, которые были даны Юрию Дудю. Отбор основывался на количественных критериях их популярности (число просмотров, комментариев, лайков), а также контрастности героев (Э. Лимонов – диссидент, писатель-маргинал, Н. Михалков – деятель культуры, имеющий высокий социальный статус). Единицей исследования выступает коммуникативный эпизод, который выделяется на основании коммуникативно-деятельностных признаков, а также наличия в тексте формальных и семантических показателей связности и тематического единства [8, с. 22].

Применение таких методов исследования, как контекстуальный анализ, тактико-стратегический анализ, описательный метод, позволило выявить стратегии и тактики интервьюируемого, систематизированные в соответствии с поставленными исследовательскими целями.

1. Стратегия ухода от ответа.

(1.1) Д. – *А сталинские репрессии были?*

Л. – *Почему вы меня спрашиваете? Когда умер Сталин, я плакал всюю. Мне было 10 лет.*

Д. – *Вы маленький были.*

Л. – *Я ревел. Мать проснулась раньше всех. И по радио говорят: «Скончался Иосиф Виссарионович Сталин». Жуть такая!*

Д. – *Так, ну а репрессии были?*

Л. – *Вы бы то же делали. Вы думаете, с чего вам репрессии сдались?*

Д. – *Ну мне интересно узнать Ваше мнение [10].*

В ответ на провокацию адресанта интервьюируемый использует стратегию ухода от ответа, которая реализуется через комплекс тактик. Отвечая вопросом на вопрос, адресат применяет *тактику перехвата инициативы*, которая позволяет ему преобразовать пассивную позицию отвечающего в активную роль равноправного участника диалога. Далее адресат переходит к *тактике эмоционального манипулирования*. Суть ее заключается в обращении к эмоционально заряженным детским воспоминаниям, которые заменяют рациональный ответ на вопрос. Этот прием переносит фокус обсуждения с исторической оценки события на личные переживания ребенка, которые делают невозможным содержательный диалог. Завершающей становится *тактика обесценивания вопроса*, направленная на дискредитацию мотивов собеседника. Таким образом адресат, формально сохраняя нормы вежливости, полностью игнорирует заданный ему вопрос и создает ответное давление на интервьюера. Защитная стратегия адресата не может считаться экологичной, т. к., несмотря на использование интеллектуально более сложных средств, она так же, как и исходная провокация интервьюера, нарушает равновесие в диалоге.

Стратегия ухода от ответа в условиях коммуникативного давления выявляется и в интервью Н. Михалкова. Однако комплекс используемых им средств отличается большей утонченностью.

(1.2) Д. – *А когда мы готовились, мы узнали, что сразу несколько наших коллег становились участниками такой истории, когда они звонили вам по телефону, и они понимали, что с ними разговариваете вы, но вы меняли голос и представлялись своим помощником Петром. Зачем вы так делали?*

М. – *А почему вы решили, что они говорят правду?*

Д. – *Но исходя из того, что вы в этот момент были на киноплощадке, и у них были знакомые, которые были на той же киноплощадке, которые подтверждали, что в этот самый момент Никита Сергеевич подходил к телефону и как-то странно разговаривал. Такое было?*

М. – *Нет.*

Д. – *Никогда?*

М. – *Нет, может, когда-то и было. Может, когда-то и есть даже. Но я не думаю, что это могло быть так явно, тем более что я нечасто этим пользуюсь [11].*

В ответ на дискредитацию, выраженную тактикой публичного разоблачения, адресат обращается к стратегии уклонения, которая реализуется через комплекс тактик. Первым шагом становится *тактика встречного вопроса* («А почему вы решили, что они говорят правду?»). Ее цель – избежать прямого ответа, а также перехватить инициативу в диалоге. Более того, этот прием позволяет дискредитировать источник информации, переводя интервьюера в защитную позицию и ставя под сомнение саму правомерность заданного вопроса. Далее адресат прибегает к *тактике ухода от однозначного ответа*, сначала категорично отрицая факт фальсификации голоса, а затем допуская такую возможность (предположение «может, когда-то и было»). Использование неопределенного наречия «когда-то» и глагола «может» создает эффект сомнения, на фоне которого признание теряет четкие очертания. В результате адресант не получает однозначного ответа на свой вопрос, видимость общения сохраняется, но оно оказывается непродуктивным, а, следовательно, неэкологичным. Завершает реализацию стратегии уклонения *тактика псевдосотрудничества*. Интервьюируемый как бы идет навстречу интервьюеру, формально признавая возможность приписываемых ему действий («может, когда-то и есть даже»), но сразу минимизирует ее значимость («я нечасто этим пользуюсь»). Создается впечатление диалога, но интервьюер не получает подтверждения содержащейся в вопросе информации. Таким образом, защитная стратегия интервьюируемого нарушает экологию общения. Несмотря на внешнюю вежливость, подобное коммуникативное поведение приводит к нарушению основных принципов экологичной коммуникации – кооперативности и психологической безопасности.

2. Стратегия агрессивного подавления адресанта.

(2.1) Д. – *Семь лет прошло с момента выхода фильма «Утомленные солнцем-2» обеих частей. Спустя эти семь лет вы понимаете, почему людям так они не понравились?*

М. – Это великая, Юра, картина. Эта картина не попадает в тех, кто ни х...ра не знает вообще ни про историю войны, которые хватают из воздуха, из интернета обвинения в том, что не было черной пехоты, что люди как с черенками, вот это все. Все документально, все документально абсолютно, эти самые танки с этими самыми парусами – это есть в фотографии. Это первое. Второе. Эта картина вышла на 8 лет раньше, чем должна была бы выйти [11].

Коммуникативная стратегия адресата строится на комплексе тактик, ключевой среди которых является *тактика дискредитации чужого мнения*. Она реализуется через создание собирательного образа некомпетентных, недобросовестных критиков и направлена на унижение оппонентов при помощи сниженной, даже вульгарной лексики («ни х...ра не знает вообще», «хватают из воздуха, из интернета обвинения»). Такой прием позволяет нивелировать значимость негативных оценок и уйти от содержательного анализа конкретных недостатков фильма.

Позиция режиссера лишена аргументации, он называет картину «великой», не приводя никаких доказательств этого факта. Историческая достоверность фильма утверждается через повторение формулы «все документально абсолютно». Использование местоимения «все» и эмоционально усиленного наречия «абсолютно» создает впечатление неопровержимой истинности сказанного и вынуждает интервьюера и зрителей поверить его словам. Опираясь фактически лишь на свой авторитет, он создает противопоставление «великого» себя и «ничтожных» других. Иначе говоря, на следующем этапе интервьюируемый использует *тактику абсолютизации и апелляции к собственному авторитету*. Режиссер не просто отстаивает свою позицию, он атакует собеседника, стремясь подавить его желание продолжать разговор на эту тему.

Адресат системно использует *тактику игнорирования вопроса* о причинах негативной реакции зрителей, смещая фокус обсуждения на историческую достоверность деталей.

Речевое поведение интервьюируемого представляет собой не просто защитную реакцию, а стремление подчинить коммуникативный эпизод своей воле. Нарушаются принципы взаимного уважения, психологической безопасности, кооперативности, следовательно, такое общение не может считаться экологичным.

В отличие от агрессивной формы подавления адресанта, в следующем примере предпринимается другая по механизму действия, но не менее неэкологичная попытка доминирования в диалоге и подчинения его воле интервьюируемого.

(2.2) Д. – Два года назад вы назвали Познера толстым и жирным стукачом.

Л. – А что мы все на эту тему? Давайте съедем [10].

Стратегия агрессивного подавления адресанта в приведенном примере реализуется через две *тактики*: *обесценивания вопроса* и *отказа от диалога*. Языковая реализация первой тактики («А что мы все на эту тему?») направлена на дискредитацию речевой интенции интервьюера через имплицитное отрицание значимости предложенной темы.

Вторая тактика, реализованная через предложение «Давайте съедем», формально кооперативна, т. к. использует императив в первом лице множественного числа, приглашая к совместному действию, но по существу является ультимативным требованием прекратить обсуждение темы, затронутой интервьюером. Глагол «съедем», относящийся к жаргонной лексике, выполняет роль метафоры, визуализирующей процесс немедленного ухода от темы. Интервьюируемый ставит себя в позицию вышестоящего («родителя» в терминологии Э. Берна), который принимает решения и которому принадлежит ведущая роль в диалоге.

Стратегия агрессивного подавления, продемонстрированная Э. Лимоновым, является не менее деструктивной для экологии общения, чем конфронтация Н. Михалкова. Ее особенность заключается в том, что подавление осуществляется не через противостояние, а через лишение адресанта его права на вопрос. Таким образом, равноправного коммуникативного взаимодействия не происходит, поэтому диалог неэкологичен.

3. Стратегия псевдоинтимизации общения.

(3.1) Д. – *Никита Сергеевич, русские люди не читают критика Матизена, «Гардиан» и все остальное. Я имею в виду, что не понравилось нашим людям. Они не пошли на это в кино.*

М. – *Ну да, ну я еще раз тебе говорю, что...*

Д. – *Это «Гардиан» сделал так, что они не пошли?*

М. – *Нет, ну... что мы, родной мой, ну... Знаешь, наш Миша говорил: «Матрос Михалков, купи себе петуха, морочь ему яйца. Мне не надо». Что ты мне сейчас рассказываешь? Нет, не «Гардиан». Это сделали ребята, которые... Это... Сразу после картины «Сибирский цирюльник» я попал в топ-лист неудобных определенному сообществу, интернет-сообществу. И эта картина, которая была, она вышла... Причем она вышла фантастически абсолютно: 30 копий в 36 кинотеатрах, которые были в стране. Мы собрали 2 миллиона 700 тысяч [11].*

Стратегия псевдоинтимизации направлена на создание иллюзии доверительной беседы. В то же время она позволяет интервьюируемому уйти от содержательного ответа на вопрос о причинах неуспеха фильма у аудитории.

Основу стратегии составляет *тактика псевдодружеского, снисходительного обращения*, выраженная при помощи «родной мой» и «знаешь». Формально являясь маркерами доверительного общения, эти языковые средства фактически устанавливают асимметрию в диалоге, позволяя интервьюируемому занять позицию «старшего» («родителя» в терминологии Э. Берна), обладающего правом оценивать уместность вопросов. Дальней-

шая реализация стратегии осуществляется через *тактику обращения к народному творчеству* (история про петуха). Происходит обесценивание серьезности обсуждаемой темы. Интервьюируемый создает коммуникативную дистанцию, позволяющую ему избежать содержательного ответа на вопрос о художественных недостатках фильма. Завершающим этапом становится тактика отрицания значимости вопроса, выраженная в реплике «Что ты мне сейчас рассказываешь?». Под видом искренности адресат демонстрирует нежелание прямо отвечать на поставленный вопрос и признавать провал фильма в прокате.

Затем адресат переключается на *тактику создания образа жертвы*, объясняя отсутствие успеха фильма у зрителей попаданием в топ лист неугодных.

Завершающим элементом стратегии выступает *тактика манипуляции цифровыми данными* о прокате. Приведение статистики о количестве копий и сборах создает иллюзию объективного ответа. Этот прием позволяет интервьюируемому сместить фокус дискуссии с эстетической оценки на фактологическую.

Искренние по форме ответы адресата позволяют ему установить доминирование в диалоге и не дать прямой ответ на поставленный вопрос. Подобная стратегия представляет собой нарушение принципов кооперативности и взаимного уважения, так как под маской искренности скрывается желание адресата доминировать в диалоге.

В интервью Лимонова стратегия псевдоинтимизации общения обнаружена не была. Можно предположить, что этот интервьюируемый использует более конфронтационные, императивные, прозрачные в своей агрессивности способы, которые не предполагают маскировки доминирования под псевдодружескую беседу.

4. Стратегия мифологизации (заключается в создании искаженного образа себя).

(4.1) Д. – *Вас годами, может быть, десятилетиями не звали на федеральные каналы. А потом вдруг стали звать. Почему?*

Л. – *А потому что в конце концов большого зверя невозможно не заметить в лесу.*

Д. – *Вы серьезно с этим связываете?*

Л. – *Да. А как? Ну сколько можно? Вот все... Если бы я... Понимаете, день, когда я умру, будет, наверное, национальным трауром. Я помню... Слушайте, у меня есть основания. Я жил в Париже, когда умер Жан Жене. Последние шесть лет о нем вообще не писали. Потому что он принял сторону палестинцев и так далее. Он жил в каких-то маленьких арабских отельчиках. А я когда приехал, я сказал, что «Слушайте, где Жан Жене? Я хочу этого гения увидеть». А мне сказали, что, кто знает, он где-то... Трудно отследить, где он находится. А когда он умер, книги его печатались. Сейчас это же другая система. Выходили книги, все, но о них мало писали*

или плохо писали. А вот когда он умер, прибежал, немедленно приехал министр культуры Джек Ланг, ворвался туда и над телом склонился. Но Жан Жене все равно их... Вот тут уместно будет выругаться – на...л. Он себя завещал похоронить в Марокко на каком-то захудалом арабском кладбище. Ну слушайте, где хочу, там и ложусь мертвенький. Так он ударил, отомстил Франции. Да, щелчок по носу [10].

В ответ на провокативный вопрос адресанта об обстоятельствах возвращения на федеральное телевидение интервьюируемый прибегает к стратегии мифологизации, которая реализуется через последовательный комплекс тактик. Сначала применяется *тактика самовозвышения*, находящая выражение в метафорическом самоотожествлении с «большим зверем», которого «невозможно не заметить в лесу». Эта метафора создает образ природной силы, существующей по собственным законам, и имплицитно противопоставляет «естественное» величие интервьюируемого искусственности медийной среды.

На следующем этапе применяется *тактика прогнозирования* («день, когда я умру, будет, наверное, национальным трауром»), которая позволяет интервьюируемому проецировать свою значимость в будущее, создавая впечатление посмертного признания и тем самым закрепляя свое положение в истории. На этом фоне вопрос интервьюера, связанный с отсутствием приглашений выступить на телевидении, теряет свою значимость. Далее стратегия усиливается за счет использования *тактики сравнения себя с культовой личностью* – французским писателем, поэтом, общественным деятелем Жаном Жене. Такой прием позволяет создать имидж непризнанного гения, чье величие смогут оценить лишь после смерти. Особую роль играет *тактика провокативного снижения* («Вот тут уместно будет выругаться – на...л»), которая реализуется через введение сниженной лексики. Этот прием демонстрирует свободу адресата от устоявшихся норм и правил и подтверждает статус писателя, бросающего вызов общественным условиям. В результате применения этих тактик вопрос адресанта так и остается без ответа. Усилия интервьюируемого направлены на самовозвышение, создание недостижимого образа себя и, таким образом, конструирование альтернативной реальности. Это ведет к трансформации взаимодействия в некооперативную форму.

Следует отметить, что стратегия мифологизации не ограничивается моделью самовозвышения. Наряду с ней встречается и другая модель.

(4.2) Д. – Но вы поняли, почему людям не понравилось [кино – комментарий наш. – О. С.-С.]? Потому что раньше времени вышло?

М. – Во-первых. А во-вторых, ты разве не видел, какая работа была сделана, чтобы она не понравилась?

Д. – Кем?

М. – Ну как я? Ну подумай. Когда мы не получили ничего в Каннах, критик Матизен написал: «Ура, мы сделали это» [11].

Обращение к конкретным именам и названиям (Каннский фестиваль, критик Матизен) направлено на создание альтернативной реальности. Ее центральным элементом выступает образ врага, который препятствует признанию фильма. Цитата Матизена «Ура, мы сделали это» используется как инструмент, позволяющий воплотить абстрактное сообщество критиков в конкретной фигуре и создать впечатление о сознательном сговоре, основная цель которого – подрыв успеха фильма (*тактика персонификации*). Не называя других имен, адресат создает размытый образ врага. Этот прием усиливает мифологический характер повествования. Тесно связанной с ним оказывается *тактика создания образа жертвы*, которая реализуется через апелляцию к внешним враждебным силам. Н. Михалков не только снимает с себя ответственность за творческий результат, но и создает непреодолимый барьер для содержательной критики. Таким образом, интервьюируемый поддерживает свой имидж гениального режиссера, при этом развития диалога не происходит, экология общения нарушается.

Как следует из анализа, стратегия мифологизации может реализовываться двумя противоположными тактиками: самовозвышения и жертвенности, которые используются для достижения одной цели – создания неприкосновенного образа себя. Такая стратегия неэкологична, так как препятствует развитию коммуникации.

Анализ портретных интервью позволил выявить ряд коммуникативных приемов, которые используются адресатом в ответ на нарушение экологии общения адресантом. Это стратегия ухода от ответа, агрессивного подавления адресанта, псевдоинтимизации общения, мифологизации. Реализующие их деструктивные тактики связаны с отрицанием таких базовых принципов экологии общения, как взаимное уважение психологических границ, эмоциональной безопасности, равноправного диалога и безоценочности.

Выявленные неэкологичные стратегии и тактики адресата позволяют сделать вывод об их системной зависимости от неэкологичного коммуникативного поведения адресанта. Таким образом, возникает замкнутый круг токсичного взаимодействия – обстоятельство, которое едва ли способствует достижению основной цели портретного интервью – раскрытию личности интервьюируемого. На первый план выходит коммуникативный поединок между адресантом и адресатом, который оказывается чрезвычайно востребованным широкой аудиторией и увеличивает количество просмотров. Согласно теории социального научения А. Бандуры, именно «на основании наблюдений за окружающими у человека формируется представление о том, каким образом должно реализовываться новое поведение, и в дальнейшем такая закодированная информация служит для него руководством к действию» [9, с. 15]. Можно утверждать, таким образом, что подобные интервью таят в себе дополнительную опасность: неэкологичные модели речевого взаимодействия, транслируемые на широкую аудиторию, оказывают деструктивное влияние на коммуникацию людей в реальной жизни. Это проявляется в копировании неэкологичных стратегий и тактик, нормализации грубости,

табуированной лексики и тем разговора, замене глубокого общения поверхностным. Деструктивный эффект усиливается двумя факторами. Во-первых, отсутствие серьезных последствий для производителей токсичного контента оправдывает в представлении широкой аудитории неэкологичное поведение. Во-вторых, широкое распространение таких интервью и регулярность производства не оставляют зрителю времени на критическое осмысление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивченков, В. И.* Кризис речевой культуры / В. И. Ивченков // Менеджмент вузовских библиотек. Роль библиотеки университета в формировании информационной культуры специалиста XXI века : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 12–14 окт. 2011 г., Минск / Белорус. гос. ун-т, Фундам. б-ка ; редкол.: П. М. Лапо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 23–33.
2. *Тихонова, И. Ю.* Парасоциальные отношения в современном мире / И. Ю. Тихонова, А. С. Кравец // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 1. – С. 41–49.
3. *Поплавская, Т. В.* Троллинг как технология самопрезентации / Т. В. Поплавская // Terra Linguistica. Цифровая идентичность: текстовые жанры и семиотические ресурсы выражения. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 102–110. – URL: https://human.spbstu.ru/userfiles/files/volume/TL_2_2024.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
4. *Розенберг, М.* Язык жизни. Ненасильственное общение / М. Розенберг. – М. : София, 2022. – 288 с.
5. *Берн, Э.* Трансактный анализ в психологии: системная индивидуальная и социальная психотерапия / Э. Берн. – М. : Академический проспект, 2024. – 352 с.
6. *Шаховский, В. И.* Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике : монография / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – 358 с.
7. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 9-е, доп. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 320 с.
8. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
9. *Бандура, А.* Теория социального научения / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

10. вДудь. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X2gALEgKXt0> (дата обращения: 21.04.2025).
11. вДудь. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6cjcgu865ok> (дата обращения: 21.04.2025).

Поступила в редакцию 28.10.2025

УДК 81'372:811.111+811.161.1

Степанова Елизавета Дмитриевнааспирант кафедры теоретического
и славянского языкознания
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь**Elizaveta Stepanova**PhD Student of the Department
of Theoretical and Slavic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
stsiapanava.ld@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ИЕРАРХИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПОЛИСЕМИИ)

Анализ белорусских (на русском языке) и британских учебников информатики показал, что семантическая деривация в качестве источника терминов в английском подкорпусе более чем в два раза превышает долю семантических дериватов русской терминологии информатики. Выявленное различие объясняется, во-первых, более высоким удельным весом в английской компьютерной терминологии исконной лексики, что создает для говорящих возможности приспособить семантику уже знакомых слов для потребностей информатики; во-вторых, в силу аналитизма английского языка, новые обозначения в нем значительно чаще (чем в языках синтетического строя) создаются на основе полисемии, включая конверсию, нежели путем морфемной деривации (как, в частности, в русском языке). Предложена детальная классификация механизмов семантической деривации (с различением трех видов метонимии, трех видов метафоры, а также переносов по функции) и показаны количественные различия в представленности разных видов семантической деривации в рассмотренной русской и английской терминологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *терминология; информатика; семантика; деривация; полисемия; аналогия; метафора; метонимия; виртуальность.*

SEMANTIC DERIVATION IN ENGLISH AND RUSSIAN INTERNET COMPUTER TERMINOLOGY (QUANTITATIVE HIERARCHY OF THE MAIN TYPES OF POLYSEMY)

The analysis of Belarusian (in Russian) and British computing textbooks showed that semantic derivation as a source of terms in the English subcorpus is more than twice as high as the share of semantic derivatives of Russian computer science terminology. The revealed difference is explained, firstly, by the higher proportion of native vocabulary in English computer terminology, which creates opportunities for speakers to adapt the semantics of familiar words to the needs of computer science; secondly, due to the analyticism of the English language, new designations in it are much more often created on the basis of polysemy, including conversion, than by morphemic derivation (as, in particular, in Russian). A detailed classification of the mechanisms of semantic derivation is proposed (with a distinction between three types of metonymy, three types of metaphor, and functional transfer) and quantitative differences in the representation of different types of semantic derivation in the considered Russian and English terminology are shown.

Key words: *terminology; informatics; semantics; derivation; polysemy; analogy; metaphor; metonymy; virtuality.*

1. Задачи и языковой материал исследования. В статье исследуются механизмы семантической деривации и их продуктивность в русской и английской школьной (базовой) интернет-компьютерной терминологии.

В условиях школьного обучения, вне зависимости от предметной области, ключевой задачей остается освоение терминологического аппарата. Помимо навыков обращения с техникой, осмысленное понимание предметной области требует способность видеть за терминами структуру процессов и понимать внутреннюю форму слова. Ономасиологический подход позволяет определить, насколько механизмы номинации обеспечивают прозрачность термина по своей внутренней форме, насколько они понятны носителям языка и насколько родной язык помогает усвоению терминов.

Материал исследования составили интернет-компьютерные термины, содержащиеся в белорусских школьных учебниках (на русском языке) по информатике для 6–11 классов (Минск : «Народная асвета», 2017–2018; авторы: В. М. Котов, А. И. Лапо и др.) и 9 английских учебников Oxford International Primary Computing (Oxford University Press, 2019–2020; Alison Page и соавт.). Исследовательские подкорпусы формировались путем сплошной выборки; английский подкорпус содержит 407 терминов, русский – 328 терминов. Ономасиологический анализ состоял в сопоставлении двух сущностей: 1) термина и его определения или объяснения в школьном учебнике; 2) семантики, сферы использования и прагматических свойств того значения слова (в нормативном словаре), к которому непосредственно восходит интернет-компьютерный термин. Основным источником лексикографических сведений по современному русскому языку служил БТС РЯ под ред. С. А. Кузнецова [1]; по современному английскому языку – Collins English Dictionary в его онлайн-версии [2].

Место семантической деривации среди других источников обозначений отражено в табл. 1, где указано количество терминов по основным ономасиологическим разрядам в английском и русском корпусах. Римские цифры обозначают ранг разряда по численности терминов.

Т а б л и ц а 1

Различия между английскими и русскими ИТ-терминами
в количественной иерархии основных источников терминов

Пути появления или создания компьютерных терминов	Количество (в процентах к объему своего корпуса)	
	Английский язык	Русский язык
I. Синтаксическая деривация	183 (44,72 %) I	176 (53,66 %) I
II. Семантическая деривация	149 (36,6 %) II	57 (17,38 %) II–III
III. Морфемная деривация	70 (17,19 %) III	33 (10,06 %) IV
IV. Лексические заимствования	5 (1,23 %) IV	62 (18,9 %) II–III
Всего терминов в подкорпусе	407 (100 %)	328 (100 %)

Как видно из табл. 1, семантическая деривация продуктивна в обоих языках. Вместе с тем в английском подкорпусе удельный вес семантической деривации в 2,1 раза выше, чем в русском.

Полисемия, возникающая на пересечении когнитивных и коммуникативных процессов, позволяет лексическим единицам служить средством номинации разных, иногда далеких объектов, и при этом сохранять внутреннюю близость объектов номинации. В терминологии полисемия отражает когнитивную работу сознания по специализации или расширению значения.

В этом контексте принципиально важно различать обиходное значение слова-«предтермина» и терминологическое значение слова, ставшего термином, – различие, которое составляет фундаментальный принцип лексической семантики, потому что, как пишет Ю. Д. Апресян, «семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п.», а «задача лексикографа <...> состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований» [3, с. 56–58].

Вопросы мотивированности терминов широко исследуются в ономасиологии [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Отмечается, что мотивировка термина – «область экстралингвистическая: она раскрывает ассоциативные пути, соединяющие в сознании именуемого представления об одном предмете с представлениями о другом, в результате чего эти связи включаются в смысловое содержание нового слова» [10, с. 94].

Формирование термина – это результат взаимодействия когнитивных и языковых механизмов, обеспечивающих его референтную определенность и функциональную интеграцию в дисциплинарное знание.

2. Основные семантические переносы интернет-компьютерных обозначений. Исследование следует устоявшемуся с античных времен пониманию метафоры, метонимии и переноса по функции, принятому в поэтике и семасиологии. Р. О. Якобсон также пишет о метафорическом и метонимическом полюсах, по которым организуются знаковые системы: «речевое событие может развиваться по двум смысловым линиям: одна тема может переходить в другую либо по подобию (сходству), либо по смежности» [11, с. 126].

Различия в освещении семантических переносов – от риторико-стилистического до когнитивно-семиотического раскрывают многомерность тропов как языковых феноменов.

Основой для многих семантических переносов служит аналогия – механизм, запускающий номинацию на основе сходства функций или признаков, активируя семантические преобразования по логике внутреннего подобия. Благодаря аналогии устанавливаются параллели между биологическими и техническими механизмами, выдвигаются гипотезы о наличии свойств у объекта на основании их проявления в другом, сходном по

устройству. Этот подход не ограничивается экспериментальной наукой: «он лежит в основе самого мыслительного процесса, функционируя наряду с индукцией и дедукцией и находясь с ними в неразрывном взаимодействии» [12, с. 37–38].

3. Метонимические модели полисемии в интернет-компьютерной терминологии. Метонимия – один из ключевых механизмов вторичной номинации, основанный на смежности понятий, объектов или процессов. В отличие от метафоры, которая опирается на сходство, «метонимия – это более “ползучий” (потому и “плавный”), менее дискретный, чем метафора, и потому еще более естественный и органичный поворот “того же” содержания в несколько иной плоскости» [13, с. 187]. В терминологической системе цифровой сферы метонимия проявляется в различных формах, которые можно классифицировать по типу отношений, описанных А. А. Реформатским [14, с. 87–88].

В рамках исследования в подкорпусе семантических дериватов выделяются три продуктивные модели метонимии: метонимическое сужение, метонимический перенос названия с реальной сущности на виртуальную, метонимическое применение названия процесса для обозначения результата процесса.

3.1. Метонимическое сужение – семантический перенос, при котором значение термина смещается от более широкого и общего содержания к его частному проявлению в рамках профессионально-технического контекста.

Данная модель демонстрирует процесс семантической фокусировки, где значение термина сужается до наиболее релевантного в контексте ИКТ.

Так, в общем языке *комментарий* – ‘толкование, разъяснение какого-либо текста путем примечаний’; информатике – ‘текст, который не анализируется при запуске программы, но сохраняет пояснительную функцию’. Сохраняется исходная идея, но она переориентируется на реализацию в компьютерной системе, формируя узкоспециализированные значения с функциональной нагрузкой.

Аналогично, в общем языке *cache* ‘кэш, временное хранилище данных’ – ‘a hidden store of provisions, weapons, treasure, etc’ ‘скрытый склад провизии, оружия, сокровищ и т. д.’; в компьютерной сфере – ‘a small area of primary storage that holds data and instructions that are about to be processed by the CPU’ ‘небольшая область основной памяти, содержащая данные и инструкции, которые должны быть обработаны процессором’. Сохраняется идея «хранилища», но она переориентируется на цифровую реализацию, релевантную компьютерному контексту.

Метонимическое сужение – это не только ограничение значения, но и осистемная адаптация термина к функциональной роли в контексте ИКТ.

В русском материале выявлено 27 терминов, образованных путем метонимического сужения, среди которых: *адрес, адантер, архив, вид, данные*; в английском – 85, среди которых: *animation* ‘создание дина-

мических изображений или видеороликов’, *attachment* ‘вложение, прикрепленный файл’, *binary* ‘двоичный, состоящий из 0 и 1’, *block* ‘блок, фрагмент кода или данных’, *bumper* ‘бампер, буфер, контактный сенсор’.

3.2. Метонимический перенос названия с реальной сущности на виртуальную. В рамках этой модели рассматриваются термины, обозначающие процессы, действия или состояния, которые в физической реальности уже обладают неосязаемым, абстрактным характером и при переходе в цифровую среду сохраняют эту неосязаемость, но приобретают функциональную строгость и операциональную конкретность.

Например, в общем языке *уловие* – ‘требование, выдвигаемое кем-л., от выполнения которого зависит какой-л. уговор, соглашение с кем-л.’; в информатике – ‘понятное для исполнителя высказывание, которое может быть истинным (соблюдаться) либо ложным (не соблюдаться)’. В общем языке *command* ‘команда, инструкция для выполнения’ – ‘an order; mandate’ ‘приказ; поручение’; в информатике – ‘an instruction that tells the computer what to do’ ‘инструкция, которая сообщает компьютеру, что делать’. Оба термина демонстрируют метонимический переход от абстрактного действия в реальности к определенной, но такой же неосязаемой функции в цифровой среде.

В русском материале выявлено 3 термина, образованных путем метонимического переноса названия с реальной сущности на виртуальную, среди которых: *команда*, *помощь*; в английском – 7, среди которых: *drag* ‘перетаскивать, переносить объект’, *interactive* ‘интерактивный, отвечающий на действия пользователя’, *metrics* ‘метрики, показатели анализа’, *privacy* ‘конфиденциальность, защита личных данных’, *prompt* ‘командная строка, запрос к системе’.

3.3. Метонимическое применение названия процесса для обозначения результата процесса. В рамках этой модели происходит перенос с действия или процедуры на его итог или продукт. В основе этого типа лежит темпоральная и причинно-следственная связь: наименование фиксирует не выполнение действия, а его завершённую форму или результат. Например: в информатике *публикация* – ‘сохранение фильма в формате SWF’ [в программе анимации – Shockwave Flash, впоследствии Small Web Format]; в словаре общего языка – ‘то, что опубликовано, напечатано’.

Метонимия этой модели представлена только в подкорпусе русских семантических дериватов в минимальном объеме – один зафиксированный случай, что требует пояснения, учитывая, что сама модель обладает когнитивной прозрачностью и теоретически применима ко множеству реалий. Возможно, это объясняется более функциональной направленностью терминов, спецификой корпуса и ограниченной деривационной продуктивностью модели в текущем состоянии языка.

4. Перенос по функции опирается не на внешнее сходство, а на прагматическую релевантность. При этом переносе «вещь меняется, а понятие, содержащееся в данном слове, сохраняет кое-что из своих признаков и, в отличие от метафоры, обязательно существенный признак, функциональный» [14, с. 46-47].

В компьютерном контексте эти термины продолжают выполнять ту же функцию, что и в исходной области. Так, в словаре общего языка *фильтр* – ‘тщательный отбор, проверка чего-, кого л.’; в информатике – ‘средство отображения только тех строк таблицы, которые соответствуют заданным условиям’; перенос осуществляется по сохранению ключевого функционального признака: отбор элементов, которые соответствуют заданным условиям.

Аналогично, *bookmark* ‘закладка’ в общем языке – ‘a strip or band of some material, such as leather or ribbon, put between the pages of a book to mark a place’ ‘полоска или перевязь из какого-либо материала, например кожи или ленты, помещаемая между страницами книги, чтобы отметить место’; в информатике – ‘a way to save a link to a web page you like’ ‘способ сохранить ссылку на понравившуюся вам веб-страницу’. В обоих контекстах *bookmark* служит ориентиром: в книге – физическим, в браузере – виртуальным.

В русском материале выявлено 19 терминов, образованных путем переноса по функции, среди которых: *карандаш*, *ластик*, *абзац*, *диаграмма*, *диапазон*; в английском – 31, среди которых: *alignment* ‘выравнивание’, *assign* ‘назначить, привязать данные’, *backdrop* ‘фон’, *body* ‘главная, основная часть (чего-л.)’, *canvas* ‘холст, область для рисования’.

5. Метафорические модели в создании интернет-компьютерных обозначений. Виртуальная среда активизирует фундаментальную когнитивную стратегию любой метафоры: все, что нельзя понять напрямую, должно быть представлено как нечто уже знакомое. Это заставляет пользователя искать опору в визуальном образе или в теле человека или животного.

В рамках интернет-компьютерной терминологии выделяются следующие виды метафор: деанимация, визуальная метафора, невизуальная метафора.

5.1. Деанимация – семантический перенос, при котором признаки живого существа – действия, роли, поведения – переносятся на безличный технический объект или процесс.

Так, *клиент* в общем языке – ‘постоянный покупатель, заказчик, посетитель’; в информатике – ‘сервер предоставляет свои ресурсы для совместного использования остальным компьютерам сети, называемым клиентами, и может управлять их работой’. *Клиент* «запрашивает», «получает», «взаимодействует» – происходит перенос поведенческих признаков живого агента на цифровой узел.

В английском языке *server* – ‘a person who serves’ ‘человек, который обслуживает’; в информатике – ‘a powerful computer used in a network. Each server in a network does a particular job’ ‘мощный компьютер, используемый в сети. Каждый сервер выполняет определенную задачу’. Поведенческие схемы сохраняются, но переосмыслены в компьютерной среде.

В компьютерной терминологии деанимация может проявляться не только в прямом переносе признаков живого агента на технический, но и в более сложных, опосредованных случаях, когда термин относится к действиям, изначально возможным только в рамках опыта живых существ. Такой пример демонстрирует термин *training* ‘обучение’ в словаре общего языка – ‘the process of bringing a person, etc to an agreed standard of proficiency, etc by practice and instruction’ ‘процесс приведения человека и т. д. к согласованному уровню владения языком и т. д. путем практики и обучения’; в информатике – ‘the first stage of machine learning. The computer is given access to example data and sometimes feedback or labels. The computer must work out how to solve a problem’ ‘первая стадия машинного обучения. Компьютер получает доступ к примерам данных, а иногда и к обратной связи или аннотирующим меткам. Ему необходимо разобраться, как решить задачу’.

В русском материале выявлен 1 термин, образованный путем деанимации; в английском – 11, среди которых: *controller* ‘контроллер, управляющее устройство’, *memory* ‘память, хранилище данных’, *monitor* ‘монитор, устройство вывода информации на экран’, *printer* ‘принтер, устройство вывода на бумагу’, *processor* ‘процессор’.

5.2. Визуальная метафора основана на визуальном сходстве (в некоторых случаях вместе со звуковым сходством) между объектом интернет-компьютерной области и предметом из повседневной реальности.

Так, *мышь* в общем языке – ‘небольшое млекопитающее отряда грызунов, с острой мордочкой и длинным голым хвостом’; в информатике – ‘устройство, используемое для удобства работы с информацией на экране компьютера’. Перенос мотивирован формой и «хвостом» провода.

Визуальная метафора в компьютерной терминологии может опираться как на непосредственное внешнее сходство, так и на более сложные образные ассоциации. В случае термина *trojan* ‘вредоносная программа, троян’, происходящего от *Trojan Horse* ‘Троянский конь’ – ‘a trap intended to undermine an enemy’ ‘ловушка, предназначенная для подрыва позиций врага’ в ИКТ становится ‘a piece of malware that is hidden inside a data file or software app’ ‘вредоносное программное обеспечение, скрытое внутри файла данных или программного приложения’. Здесь визуальная ассоциация активируется через историко-мифологический образ. Пользователь воспринимает угрозу не по техническому описанию, а через знакомый визуальный сценарий проникновения под видом подарка.

Как отмечается, «хотя метафора и мотивирует термин, она с большим успехом служит для его истолкования непосвященным, нежели для передачи основных черт именуемого явления, его сущностных характеристик» [10, с. 94].

В русском материале выявлено 4 термина, образованных путем визуальной метафоры, среди них: *окно*, *символы*; в английском – 5, среди которых: *cell* ‘ячейка’, *mouse* ‘мышь’, *thumbnail* ‘миниатюра изображения’.

5.3. Невизуальная (ассоциативная) метафора – семантический перенос, при котором активируется не прямое визуальное сходство и не очевидная функция, а ассоциации, основанные на обобщенном представлении о предмете или явлении. Например, в словаре общего языка *книга* – ‘произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-либо текстом’; в информатике – ‘новый документ, который автоматически открывается при запуске Excel’. В Excel-*книге* структура организована в виде отдельных листов, между которыми можно перемещаться, однако функциональное наполнение ограничивается исключительно табличной информацией и редактурой.

Особый интерес представляет термин *cookie* ‘куки, данные для идентификации’ в общем языке – ‘a small flat dry sweet or plain cake of many varieties, baked from a dough’ ‘небольшая плоская сухая сладкая или однотонная лепешка многих разновидностей, выпекаемая из теста’; в информатике – ‘a file that a website creates on your computer when you visit the site. It may store information about you and your visit’ ‘файл, который веб-сайт создает на вашем компьютере при посещении. Он может хранить информацию о вас и вашем посещении’.

Номинация основана на ассоциативной логике и культурных сценариях: от *magic cookie* ‘магическое печенье’ в UNIX до образов *fortune cookie* ‘печенье с предсказаниями’ (как объект с вложенной информацией) и *cookie crumbs* ‘крошки печенья’ (как следы навигации). Во всех случаях сохраняется идея небольшого элемента, сопровождающего взаимодействие, оставляющего след и хранящего информацию. Во всех случаях этот термин воспринимается как нечто небольшое, сопровождающее взаимодействие, оставляющее след, хранящее информацию или обеспечивающее доступ.

В русском материале выявлено 2 термина, образованных путем невидуальной метафоры; в английском – 10, среди которых: *spam* ‘спам, нежелательная рассылка’, *embed* ‘встраивать, внедрять объект в систему’, *field* ‘поле, часть структуры данных’, *packets* ‘пакеты, структурированные блоки данных’, *router* ‘роутер, устройство маршрутизации’.

6. Представлена таблица с ранжированием механизмов семантической деривации компьютерных терминов, а также их процентные данные для выборки семантических дериватов на английском и русском языках (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Процентное соотношение механизмов семантической деривации
интернет-компьютерных терминов

Механизмы семантической деривации компьютерных терминов		Количество (в процентах к объему семантических дериватов)	
		Английские термины	Русские термины
Метонимия	метонимическое сужение	85 (%) I	27 (%) I
	реальное→виртуальное	7 (%)	3 (%)
	процесс→результат	–	1 (%)
Перенос по функции		31 (%) II	19 (%) II
Метафора	деанимация	11 (7,3 %) III	1 (%)
	визуальная	5 (%)	4 (%) III
	невизуальная	10 (%) IV	1 (1 %) III
Всего		149 (100 %)	57 (100 %)

Можно предположить, что различия в степени распространенности полисемии в рассматриваемой терминологии отражают типологические особенности английского и русского языков. Удельный вес семантически производных терминов в английском материале в 2,1 раза выше, чем в русском, что свидетельствует о различной языковой реальности, подтверждаемой индексами синтетичности: 1,68 для английского и 2,39 для русского [15]. Аналитическая структура английского языка (короткие слова и упрощенная грамматическая организация высказывания) способствует тому, что одно слово может охватывать большее количество значений, что, в свою очередь, отражается в высокой степени полисемии. В русском языке, напротив, наблюдается меньшая доля семантических дериватов, что, по-видимому, связано с высокой продуктивностью морфемной деривации – типичной чертой славянских языков [16, с. 29]. Таким образом, различия в терминологической полисемии обусловлены не столько внутренними механизмами деривации, сколько типологическим распределением средств номинации в данных языках.

7. Виртуальность как особенность семантической деривации в интернет-компьютерной терминологии. Интернет-компьютерная терминология формируется в гибком семиотическом пространстве, где стираются границы между реальным и виртуальным, материальным и нематериальным. Язык в этой сфере адаптируется к обозначению не объектов, а их функций и интерфейсов. Онтологически нагруженные лексемы переосмысляются: философские понятия превращаются в техноцентричные номинации, отражающие цифровую среду: «слова *мир, жизнь, существо-*

вание, действительность, бытие, реальность, среда, пространство в сочетании с прилагательными *виртуальный* или *цифровой* ... обозначают искусственно создаваемую специальными электронными устройствами синтетическую среду, которая осмысливается как некий аналог (копия, версия) физического мира» [17, с. 201].

Понятие виртуальности не является новообразованием, возникшим исключительно в эпоху компьютеров. Уже Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» писал, что язык – это «... грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу...» [18, с. 20].

В математической и философской терминологии виртуальность, как правило, трактуется как онтологически идеальное, но при этом реально действующее.

В ряде работ по лингвистике и медиаисследованиям в ряду ключевых признаков цифровой коммуникации выделяется именно виртуальность – как «кажимость», при которой «в виртуальном киберпространстве предметы и процессы (видимые на дисплее) могут не существовать в реальности, а возникают в результате компьютерной имитации» [19, с. 461].

Основные механизмы деривации – метонимия, метафора и перенос по функции – обеспечивают когнитивную адаптацию языка к виртуальной среде. Виртуальность не просто присутствует в процессах семантической деривации, но и определяет способы переосмысления терминов. В результате формируется гибкая терминологическая картина мира, отражающая способы мышления и навигации в цифровом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (date of access: 06.07.2025).
3. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – 472 с.
4. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.
5. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 114 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура // В. М. Лейчик. – М. : ЛКИ, 2007. – 256 с.
7. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 158 с.
8. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Флинта, 2019. – 335 с.

9. *Rey, A. Essays on Terminology / A. Rey. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1995. – 237 p.*
10. *Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.*
11. *Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон // Теория метафоры : сб. ст. / пер. с англ. Н. В. Перцова ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.*
12. *Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 721 с.*
13. *Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : Курс лекций : учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводов. фак. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2008. – 432 с.*
14. *Реформатский, В. А. Введение в языковедение / В. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 536 с.*
15. *Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. 3. – С. 60–94.*
16. *Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков [Электронный ресурс] / А. Е. Супрун ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 1 CD-ROM.*
17. *Маринова, Е. В. Новые смыслы слова «реальный» в контексте цифровых технологий / Е. В. Маринова // Материалы науч. конф., Минск, 15–17 мая 2025 г. / МГЛУ ; редкол. Ю. В. Овсейчик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2025. – С. 201–203.*
18. *Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; под ред. Н. В. Чапаевой [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.*
19. *Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд, испр. – М. : Флинта, 2016. – 584 с.*

Поступила в редакцию 19.05.2025

УДК 811.581.37+811.581.35

Сяо И

аспирант кафедры теории и практики
китайского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Xiao Yi

PhD Student of the Department of Theory
and Practice of the Chinese Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
xiao.eric@yandex.by

СЕМАНТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ ИДЕОГРАММ-ОБОЗНАЧЕНИЙ ДЕЙСТВИЙ И ПРОЦЕССОВ В КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Статья посвящена структурно-семантическому анализу китайских идеограмм, обозначающих действия и процессы различного типа. Выделены 5 семантических групп идеограмм, относящихся по своему значению к следующим семантическим сферам: государственно-социальная деятельность (43,2 %), производственно-бытовая сфера (33,8 %), физические действия (17,8 %), природные процессы (3,3 %) и ментальные операции (1,9 %). Разработаны 64 структурно-семантические модели образования идеограмм, среди которых наибольшее распространение имеет комбинация смысловых компонентов, преимущественно связанных с человеком или частями его тела и государственными понятиями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *идеограмма; действие; процесс; семантика; модель; китайский язык.*

SEMANTICS AND FORMATION OF IDEOGRAM-DENOTATIONS FOR ACTIONS AND PROCESSES IN CHINESE WRITING

The article focuses on a structural-semantic analysis of Chinese ideograms that represent various types of actions and processes. Five semantic groups of these ideograms were identified, whose meanings fall into the following semantic spheres: state and social activities (43,2 %), productive and domestic sphere (33,8 %), physical actions (17,8 %), natural processes (3,3 %), and mental operations (1,9 %). A total of 64 structural-semantic models of ideogram formation were developed, among which the most prevalent model is the combination of semantic components primarily associated with a person or parts of his body and state concepts.

К e y w o r d s: *ideogram; action; process; semantics; model; Chinese language.*

Идеограммы – это знаки китайской письменности, которые, несмотря на различные реформы графики, являются единственным видом составных иероглифов, образующихся семантическим способом, т.е. путем соединения нескольких смысловых компонентов без включения звуковых (фонетических) составляющих. Например, идеограмма 菜 ‘овощи’ складывается из двух компонентов: 艹 ‘травы’ и 采 ‘собирать’ [1; 2; 3].

Научный анализ данных знаков начинается в конце XIX в. [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Прежде всего, это исследования этимологии с использованием материалов древних письменных систем Цзягувэнь и Цзиньвэнь. Хуан

Тяньшу (黃天樹), Ли Сюэциня (李學勤) и др. определили, что идеограммы возникли как ответ на потребность в номинации сложных абстрактных понятий, которые невозможно было выразить через пиктограммы [11; 12]. Ши Динго (石定果) и Ся Цзюнь (夏軍) провели ряд исследований структуры идеограмм с выявлением заложенных в них культурных кодов китайской письменности [13; 14; 15; 16]. С точки зрения когнитивной лингвистики проанализированы идеограммы в работах Чжан Инин (張瑩瑩), Чэнь Чжицюнь (陳志群) и Ван Юйсинь (王玉新) [17; 18; 19; 20]. Фрагментарность проведенных исследований идеограмм, не затрагивающая вопросы их знакообразования в отношении семантических принципов соединения компонентов, привела к необходимости разработки этой области анализа, что позволит, с одной стороны, определить то, по каким структурно-семантическим моделям соединяются знаки этого типа, с другой стороны, станет основой для построения больших баз данных для искусственного интеллекта, что и является целью представленного в данной статье анализа.

Материалом исследования послужили 672 идеограммы, именующие действия и процессы различного типа. Следует отметить высокую значимость идеограмм этой семантической категории, поскольку доля идеограмм, обозначающих действия, составила 43,3 % от общего числа идеограмм китайской письменности. Идеограммы были отобраны путем сплошной выборки из словарей «汉语大字典» («Большой словарь китайских иероглифов») и «说文解字» («Объяснение простых и толкование сложных знаков») [21; 3].

Методологическую основу анализа идеограмм-обозначений действий и процессов в китайской письменности составили работы Ши Динго (石定果) и Чжан Инин (張瑩瑩) [14; 17]. Методика построения моделей соединения компонентов идеограмм включала этимологический анализ 672 знаков с помощью следующих лексикографических источников: «汉语大字典» («Большой словарь китайских иероглифов») и «说文解字» («Объяснение простых и толкование сложных знаков») [21; 3]. Затем путем компонентного анализа были выделены составляющие элементы всех идеограмм. Семантический анализ компонентов идеограмм строился на базе семантических классификаций китайских графем, выполненных Ван Юйсинь (王玉新), Цзоу Сяоли (邹晓丽), Хао Вэнью (郝文有) и Н. В. Михальковой, а также семантических исследований китайских иероглифов [20; 9; 10; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Первым этапом анализа стало определение того, из каких семантических типов складывается пространство идеограмм-обозначений действий и процессов в китайской письменности. В результате анализа нами выделены 5 семантических микрогрупп знаков, в каждой из которых впоследствии определены структурно-семантические модели образования входящих в них идеограмм.

Китайские идеограммы, обозначающие различные действия и процессы, могут быть представлены в виде 5 семантических категорий знаков:

1) идеограммы-действия, связанные с государственными делами и социальной жизнью – 43,2 % от общего числа идеограмм-действий;

2) идеограммы-действия, связанные с производством или бытием – 33,8 %;

3) идеограммы-физические действия (процессы), осуществляемые человеком или животным – 17,8 %;

4) идеограммы-процессы, характерные для природных объектов – 3,3 %;

5) идеограммы-действия со значением ментальных операций и эмоциональных ощущений – 1,9 %.

Наибольшую часть семантического пространства идеограмм-обозначений действий составила первая микрогруппа идеограмм, репрезентирующих действия, связанные с государственными делами и социальной жизнью (43,2 % от общего числа идеограмм, именующих действия или процессы). Они созданы по 19 семантическим моделям соединения смысловых компонентов, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Количественная представленность структурно-семантических моделей китайских идеограмм, обозначающих действия, связанные с государственными делами и социальной жизнью

№ п/п	Структурно-семантическая модель	Количество, %
1	«человек/часть тела» + «государство и общество»	24,3
2	«человек/часть тела» + «человек/часть тела»	18,8
3	«человек/часть тела» + «производство и бытие»	17,0
4	«производство и бытие» + «производство и бытие»	10,8
5	«человек/часть тела» + «абстрактная сущность»	6,3
6	«человек/часть тела» + «зоонимы»	4,2
7	«государство и общество» + «государство и общество»	3,8
8	«производство и бытие» + «производство и бытие»	2,8
9	«человек/часть тела» + «фитонимы»	2,1
10	«государство и общество» + «зоонимы»	2,1
11	«производство и бытие» + «абстрактная сущность»	2,1
12	«человек/часть тела» + «природный объект»	1,4
13	«производство и бытие» + «фитонимы»	1,0
14	«государство и общество» + «фитонимы»	1,0

Окончание таблицы 1

15	«государство и общество» + «абстрактная сущность»	0,7
16	«зоонимы» + «производство и бытие»	0,7
17	«производство и бытие» + «природный объект»	0,3
18	«зоонимы» + «природный объект»	0,3
19	«фитонимы» + «природный объект»	0,3

Первая, наиболее распространенная структурно-семантическая модель составления идеограмм-действий, связанных с государственными делами и социальной жизнью, представляет собой соединение смыслового компонента, обозначающего человека или часть его тела, и смыслового компонента, репрезентирующего понятие, связанное с государством и обществом. Например, идеограмма 警 ‘предупреждать, предостеречь’ создана из смысловых компонентов 言 ‘рот говорящий’ + 敬 ‘серьезное поступление и выполнение’. Смысловой компонент 言 ‘рот говорящий, речь’ представляет собой репрезентант инструмента для выражения данного действия, а компонент 敬 ‘серьезное поступление и выполнение’ – его отличительный признак [21, с. 2863]. К данной структурно-семантической модели могут быть также отнесены следующие идеограммы: 擊 ‘смертоносный удар’ = 手 ‘рука’ + 毀 ‘разрушать’; 俘 ‘захват в плен’ = 人 ‘человек’ + 孚 ‘образовать, воспитать ребенка’ и др.

Вторая структурно-семантическая модель составления идеограмм-действий, связанных с государственными делами и социальной жизнью, представляет собой редупликацию семантических компонентов со значением человека или частей его тела. Например, 取 ‘захватить в плен’ – идеограмма, где в состав включаются смысловые компоненты 耳 ‘ухо’ и 又 ‘правая рука’, так как на войне в древности китайские воины отрезали левое ухо врага, которого они захватили в плен в качестве доказательства подвигов, и др.

По третьей модели создаются идеограммы-обозначения государственных действий и социальной жизни путем объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих человека или часть его тела, с другой стороны, семантического компонента со значением объекта или действия, связанного с производством и бытием. Например, идеограмма 𠄎 ‘срамить’ составлена из смысловых компонентов 言 ‘рот’ и 𠄎 ‘сетка’.

Четвертая модель, с помощью которой образуются обозначения государственных действий в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические конститuenty, которые обозначают непосредственно понятие государства и общества, и семантические компоненты, выражающие объект или действия производства и бытия. Например, идеограмма 劃 ‘разграничение’, в структуре которой соединяются

смысловые компоненты 畫 ‘граница территории’ и 刀 ‘нож’. Компонент 畫 ‘граница территории’ репрезентирует объект для выражения действия «разграничение», а компонент 刀 ‘нож’ – инструмент и др.

Пятая структурно-семантическая модель составляется из семантических компонентов, выражающих понятие человека или части его тела, и семантического компонента-наименования абстрактной сущности. Например, идеограмма 選 ‘депортировать, изгнать’ создана из смысловых компонентов 辵 ‘нога на дороге, движение’ и 巛 ‘название триграммы (巛) (рассредоточение)’.

Шестая выделенная нами структурно-семантическая модель представляет собой объединение семантического компонента, связанного с человеком или частью его тела, и семантического компонента-зоонима. Например, идеограмма 奪 ‘конфисковать, захватить’ составляется из смысловых компонентов 寸 ‘точка биения пульса на руке’ и 隹 ‘птица взлетающая’. Компонент 寸 ‘точка биения пульса на руке’ в осознании древних людей может обозначать понятие, связанное с правами и социальным порядком.

Седьмая разработанная структурно-семантическая модель позволяет образовать идеограмму со значением действия государства или общества с помощью редупликации семантических компонентов со значением «государство и общество». Например, 禘 ‘жертвоприношение с целью сообщить предкам важные события’ – идеограмма, в состав которой включаются смысловые компоненты 礻 ‘алтарь’ и 告 ‘сообщить руководителю или предкам’. Смысловой компонент 礻 ‘алтарь’ в осознании древних китайцев часто репрезентирует инструмент для обозначения понятия, связанного с жертвоприношением и верованием.

Восьмая группа идеограмм со значением государственных и общественных дел создается по модели редупликации семантических компонентов, связанных с производством и бытием. Например, идеограмма 班 ‘разделение отделов в организации’ создана из смысловых компонентов 玨 ‘пара нефритов’ и 刀 ‘нож’, так как нефритовые изделия в Китае в древности являлись символами власти и морали человека и др.

Девятая выделенная нами модель является соединением смысловых компонентов со значением человека или части его тела и смыслового компонента-фитонима. Например, Идеограмма 相 ‘наблюдение, рассмотрение’ составляется из смысловых компонентов 目 ‘глаз’ и 木 ‘дерево’. Компонент 目 ‘глаз’ в структуре данной идеограммы представляет собой репрезентант инструмента для выражения понятия «наблюдение, рассмотрение», а 木 ‘дерево’ – «объект» и др.

Десятая модель позволяет создавать идеограммы-действия государства и общества путем объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих объекты или действия государства и общества, с другой

стороны, семантического компонента со значением животного или его части. Например, 敗 ‘разрушить, уничтожить’ – идеограмма, в чей состав входят смысловые компоненты 攴 ‘бить, управлять’ и 貝 ‘ракушка’. Компонент 貝 ‘ракушка’ в осознании древних китайцев часто репрезентирует понятия, связанные с богатством и торговлей, так как древние китайцы использовали ракушки в качестве валюты.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих действия, связанные с государственными делами и социальной жизнью: «производство и бытие» + «абстрактная сущность», например, 罷 ‘уволить, убрать с должности’ = 罒 ‘сетка’ + 罷 ‘способность’; «человек/часть тела» + «природный объект», например, 婚 ‘жениться’ = 女 ‘женщина’ + 昏 ‘закат солнца’; «производство и бытие»+«фитоним», например, 蕪 ‘налить вино по травам на жертвоприношении’ = 酉 ‘вино’ + 艹 ‘травы’; «государство и общество» + «фитоним», например, 禱 ‘жертвоприношение для мольбы о ниспослании детей’ = 礻 ‘алтарь’ + 某 ‘ягоды’; «государство и общество» + «абстрактная сущность», например, 政 ‘управлять, администрировать’ = 攴 ‘бить, управлять’ + 正 ‘правильно, ровная позиция’; «зооним» + «производство и бытие», например, 蝕 ‘терпеть убыток, потерю’ = 虫 ‘червь, насекомое’ + 食 ‘пища, еда’; «объект производство и бытие» + «природный объект», например, 晉 ‘быть на приеме у руководителя или у монарха’ = 廾 ‘вместе прибывать’ + 日 ‘солнце’; «зооним» + «природный объект», например, 突 ‘налет, штурм’ = 犬 ‘собака’ + 宀 ‘пещера’; «фитоним» + «природный объект», например, 封 ‘(император) жаловать земли князьям’ = 艹 ‘росток’ + 土 ‘земля’.

В т о р у ю по количеству входящих идеограмм микрогруппу составили идеограммы-действия, связанные с производством или бытием (33,8 % от общего числа идеограмм, именующих действия или процессы). Они созданы по 20 семантическим моделям (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-действий, связанных с производством или бытием

№ п/п	Структурно-семантическая модель	Количество, %
1	«производство и бытие»+«человек/часть тела»	26,9
2	«производство и бытие»+«производство и бытие»	16,7
3	«человек/часть тела»+«человек/часть тела»	9,7
4	«производство и бытие»+«фитонимы»	7,5

5	«человек/часть тела» + «природный объект»	7,0
6	«производство и бытие» + «природный объект»	5,7
7	«производство и бытие» + «государство и общество»	4,4
8	«производство и бытие» + «зоонимы и связанное с животными»	4,0
9	«человек/часть тела» + «государство и общество»	3,5
10	«человек/часть тела» + «фитонимы»	2,6
11	«человек/часть тела» + «зоонимы»	2,6
12	«производство и бытие» + «абстрактная сущность»	1,8
13	«человек/часть тела» + «абстрактная сущность»	1,8
14	«природный объект» + «абстрактная сущность»	1,8
16	«зоонимы» + «природный объект»	0,9
15	«зоонимы» + «государство и общество»	0,9
17	«государство и общество» + «государство и общество»	0,9
18	«зоонимы» + «зоонимы»	0,4
19	«природный объект» + «природный объект»	0,4
20	«зоонимы» + «абстрактная сущность»	0,4

Первая модель позволяет образовать идеограммы путем соединения смысловых компонентов, связанных с понятием производства или бытия, и смысловых компонентов со значением человека и части его тела. Например, идеограмма 𠄎 ‘наблюдение’ создана из смысловых компонентов 𠄎 ‘таз, емкость’ + 𠄎 ‘отдыхающий человек’, так как древние китайцы привыкли смотреть на себя через емкость с водой [21, с. 2577].

Вторая структурно-семантическая модель составления идеограмм-действий, связанных с производством или бытием, представляет собой редупликацию семантических компонентов со значением предметов производства и бытия. Например, 𠄎 ‘отрезать’ – идеограмма, куда включаются смысловые компоненты 𠄎 ‘прялка’ и 斤 ‘топор’ [24, с. 274].

Третья модель позволяет создавать идеограммы-обозначения производственных или бытовых действий через редупликацию семантических компонентов со значением человека или частей его тела. Например, идеограмма 有 ‘иметь’ составляется из смысловых компонентов 又 ‘правая рука’ и 月(肉) ‘мясо, тушка’. Письменный знак 又 ‘правая рука’ в понимании древних китайцев может представлять собой инструмент для обозначения понятий, связанных с владением и контролем, а 月(肉) ‘мясо’ в древности считалось важным «имуществом» [3; 6].

Четвертая модель, с помощью которой образуются обозначения производственных или бытовых действий в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические конститuentы, которые обозначают непосредственно объект или действия производства и бытия, и семантические компоненты-фитонимы. Например, идеограмма 鞣 ‘дубление’, в структуре которой соединяются смысловые компоненты 革 ‘кожаный материал’ и 柔 ‘мягкое дерево, ветки’, так как цель работы дубления – смягчение кожи.

Пятая структурно-семантическая модель составляется из семантических компонентов, выражающих понятие человека или части его тела, и семантического компонента – природного объекта. Например, идеограмма 教 ‘сажать’ (丸 ‘человек рабочий’ + 耄 ‘большой участок земли’).

Шестая выделенная нами структурно-семантическая модель представляет собой объединение семантического компонента, связанного с производством и бытием, и семантического компонента – природного объекта. Например, 容 ‘вмещать’ – идеограмма со смысловыми компонентами 宀 ‘крыша здания’ и 谷 ‘ущелье’.

Седьмая структурно-семантическая модель позволяет образовать идеограммы со значением действия производства и бытием с помощью соединения семантических компонентов, выражающих понятие производства и бытия, и компонента со значением государства и общества. Например, идеограмма 裕 ‘встречать, собраться’ составляется из смысловых компонентов 彳 ‘дорога’ и 合 ‘сотрудничество, объединение’.

Восьмая группа идеограмм создается по модели объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих объекты или действия производства и бытия, с другой стороны, семантических компонентов со значением животного или его части. Например, идеограмма 買 ‘купить’ создана из смысловых компонентов 罒 ‘сетка’ и 貝 ‘ракушка’, так как ракушки в Китае в древности использовались в качестве денег и др. (см. также 養 ‘кормить, обеспечивать’ = 食 ‘еда’ + 羊 ‘коза’).

Девятая выделенная нами модель является соединением смысловых компонентов со значением человека или части его тела и смыслового компонента, связанного с понятием государства и общества. Например, идеограмма 找 ‘искать’ (扌 ‘рука’ + 戈 ‘оружие’).

Десятая модель позволяет создавать идеограммы-действия производства и бытием путем объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих человека и часть его тела, с другой стороны, семантических компонентов со значением растений. Например, 休 ‘отдыхать’ – идеограмма, в чей состав входят смысловые компоненты 亻 ‘человек’ и 木 ‘дерево’. В древности люди часто отдыхали под деревом на дороге.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих действия, связанные с производством и бытием: «человек/часть тела» + «зоонимы», например, 件 ‘отрезать’ = 亻 ‘человек’ + 牛 ‘бык’; «производство и бытие» + «абстрактная сущность», например, 分 ‘делить, разделять’ = 刀 ‘нож’ + 八 ‘восемь’; «человек/часть тела» + «абстрактная сущность», например, 邈 ‘неожиданная встреча’ = 辶 ‘нога на дороге, ходить’ + 罒 ‘судебный процесс’; «природный объект» + «абстрактная сущность», например, 爽 ‘немного проводить время’ = 申 ‘молния’ + 乙 ‘второй небесный ствол’; «зоонимы» + «природный объект», например, 漁 ‘ловить рыбу’ = 魚 ‘рыба’ + 水 ‘вода, река’; «зоонимы» + «государство и общество», например, 牧 ‘пасти скот’ = 牛 ‘бык’ + 攴 ‘бить, управлять’; «государство и общество» + «государство и общество», например, 衝 ‘тряска, болтанка’ = 行 ‘большая гос. дорога’ + 車 ‘военная колесница’; «зоонимы»+«зоонимы», например, 麤 ‘дальняя поездка’ = 鹿 ‘олень’ + 鹿 ‘олень’ + 鹿 ‘олень’; «природный объект» + «природный объект», например, 砾 ‘проходить реку через камни’ = 石 ‘камень’ + 水 ‘вода, река’; «зоонимы» + «абстрактная сущность», например, 貯 ‘запасать, накапливать’ = 貝 ‘ракушка’ + 宁 ‘тихо, спокойно’.

Третья по численности семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-физические действия, осуществляемые человеком или животным, и составляет 17,8 % от общего числа идеограмм, именующих действия или процессы. Они созданы по 14 семантическим моделям и представлены в табл. 3.

Таблица 3

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-физических действий, осуществляемых человеком или животным

№ п/п	Структурно-семантическая модель	Количество, %
1	«человек/часть тела» + «человек/часть тела»	41,7
2	«человек/часть тела» + «производство и бытие»	17,5
3	«человек/часть тела» + «зоонимы и связанное с животными»	12,5
4	«человек/часть тела» + «природный объект»	10,8
5	«человек/часть тела» + «государство и общество»	5,0
6	«человек/часть тела» + «абстрактная сущность»	2,5
7	«производство и бытие» + «производство и бытие»	2,5

Окончание таблицы 3

8	«производство и бытие» + «природный объект»	1,7
9	«зоонимы» + «зоонимы»	1,7
10	«зоонимы» + «фитонимы»	0,8
11	«зоонимы» + «государство и общество»	0,8
12	«человек/часть тела» + «фитонимы»	0,8
13	«зоонимы» + «абстрактная сущность»	0,8
14	«зоонимы» + «производство и бытие»	0,8

По первой, наиболее распространенной модели создаются идеограммы со значением физических действий, осуществляемых человеком или животным, путем редупликации семантических компонентов, выражающих человека или часть его тела, например, идеограмма 眉 ‘храп’ (尸 ‘лежащий человек’ + 鼻 ‘нос’).

Вторая модель позволяет образовать идеограммы, связанные с обозначением физических действий, через соединение смысловых компонентов со значением человека или части его тела и смысловых компонентов, выражающих объекты или действия производства или бытия. Например, 攀 ‘взбираться’ (手 ‘рука’ + 攀 ‘забор’).

Третья группа идеограмм со значением физических действий создается по модели объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих человека и части его тела, с другой стороны, семантических компонентов со значением животного или его части. Например, идеограмма 進 ‘ходить вперед’ создана из смысловых компонентов 辵 ‘нога на дороге’ и 隹 ‘птица с коротким хвостом’, так как 隹 ‘птица с коротким хвостом’ в осознании древних китайцев может представлять собой репрезентант субъекта для выражения понятия, связанного с активным действием и мышлением.

Четвертая структурно-семантическая модель составляется из семантических компонентов, выражающих человека или часть его тела, и семантического компонента-природного объекта. Например, 陟 ‘движение вверх’ – идеограмма, содержащая смысловые компоненты 步 ‘пара ног’ и 阝 ‘холм’.

Пятая выделенная нами модель является соединением смысловых компонентов со значением человека или части его тела и смыслового компонента со значением государства и общества. Например, идеограмма 合 ‘закрывать рот’ (口 ‘рот’ + 合 ‘инструмент для собраний’) или 疾 ‘заболеть или раниться’ (疒 ‘больной’ + 矢 ‘стрела’) и др.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих физические действия, осуществляемые человеком или живот-

ным: «человек/часть тела» + «абстрактная сущность», например, 奔 ‘быстро бегать’ = 大 ‘человек, вытягивающийся во весь рост’ + 十 ‘десять’; «производство и бытие» + «производство и бытие», например, 卡 ‘заедать; застревать’ = 上 ‘верх’ + 下 ‘низ’; «производство и бытие»+«природный объект», например, 游 ‘плавать’ = 旂 ‘свешивающиеся ленты на флаге’ + 氵 ‘вода; река’; «зоонимы» + «зоонимы», например, 虞 ‘бой врукопашную’ = 虎 ‘тигр’ + 豕 ‘кабан’; «зоонимы» + «фитонимы», например, 彙 ‘(птицы) собираться’ = 隹 ‘птицы’ + 木 ‘дерево’; «зоонимы» + «государство и общество», например, 犟 ‘упрямство как бык’ = 牛 ‘бык’ + 馭 ‘забрать в рабство’; «человек/часть тела» + «фитонимы», например, 彙 ‘(птицы) шуметь’ = 品 ‘три рота’ + 木 ‘дерево’; «зоонимы» + «абстрактная сущность», например, 雉 ‘щебетание, чириканье’ = 隹 ‘птица с коротким хвостом’ + 句 ‘фразы, флексия’; «зоонимы» + «производство и бытие», например, 奮 ‘воодушевиться и подняться’ = 奮 ‘птица взлетающая’ + 田 ‘поле с разграничением’.

Четвертая семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-процессы, характерные для природных объектов (3,3 % от общего числа идеограмм, именующих действия или процессы) (табл. 4).

Таблица 4

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-процессов, характерных для природных объектов

№ п/п	Структурно-семантическая модель	Количество, %
1	«природный объект» + «производство и бытие»	41,1
2	«природный объект» + «природный объект»	20,6
3	«природный объект» + «человек/часть тела»	11,8
4	«производство и бытие»+«производство и бытие»	11,8
5	«природный объект» + «фитонимы»	5,9
6	«человек/часть тела» + «человек/часть тела»	5,9
7	«фитонимы» + «фитонимы»	2,9

Наиболее распространенная модель, по которой создаются в китайской письменности идеограммы-процессы, характерные для природных объектов, включает два семантических конституента, один из которых означает природный объект или явление, второй – объект производства или бытия. Например, идеограмма 決 ‘прорыв (в плотине)’ создана из смысловых компонентов 氵 ‘река, вода’ + 夬 ‘наперстник в форме неполного кольца’.

Смысловой компонент 氵 ‘река, вода’ представляет собой репрезентант объекта для выражения данного действия, а компонент 夂 ‘наперстник в форме неполного кольца’ – объект для описания особенностей процесса.

Вторая модель позволяет образовать идеограммы-процессы, характерные для природных объектов, путем редупликации семантических компонентов, выражающих природные объекты, например, 潮 ‘прилив (моря, реки)’ – идеограмма, в чей состав входят смысловые компоненты 氵 ‘вода, река’ и 朝 ‘утро, восход солнца’.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих действия, характерные для природных объектов: «природный объект» + «человек/часть тела», например, 𠄎 ‘солнце клонится к западу’ = 日 ‘солнце’ + 夂 ‘человек приваливающийся’; «производство и бытие» + «производство и бытие», например, 𠄎 ‘(звезды) стекаться’ = 辰 ‘сельскохозяйственные орудия’ + 會 ‘встречаться’; «природный объект» + «фитонимы», например, 𠄎 ‘(растения) бурно растут’ = 土 ‘земля’ + 屮 ‘трава’; «человек/часть тела» + «человек/часть тела», например, 𠄎 ‘появление дыма на горах’ = 勹 ‘обнимающий человек’ + 合 ‘закрывать рот’; «фитонимы» + «фитонимы», например, 𠄎 ‘(травы) бурно растут’ = 艹 ‘травы’ + 叢 ‘травяные заросли’.

Пятая семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-действия со значением ментальных операций и эмоциональных ощущений (1,9 % от общего числа идеограмм, именующих действия или процессы) (табл. 5).

Таблица 5

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-действий со значением ментальных операций и эмоциональных ощущений

№ п/п	Структурно-семантическая модель	Количество, %
1	«человек/часть тела» + «человек/часть тела»	53,8
2	«человек/часть тела» + «зоонимы»	15,4
3	«человек/часть тела» + «природный объект»	15,4
4	«производство и бытие» + «абстрактная сущность»	15,4

Наиболее распространенная модель позволяет образовать идеограмму со значением физических действий, осуществляемых человеком или животным, путем редупликации семантических компонентов, обозначающих человека

или часть его тела. Например, идеограмма 思 ‘размышлять, думать’ создана из смысловых компонентов 廾 ‘родничок (у новорожденного)’ + 心 ‘сердце’, так как в осознании древних китайцев мышление человека осуществляется путем координации сердца и мозга [21, с. 1739].

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм со значением ментальных операций и эмоциональных ощущений: «человек/часть тела»+«зоонимы», например, 羨 ‘восхищаться, завидовать (белой завистью)’ = 次 ‘слюна’ + 羊 ‘коза’; «человек/часть тела» + «природный объект», например, 懷 ‘охать; сокрушаться, сетовать’ = 丩 ‘сердце’ + 氣 ‘воздух’; «производство и бытие» + «абстрактная сущность», например, 甬 ‘не надо, не требовать’ = 用 ‘пользовать’ + 不 ‘нет’.

Таким образом, анализ семантики и моделей образования идеограмм, обозначающих действия и процессы различного типа в китайской письменности, показал, что графическое составление данных знаков обусловлено, прежде всего, включением в состав идеограмм семантических компонентов, которые выражают субъект (человек) или объект, связанный с данным действием. Среди дополнительных смысловых компонентов наиболее часто используются единицы, обозначающие объекты производства или бытия, и объекты живой природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сяо, И. К определению понятия «идеограмма» в китайской письменности / И Сяо // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2024. – № 1 (63). – С. 154–160.
2. 姚孝遂. 中国文字学史。 – 长春：吉林教育出版社，1995。 – 570页。 = Яо, Сяосуй. История китайской грамматики / Яо Сяосуй. – Чанчунь：Изд-во образования провинции Цзилинь, 1995. – 570 с.
3. 许慎. 说文解字 / 许慎, 张三夕, 刘果。 – 岳麓：岳麓书社，2006。 – 540页。 = Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков (Шовень цзецзы) / Сюй Шэнь, Чжан Саньси, Лю Го. – Юэлу：Изд-во в Юэлу, 2006. – 537 с.
4. 唐兰. 中国文字学。 – 上海：上海古籍出版社，2005。 – 171 页。 = Тан, Лань. Китайская грамматология / Тан Лань. – Шанхай：Изд-во древних книг, 2005. – 171 с.
5. 陈梦家. 中国文字学。 – 北京：中华书局，2006。 – 407 页。 = Чэнь, Мэнцзя. Китайская грамматология / Мэнцзя Чэнь. – Пекин：Чжун Хуа Шу Цзюй, 2006. – 407 с.
6. 杨树达. 中国文字学概要文字形义学。 – 上海：上海古籍出版社，2013。 – 272页。 = Ян, Шуда. Китайская грамматология – учение о внутренней структуре и семантике иероглифики / Ян Шуда. – Шанхай：Шанхайское изд-во древних книг, 2013. – 272 с.

7. 裘锡圭. 文字学概要。- 台北 : 万卷楼图书公司, 2002. - 326页。= *Цю, Сигуй*. Общие положения грамматики китайской письменности / Цю Сигуй. - Тайбэй : Вань Цзюань Лоу, 2002. - 326 с.
8. 苏培成. 现代汉字学纲要。- 北京 : 北京大学出版社, 1994. - 209页。= *Су, Пейчэн*. Общие положения современной грамматики китайского письма / Су Пейчэн. - Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 1994. - 209 с.
9. 邹晓丽. 基础汉字形意释源。- 北京 : 中华书局, 2007. - 263页。= *Цзоу, Сяоли*. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Цзоу Сяоли. - Пекин : Чжун Хуа, 2007. - 263 с.
10. 郝文有. 汉字分类集成。- 郑州 : 中州出版社, 2014. - 267页。= *Хао, Вэнью*. Сборник классификации китайских иероглифов / Хао Вэнью. - Чжэнчжоу : Чжунчжоу, 2014. - 267 с.
11. 黄天树. 说文解字通论。- 北京 : 北京大学出版社, 2014. - 361页。= *Хуан, Тяньшу*. Общее суждение «Шовэнь цзецзы» / Хуан Тяньшу. - Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2014. - 361 с.
12. 李学勤. 字源。- 天津 : 天津古籍出版社, 2013. - 1420页。= *Ли, Сюэцин*. Этимология иероглифов / Ли Сюэцин. - Тяньцзинь : Старинные книги Тяньцзиня, 2013. - 1420 с.
13. 石定果. 会意汉字内部结构的复合程序。期刊: 世界汉语教学。- 北京 : 北京语言学院, 1993年第四期 (总26期), 274—278页。= *Ши, Динго*. Порядок соединения компонентов внутренней структуры идеограмм китайской письменности / Ши Динго // Преподавание китайского языка в мире. - 1993. - № 4 (26). - С. 274—278.
14. 石定果. 说文会意字研究。- 北京 : 北京语言学院出版社, 1996. - 215页。= *Ши, Динго*. Исследование идеограмм в древнем словаре Шовэнь Цзецзы / Ши Динго. - Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 1996. - 215 с.
15. 夏军. ‘说文’会意字研究。- 上海 : 华东师范大学, 2009. - 160页。= *Ся, Цзюнь*. Исследование идеограмм в древнем словаре “Шовэнь цзецзы” : дис. ... PhD / Ся Цзюнь ; Вост.-кит. пед. ун-т. - Шанхай, 2009. - 160 л.
16. 胡北. 会意字研究。- 合肥 : 安徽大学, 2008. - 129页。= *Ху, Бэй*. Исследование идеограмм китайской письменности : дис. ... PhD / Ху Бэй ; Аньхойский ун-т. - Хэфэй, 2008. - 129 л.
17. 张莹莹. 深挖会意字蕴含的传统文化 // 湖南科技学院学报。- 2014年. - 第3期. - 71—73页。= *Чжан, Инин*. Исследование традиционных культурных аспектов, содержащихся в идеограммах китайского письма / Чжан Инин // Традиционная культура. - 2014. - № 3. - С. 71—73.
18. 张莹莹. 会意字意符的认知功能分析 // 东南学术。- 2017年. - 第1期. - 238—246页。= *Чжан, Инин*. Анализ когнитивных функций смысловых компонентов идеограмм китайской письменности / Чжан Инин // Наука юго-востока. - 2017. - № 1. - С. 238—246.

19. 陈志群. 会意字的认知研究。— 武汉：中国海洋大学，2004。— 35页。= *Чэнь, Чжицюнь*. Когнитивное исследование идеограмм китайской письменности : дис. ... магистра / Чэнь Чжицюнь ; Китайский университет океанологии. — Ухань, 2004. — 35 л.
20. 王玉新. 汉字部首认知研究。— 济南：山东大学出版社，2009。— 304页。= *Ван, Юйсинь*. Когнитивное исследование ключей китайской иероглифической письменности / Ван Юйсинь. — Цзинань : Изд-во Шаньдунского ун-та, 2009. — 304 с.
21. 汉语大字典 / 汉语大字典编委会 : 徐中舒、李格非、赵振铎等, 学术顾问组 : 于省吾、王力等. — 武汉 : 崇文书局, 2010. — 5727 页。= Большой словарь китайских иероглифов / редкол.: Сюй Чжоншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. — Ухань : Чунвэнь, 2010. — 5727 с.
22. 廖静. 现代汉字中会意字研究。— 上海 : 上海交通大学, 2017. — 67页。= *Ляо, Цзин*. Исследование идеограмм в системе современных китайских иероглифов : дис. ... магистра / Ляо Цзин ; Шанхайский трансп. ун-т. — Шанхай, 2017. — 67 л.
23. 谷衍奎. 汉字源流字典。— 北京 : 语文出版社, 2008. — 2155页。= *Гу, Янькуй*. Словарь этимологии китайских иероглифов / Гу Янькуй. — Пекин : Изд-во китайского языка и литературы, 2008. — 2155 с.
24. 許進雄. 新編進階甲骨文字典。— 新北 : 字畝文化, 2020. — 431页。= *Сюй, Цзиньсюн*. Новый расширенный словарь Цзягувэнь / Сюй Цзиньсюн. — Синьбэй : Культура Цзыму, 2020. — 431 с.
25. *Михалькова, Н. В.* Принципы выбора детерминативов сложных иероглифических знаков китайского языка / Н. В. Михалькова. — Минск : МГЛУ, 2024. — 295 с.
26. *Михалькова, Н. В.* Мотивированность иероглифических обозначений зоонимов (на материале детерминативов сложных знаков китайской письменности) / Н. В. Михалькова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. — 2024. — № 4 (131). — С. 71–81.
27. *Михалькова, Н. В.* Семантические характеристики детерминативов иероглифов-синонимов (на материале сложносоставных знаков китайского языка) / Н. В. Михалькова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. — 2024. — № 1 (128). — С. 36–46.

Поступила в редакцию 27.10.2025

УДК [811.581+811.111+811.161.1]:37.018.4:004:659.13/.16

Чжао Линьцзян

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Zhao Linjiang

PhD Student of the Department
of Speecheology and Communication Theory
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
brandon.zhao@yandex.by

TACTICS AND MEANS OF PERSUASION IN DIGITAL EDUCATIONAL ADVERTISING

This paper aims at comparing persuasive strategy in Chinese-, English- and Russian-language digital educational advertising. Tactics of emotional appeal, rational appeal, authority appeal and value appeal are determined, and the linguistic means (lexical and syntactical) that support the realization of each tactic are further analyzed, as well as the nonverbal elements of the message. The results show that advertisements in three languages are roughly similar in both the choice of tactics and the preference in specific verbal and nonverbal means, which can provide a reference for the selection of effective tactics and means of persuasion while creating digital educational advertising.

Key words: *digital educational advertising; persuasive tactics; emotional appeal; rational appeal; authority appeal; value appeal; verbal and nonverbal means of persuasion.*

ТАКТИКИ И СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Цель работы – сопоставить реализацию стратегии убеждения в китайскоязычной, англоязычной и русскоязычной цифровой рекламе образовательных услуг. Определяются тактики апелляции к эмоциям, разуму, авторитету и ценностям, устанавливаются языковые средства (лексические и синтаксические), способствующие реализации каждой тактики, а также невербальные компоненты сообщения. Результаты демонстрируют, что рекламные тексты сходны в трех языках как в плане тактик, так и в выборе конкретных вербальных и невербальных средств. Полученные результаты могут служить ориентиром для отбора эффективных тактик и средств убеждения при создании цифровой образовательной рекламы.

Ключевые слова: *цифровая образовательная реклама; тактики убеждения; апелляция к эмоциям; апелляция к разуму; апелляция к авторитету; апелляция к ценностям; вербальные и невербальные средства убеждения.*

The emergence and development of digital technology is changing the marketing mode of educational institutions, and traditional advertising, such as print media, is gradually being replaced by more dynamic digital advertising. As one of the main promotional methods of modern educational products and services, digital advertising has received more and more attention from scholars, and the pragmatic strategy involved in it has naturally become one of the important research objects in linguistic field.

As the name suggests, digital educational advertising is the application of digital mode of advertisement in education industry. D. A. Shevchenko defines digital marketing as “the promotion of products and services by using digital channels to reach consumers”, which in its essence is “luring potential users into purchasing a company’s products and services” [1, p. 29]. In terms of an educational institution, the goal of digital advertising is “to attract new and retain existing customers (applicants and students), to increase sales of educational products and services, as well as to improve the image and boost name recognition in the market” [2, p. 19], which requires that advertising content should be attractive and able to persuade consumers to make a purchase. Therefore, the study of marketing strategy in digital educational advertising from a linguistic perspective is meaningful.

Being both a form of marketing communication and a type of discourse, advertising can be studied with the help of discourse analysis methods. There are many approaches to discourse analysis, such as systemic functional approach, semiotic approach, cognitive approach, pragmatic approach and so on. The core of advertising is to use promotional strategies that lead to persuading consumers to make purchases, so strategic approach as a type of pragmatic approach is preferred in advertising. Specifically, the theoretical basis for our pragmatic analysis of digital educational advertising is viewing persuasive strategy as a global strategy of communication. Still, its manifestation is unique depending on the sphere of application.

The *Cambridge Dictionary* defines the verb *to persuade* as “to make someone do or believe something by giving them a good reason to do it or by talking to that person and making them believe it” [3]. Educational advertising aims to attract the attention of potential students and their parents and persuade them to choose a specific educational institution or curriculum. In practice, the use of persuasive strategy in advertising is a comprehensive, complex and diverse process. For example, it can be done by promoting a limited offer to stimulate consumers’ anxiety or by introducing preferential prices to arouse their rational thinking. All the various methods that serve the realization of the overall persuasive strategy can be considered as specific tactics. According to N. I. Formanovskaya, a strategy is connected with the ultimate goal of communication, while tactics are specific speech moves corresponding to the general strategy [4, p. 72].

Tactics are expressed in a multitude of forms. Based on our analysis, the commonly used persuasive tactics in digital educational advertising are emotional appeal, rational appeal, authority appeal and value appeal. Emotional appeal is “one kind of advertising appeals, which stimulates consumer’s emotional attitude towards the product by adding emotion to the advertisement as well as creating the specific advertising image” [5, p. 40]. Rational appeal conveys the advantages of product in terms of price, quality, technology and function as the core content, focusing on the expression of the product’s material satisfaction to consumers, so that consumers decide whether to buy or not through rational thinking [6, p. 160]. Compared

to emotional appeal, rational appeal pays more attention to the product itself rather than consumers. Authority appeal cites opinions, recommendations and endorsements of experts, celebrities or well-known institutions to enhance the credibility and attractiveness of products, as “reference to authority automatically strengthens the speaker’s position in the eyes of the recipients” [7, p. 39]. Finally, value appeal attempts to get consumers to comply by pointing out the central and joint beliefs that guide their actions [8, p. 12]. This tactic targets shared ideals or life principles, common for the whole society, such as *success, tradition, patriotism, beauty, loyalty*, etc. As B. S. Erasov pointed out, “any classification of values by type and level is invariably arbitrary due to the fact that social and cultural meanings are introduced into it” [9, p. 65]. Besides, it is difficult to fit a value into a specific category (vital, social, political, moral, religious, or aesthetic) due to its own multiple meanings. Nevertheless, B. S. Erasov makes an attempt to itemize values. Taking this classification into account, on the one hand, and relying on the empirical material, on the other hand, we identify value orientations, relevant for digital educational advertising. Among them are *professional success* and *future and dreams* (or *future orientation*), illustrated below.

The means supporting specific tactics in advertising can be divided into verbal and nonverbal. Verbal means convey information by using linguistic elements, which can be written or oral. Moreover, attention should be paid to both lexical and syntactical levels since “verbal communication uses human speech and natural language as a sign system, that is, a phonetic sign system that includes both lexical and syntactical principles” [10, p. 118]. As for nonverbal means, they can be categorized as visual and graphic (size, colour, composition, etc.). “They perform informative and expressive functions, and also act in close relationship with verbal components” [11, p. 178]. It is worth noting that not all nonverbal manifestations accompanying verbal messages can be viewed upon as nonverbal means, but only those that are meaningful and act as signs [12, p. 240]. In digital advertising, verbal and nonverbal parts that constitute the text are neither independent nor homogeneous. They combine with each other in order to be effective, merging into a single whole [13, p. 180]. Nonverbal elements strengthen and somewhat correct the verbal message, making the advertisement more persuasive [14, p. 160]. Such advertisements are called creolized texts.

The material of this study are Chinese-, English- and Russian-language digital advertisements that promote educational institutions and services, which are posted on the websites of universities, schools and training institutions in China, the UK and Belarus respectively. 50 ads were randomly selected in each language, of which 20 are creolized ads. The methods of contextual analysis, comparative analysis and quantitative analysis were used.

The analyzed lexical means are words and phrases with persuasive meanings. Their main groups describe feelings and emotions (positive and negative), price, time and distance, convenience, teaching staff, future and dreams, success, etc. Syntactical means work together with lexical means to create the persuasive effect,

and their main types are questions, imperatives, parallelism, emphasis, and so on. The involved nonverbal means are represented by static visual elements (images, color, font). In total, 179 verbal markers of persuasive strategy are found in Chinese-language advertising, 166 in English and 162 in Russian, and there are respectively 55, 56 and 60 nonverbal elements used to enhance persuasion in each language (see table below).

Now let's look at specific figures. In emotional appeal, the number of lexical means used in Chinese (73) and English (68) are higher than that in Russian (47). In rational appeal, the situation is reversed, with the number of lexical means in Chinese (58) and English (57) lower than that in Russian (64). In authority appeal and value appeal, the number of lexical means in each language is relatively small.

In terms of syntactical means, there is no obvious difference across Chinese, English and Russian languages, and the overall trend is that they mainly enhance emotional appeal (10/11/8 cases), while very few syntactical means of persuasion are used in authority appeal.

Tactics and means of persuasion in digital educational advertising

Tactics	Means		Languages		
			Chinese	English	Russian
Emotional appeal	Verbal	Lexical	73	68	47
		Syntactical	10	11	8
	Nonverbal		28	26	23
Rational appeal	Verbal	Lexical	58	57	64
		Syntactical	6	5	7
	Nonverbal		18	22	25
Authority appeal	Verbal	Lexical	10	6	11
		Syntactical	2	2	3
	Nonverbal		4	3	5
Value appeal	Verbal	Lexical	16	14	18
		Syntactical	4	3	4
	Nonverbal		5	5	7

As far as nonverbal means are concerned, their number in emotional appeal is the largest in Chinese (28), followed by rational appeal (18), which is similar in English (26 and 22 respectively), while in Russian the situation is opposite, as the number of nonverbal means in rational appeal (25) is slightly higher than that of emotional appeal (23). It can also be seen that in each language the number of nonverbal means is consistent with the number of verbal means of persuasion, that is, the tactics with more verbal markers (emotional and rational appeal) also use more nonverbal means, and vice versa (authority and value appeal). This illustrates close cooperation between verbal and nonverbal means of persuasion in advertising.

The following are instances of analyses. Here is an example of emotional appeal in Chinese-language educational advertising: 暑假培训, 限时火热招生中, 名额有限. 'Summer training, limited time hot enrollment, seats are limited'. Positioned below the text is an image of children learning with a teacher. Verbal means in this ad are mainly aimed at triggering feelings and emotions. The marker 火热招生 'hot enrollment' brings positive emotions to consumers, while the markers 限时 'limited time' and 名额有限 'seats are limited' create an anxious mood. These two emotions are opposite, persuading the customers through added contrast. In terms of nonverbal means, the bold font highlights the focus of attention, and in the image, the children in the front are sitting while the last child is standing, which echoes the idea that 名额有限 'seats are limited' and further urges the children's parents to take action.

This advertisement exemplifies rational appeal: 人民币一块钱在今天还能买点什么?三个鸡蛋, 或者, 也可以到老罗英语培训听8次课. 'What can one yuan of RMB buy today? Three eggs, or, you can go to Laoluo English Training to take 8 classes'. Accompanying the text is an image of three eggs. This ad appeals to consumers' rational thinking by describing price. The verbal markers 一块钱 'one yuan' and 8次课 '8 classes' are direct descriptions of price, and the bold font of these two verbal markers is a nonverbal means emphasizing key information. As for syntactical means, the question is used to compare 三个鸡蛋 'three eggs' and 8次课 '8 classes', helping consumers make the obvious choice.

Next, let's consider a case of authority appeal: 千图培训, 名师家教24小时在线. 'Qiantu Training, famous tutors are online 24 hours a day'. The image that corresponds to the text depicts a student learning with a teacher. In this advertisement, the verbal marker 名师家教 'famous tutors' reflects the authority of teaching staff. The information conveyed nonverbally resides within the image of the student's victory gesture and the teacher's affirmation gesture, which shows teacher-student interaction in a professional context.

Now we look at value appeal: 同舟共赴好未来. 'Together, let's sail towards a bright future'. Complementing the verbal message is an image portraying students in boats on the water heading toward the sun. The lexical means 好未来 'a bright future' appeals to future and dreams, which are the common pursuit of all people. This example can be also classified as pun. 好未来 'a bright future' is not only a value pursuit, but also the name of the educational institution. The implication is that if you study at this institution, you can get a bright future. As for nonverbal means, the picture reproduces the text content: the scene of chasing the sun shows students' efforts, and the sun signifies a bright future.

Let's examine emotional appeal in an English-language advertisement. *Discover the joy of innovative learning! A curriculum that encourages them to create.* Next to the verbal message lies an image depicting three children jumping with their hands raised. The verbal marker *joy* describes a positive learning

atmosphere. The verb *discover* gives an encouragement, or calls to action, allowing everyone to enjoy innovative learning, which gives the overall message the character of an imperative sentence. In terms of nonverbal means, the colorful capitalized letters highlight the text, and the children's jumping and smiling match the verbal marker *joy*, thus appealing to consumers' positive emotions.

This advertisement showcases rational appeal: *With online learning, learners can access content **anywhere and anytime**. E-learning **saves time & money***. The image that corresponds to the text depicts a girl seated at a table with a tablet in front of her. The verbal marker *anywhere* reflects the convenience of learning location, the verbal marker *anytime* shows the convenience of learning time, and *saves time & money* describes the advantages of economizing. All of these are benefits of online courses appealing to consumers' rational thinking. Concerning nonverbal means of expression, the tablet illustrates the features of online learning, while the girl's posture demonstrates comfort, which matches the verbal markers *anywhere* and *anytime*.

An example of authority appeal is as follows: *Learn English quickly! With ExtraEnglishClass.com. **Qualified instructors**. Flexible times and locations. Online available*. The nonverbal message is the image of a woman writing on the wall. This ad appeals to authority through the verbal marker *qualified instructors*. As for syntactical means, parallelism is used. The structure of *qualified instructors* is consistent with the next sentence, and each item is presented in a similar format thus enhancing readability and clarity. Regarding nonverbal means, the writing woman embodies a qualified specialist, which corresponds to the verbal message.

This advertisement illustrates value appeal: *Choosing the right school is same like giving **the best future** to your child*. Adjacent to the text is an illustration of a pair of hands supporting a child moving forward. This ad talks about *the best future* for children, appealing to the values of future and dreams. Meanwhile, by comparing *choosing the right school for children* to *giving the best future to children*, the importance of making the right choice is visualized. In terms of nonverbal means, the uniqueness of font highlights the text content, and a pair of hands supporting the child suggests that parents help their children move towards the best future.

Here is a case of emotional appeal in Russian-language educational advertising: *–50 %. VIP-группа (3–5 человек) по цене обычной (6–8 человек). **Последние места в группах!*** '–50 %. VIP-group (3–5 people) at a regular price (6–8 people). Last places in groups!' The nonverbal aspect of this ad is the image of a woman who screams "wow". In terms of lexical means, a tense atmosphere is created by using the verbal marker *последние места* 'last places', thus provoking consumers' anxiety. In contrast, positive emotions are shown through nonverbal means. The woman's facial expression reveals surprise, excitement and thrill about the advertisement content, thus driving consumers' positive emotions.

This is an example of rational appeal: *Онлайн обучение из **любой точки мира**. Любую программу в нашей школе можно проходить в онлайн форма-*

те. Это так же **эффективно**, как и занятие в учебном центре. 'Online learning from anywhere in the world. Any program at our school can be completed in an online format. This is as effective as taking a class at a training center'. The accompanying image is of a female student happily engaged with her mobile phone. Verbal markers *любая точка мира* 'anywhere in the world' and *любая программа* 'any program' are used to emphasize the flexibility and boundlessness of online learning, highlight the characteristics of being independent from geographical restrictions as well as the freedom of course selection. Meanwhile, *эффективно* 'effectively' also presents the advantage of online learning. The image of the girl using her mobile phone complements verbal means, further reflecting the convenience of online course.

Let's take a look at an advertisement that demonstrates authority appeal: **Оксфордская коммуникативная методика. Международные стандарты. Сертифицированные преподаватели. 100 % результат.** 'Oxford communicative method. International standards. Certified teachers. 100 % result'. The background of the text is a British-style picture. The verbal markers *Оксфордский* 'Oxford's', *международный* 'international' and *сертифицированный* 'certified' are all associated with professional sphere and are used to enhance the authority of advertised educational institution and services. Meanwhile, parallelism as a syntactical means is used to emphasize the advantages of teaching methods, standards and teaching staff, which creates rhythm and increases the overall expressiveness of the ad. The British-style background picture as a nonverbal means echoes the verbal markers *Оксфордский* 'Oxford's' and *международный* 'international' in the text.

Finally, let's explore an example of value appeal: **Открой для себя мир возможностей!** 'Open a world of possibilities for yourself!' Beside the text is a photo of a student and a globe image with the Statue of Liberty and Big Ben. Verbal markers *открой* 'open' and *мир* 'world' guide students to establish a value orientation of exploration and success. In addition, these two words are colour-marked, which is also the application of nonverbal means. As for syntactical means, this is an imperative sentence starting with the verb *открой* 'open', which carries a strong sense of request and expectation, calling students to discover the world of possibilities for themselves. As for pictorial means, the Statue of Liberty, Big Ben and the American Flag match the verbal message, further highlighting the value of professional success.

This study aimed at exploring the relationship between tactics and means of implementing persuasive strategy in digital advertising that promotes educational institutions and services as well as comparing the use of these tactics and means in Chinese, English and Russian languages. The results show that each of the four major persuasive tactics in educational advertising (emotional appeal, rational appeal, authority appeal and value appeal) relies on both specific linguistic means (mainly lexical means, supplemented by syntactical means) and nonverbal means.

This reflects the current trend towards the diversification of persuasive tactics in digital advertising, and shows that verbal and nonverbal means always echo each other and work together to improve the overall persuasive effect.

In general, in Chinese, English and Russian languages, emotional appeal and rational appeal tactics are dominant, while authority appeal and value appeal are used relatively infrequently. This proves the fact that emotional appeal and rational appeal are the main persuasive tactics, but due to the particularity of educational advertising, authority appeal and value appeal still play important roles. The only significant difference across languages is that in Chinese and English, the number of means of emotional appeal is higher than the number of means of rational appeal, while in the Russian language the situation is reversed. This may show that compared with Chinese- and English-language speakers, Russian-language speakers pay more attention to the product itself when facing the choice of educational institutions and their services.

REFERENCES

1. *Шевченко, Д. А.* Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов / Д. А. Шевченко // Практический маркетинг. – 2019. – № 10 (272). – С. 29–37.
2. *Исмаилова, Ф. Н.* Цифровой маркетинг в сфере образовательных услуг / Ф. Н. Исмаилова, А. О. Рамазанова // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2022. – № 1. – С. 17–22.
3. Persuade // Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/persuade> (date of access: 09.01.2025).
4. *Формановская, Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц обучения / Н. И. Формановская. – М. : Ин-т русск. яз., 1998. – 291 с.
5. *Kelley, S. W.* A Comparison of Advertising Content: Business to Business versus Consumer Services / S. W. Kelley, L. W. Turley // Journal of Advertising. – 1997. – Vol. 26, № 4. – P. 39–48.
6. *Chen Shujie.* The Research on the Creation method of Rational Advertisement / Chen Shujie // Journal of Qiqihar University (Philosophy & Social Science). – 2016. – № 10. – P. 160–162.
7. *Воронович, А. С.* Апелляция к авторитету как коммуникативный ход публичной речи политического и религиозного дискурса / А. С. Воронович // Сборник работ 67 научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. 17–20 мая 2010 г., Минск : в 3 ч. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2011. – Ч. 2. – С. 38–41.
8. *Kellermann, K.* Classifying Compliance Gaining Messages: Taxonomic Disorder and Strategic Confusion / K. Kellermann, T. Cole // Communication Theory. – 1994. – Vol. 4, № 1. – P. 3–60.

9. *Ерасов, Б. С.* Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений / Б. С. Ерасов. – Изд. 3-е, доп. и перераб. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 591 с.
10. *Попова, Е. П.* Приемы и средства связей с общественностью: соотношение вербального и невербального компонента / Е. П. Попова, О. В. Бондаренко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 1. – С. 116–121.
11. *Попова, Л. Г.* Лингвистические средства убеждения в англоязычной социальной рекламе (на материале британской видеорекламы) / Л. Г. Попова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 4. – С. 177–179.
12. *Vilimek, V.* A model of non-verbal communication means structuring: an intercultural aspect (on the material of the Czech and Russian cultures) / V. Vilimek, T. Yu. Makhortova, I. G. Sidorova // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. – 2019. – Vol. 18, No. 3. – P. 239–250.
13. *Сорокин, Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия : сб. статей / отв. ред. Р. Г. Котов. – М. : Наука, 1990. – С. 180–186.
14. *Безбородова, Ю. В.* Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса / Ю. В. Безбородова, Л. В. Коростелева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 159–163.

Поступила в редакцию 27.02.2025

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'37'373.7

Гаранович Татьяна Игоревна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры современных
технологий перевода
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Tatiana Garanovich

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Modern
Translation Techniques
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
tatiana_garanovich@rambler.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты исследования структуры и семантики 3000 английских синтаксических фразеологизмов 21 модели. Методом компонентного анализа выделяются постоянный и переменный компоненты фразеологизмов. Постоянные компоненты делятся на простые (24 % моделей) и составные (71 % моделей). Выявлен особый тип синтаксических фразеологизмов – с нулевым постоянным компонентом (5 % моделей). Переменные компоненты классифицируются на основании наличия (77 %) или отсутствия (23 %) морфологических ограничений на заполнение этой позиции. Выделяются 34 значения английских синтаксических фразеологизмов, в 19 из которых выявлены синонимические отношения. Установлена полисемия 57 % моделей. Определено, что среднее количество значений английских синтаксических фразеологизмов составляет 3,3.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм; модель; постоянный компонент; переменный компонент; модусная семантика; полисемия; синонимические отношения.

SYNTACTIC IDIOMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article presents results of studying the structure and the semantics of 3,000 English syntactic idioms of 21 models. Using component analysis, the permanent and the variable components of the idioms are identified. Permanent components are divided into simple (24% of models) and compound ones (71% of models). A special type of syntactic idioms is singled out: that with a zero permanent component (5% of models). Variable components are classified according to the presence (77%) or absence (23%) of morphological restrictions on filling their position. 34 meanings of English syntactic idioms are determined, with synonymous relations found in 19 of them. Polysemy is established in 57% of the models. The average number of meanings of English syntactic idioms is 3.3.

Key words: syntactic idiom; model; permanent component; variable component; modus semantics; polysemy; synonymous relations.

В разговорной речи ряда языков выделяются особого рода идиоматичные единицы, строящиеся на основе устойчивых синтаксических моделей с обобщенной модусной семантикой, в составе которых есть как постоянные,

так и переменные лексические компоненты. На материале русского языка эти единицы исследуются с середины XX в., и уже тогда для их наименования был использован термин *синтаксический фразеологизм*, который, в частности, употребляется в работе Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» 1960 г. [1] и отражает их специфику как отдельного класса фразеологизмов, а именно то, что их идиоматичность определяется лежащей в их основе синтаксической моделью, или структурной схемой. Позднее для обозначения синтаксических фразеологизмов (далее – СФ) также стал широко использоваться термин *фразеосинтаксическая схема*, или *фразеосхема* (Д. Н. Шмелев, В. Ю. Меликян, И. Н. Кайгородова и др.). Кроме этого в научной литературе встречается ряд других наименований, например, *синтаксическая фразема*, *синтаксически связанная конструкция*, *фразеологизованная синтаксическая конструкция*, *предложение фразеологизированной структуры*, *синтаксическая идиома*, *фразеологизм-конструкция*. В нашей работе мы по причине наибольшей частотности используем термин *синтаксический фразеологизм*, а фразеосхемами считаем структурные модели, по которым строятся СФ. В применении к английскому языку это означает, что, например, выражение *life is life* – это СФ, а модель *N+is+N*, на основе которой оно образовано, – фразеосхема.

Проблематика СФ в русском языке разрабатывалась многими лингвистами. СФ выделяются как отдельный разряд в современных классификациях фразеологизмов русского языка [2, с. 9], представлены в «Русской грамматике» [3], получили лексикографическое описание [4]. Российскими лингвистами также исследовались СФ в марийском языке (Л. А. Абукаева), отдельные группы СФ в немецком (А. Д. Мельник) и испанском (А. В. Меликян) языках.

В английском языке фразеологизмы называются и классифицируются иначе, чем в русском. Самыми частотными наименованиями этих единиц в британской и американской филологии являются *коллокации* (*collocations*), *устойчивые выражения* (*set expressions*), идиомы (*idioms*) и *фразеологические единицы* (*phraseological units*), наиболее общим из которых считается последнее [5]. Авторы «Кембриджского словаря идиом» подразделяют представленные в нем единицы на традиционные фразеологизмы (*traditional idioms*), идиоматические сложные слова (*idiomatic compounds*), образные и необразные сравнения (*similes* и *comparisons*), восклицания и поговорки (*exclamations* и *sayings*), клише (*clichés*) [6]. В «Оксфордском словаре английских идиом» [7] и в «Словаре идиом COBUILD» [8] идиомы трактуются исключительно как устойчивые выражения с фиксированным лексическим составом, т. е. ни в одном из этих лексикографических источников класс СФ не выделен. В целом, как отмечает О. А. Зинина, в большинстве фразеологических словарей английского языка традиционным принципом классификации фразеологизмов выступает их тематическая принадлежность [9].

Некоторое сходство с разрядом СФ присутствует в двух классах идиом в типологии Ч. Филмора, П. Кея и М. О'Коннор [10]. Во-первых, исследователи выделяют экстраграмматические (*extragrammatical*) идиомы, в структуре которых есть нарушения грамматических норм языка, например, *all of a sudden, by and large, so far so good*, что характерно и для СФ с высокой степенью идиоматичности, но не является их единственным категориальным признаком. Во-вторых, авторы различают субстантные, или лексически заполненные фразеологизмы (*substantive, or lexically filled*) с фиксированным лексическим составом, и формальные, или лексически открытые (*formal, or lexically open*), представляющие собой устойчивые синтаксические модели со свободным наполнением и по этому признаку соотносимые с СФ. Самым ярким примером формальных идиом Ч. Филмор, П. Кей, М. О'Коннор называют грамматически аномальные построения типа *Him be a doctor?; Your brother help me?*, соответствующие всем категориальным признакам СФ, выделяемым в нашей работе, однако также причисляют к этому классу неидиоматичные высказывания, например, *The more carefully you do your work, the easier it will get; He's not half the doctor you are*.

Несмотря на отсутствие в известных нам классификациях английских фразеологизмов разряда СФ, некоторые английские конструкции, причисляемые к СФ в нашей работе, подробно рассматривались зарубежными лингвистами, но в ином качестве. Так, модели *X+be+X* (*sport is sport*), *what+P+P* (*what is wrong is wrong*), *N/Pron_{pers}+V+what* [*where, when, ...*]+*N/Pron_{pers}+V* (*I did what I did*), *if+SP+(then)+SP* (*if he is angry he is angry*) исследовались как тавтологические конструкции (Г. П. Грайс, С. Левинсон, Г. Уорд, Дж. Хиршберг, А. Вежбицка, Б. Фрейзер, Р. У. Гиббс, Р. Роудс, И. Куон, Н. Ямамото и др.). Ряд синтаксических моделей, относимых нами к СФ, представлен в современных грамматиках английского языка, например, модели *can't help+Ger* (*can't help saying*) и *can't but+Inf* (*can't but say*) традиционно описываются как устойчивые выражения в разделах, посвященных модальному глаголу *can*, а модель *X+be+X* в ее структурном варианте с глаголом *will* (*boys will be boys*) – в разделах, содержащих характеристику модального глагола *will*. В контексте модальных глаголов также рассматривается структурный вариант СФ *what+P+P* (*what is wrong is wrong*) с глаголом *will* (*what will be will be*). Модель *what* [*how, when, ...*]+*on earth+SP* (*how on earth have you done it*) приводится в описании английских вопросительных местоимений и вопросительных предложений. Еще две выделенные нами модели СФ – *feel like+Ger* (*feel like eating something*) и *there's no+Ger* (*there's no avoiding it*) – традиционно упоминаются в грамматиках в разделах, посвященных неличным формам глагола.

Именно как СФ английские устойчивые синтаксические конструкции рассматривались только в отдельных работах российских исследователей. Так, Е. М. Сливная причисляет к фразеосхемам в трактовке В. Ю. Меликяна четыре модели условно-следственных сложноподчиненных предложений со значением ирреальности с опорными компонентами *but for...would*,

were...would, should...would и *had...would* [11]. Они не входят в наш перечень моделей английских СФ, поскольку мы не считаем их идиоматичными: их основное значение ирреальности, которое, несомненно, в определенных контекстах может осложняться модусной пропозицией сожаления или, например, недовольства, полностью выводимо из семантики их компонентов. В отношении первой модели не согласимся и с объяснением Е. М. Сливной о том, что значение 'если бы не' определяется всей конструкцией, а не отдельными сочетаниями лексем, поскольку, согласно «Оксфордскому словарю английского языка для учащихся продвинутого уровня», *but for* является идиомой с семантикой 'если бы не' [12], т. е. именно *but for*, а не вся модель определяет присущее предложениям этого структурного типа значение ирреальности. В подтверждение корректности нашей интерпретации английских условно-следственных сложноподчиненных предложений отметим, что ни в одной из проанализированных в нашем исследовании работ их русские структурные корреляты типа *Если бы..., то...* к СФ не относятся.

10 английских фразеосхем с постоянным компонентом вопросительным словом выделены Е. В. Нагаевой, например, *How could he have forgotten? What else can I do in this place?* [13]. Мы не считаем модели, отличающиеся только вопросительным словом (*where, when, what, what for, how, how much / many, why*), разными фразеосхемами, поскольку они имеют одинаковую структуру – вопросительного предложения. Возможность заполнения позиции постоянного компонента разными вопросительными наречиями и местоимениями, количество которых не превышает десятка, мы трактуем как проявление его вариативности. Восьми моделям со структурой вопроса из перечня Е. В. Нагаевой в нашей работе соответствует одна – *what [how, when, ...]+on earth+SP*, характеризующаяся более высокой степенью идиоматичности в связи с наличием в ее составе десемантизированного и алогичного при буквальном восприятии компонента *on earth*, т. е. представляющая собой более ярко выраженную фразеосхему. Что касается предложений типа *What an insane notion!* и *How quick the snow gets thick on the ground!*, то они являются типичными примерами неидиоматичных восклицательных предложений.

К фразеосхемам Ю. С. Гурикова относит пять английских синтаксически связанных конструкций со структурой словосочетания: две с полностью десемантизированным (*go and V* и *take and V*) и три с частично деактуализированным постоянным компонентом (*go [come, run] (and) V; try and V; sit [stand, lie] and V*) [14]. Приведенные исследователем примеры употребления построений, образованных на основе этих моделей, убедительно доказывают их идиоматичность, которая подтверждается и «Оксфордским словарем английского языка для учащихся продвинутого уровня», где модель *go and do something* представлена как идиома с семантикой злости или раздражения, однако по причине их структурной однотипности мы считаем пять вышеперечисленных фразеосхем вариантами одной модели.

Примеры английских фразеосхем приводит В. Р. Саркисьянц [15], однако лишь одна из них – *Why [how, what] the hell do you have to make so much noise?* – по всем признакам соответствует наименованию СФ в трактовке, применяемой в нашем исследовании. Эта модель была проанализирована нами в ее более нормативном варианте *what [how, when, ...]+ on earth+SP*. Высказывания *Read my lips! You can count it on your fingers! Be a devil!*, причисляемые В. Р. Саркисьянцем к фразеосхемам, мы, по причине фиксированности их лексического состава и отсутствия переменных компонентов, относим не к синтаксическим, а к лексическим фразеологизмам, а высказывания типа *What a priceless solution!*, несомненно имеющие в своей основе устойчивую синтаксическую модель, считаем неидиоматичными восклицательными предложениями. Еще две конструкции, приводимые исследователем в качестве примеров частотных фразеосхем, – *about something* и *not about to do something* – являются устойчивыми и имеют в своем составе переменные компоненты, что сближает их с СФ, однако они не идиоматичны: их семантика близости / неблизости к совершению чего-либо определяется не синтаксической моделью, по которой они строятся, в связи с утратой *about* предложной семантики, как отмечает В. Р. Саркисьянц, но входящим в их состав прилагательным *about* со значением ‘близок к’, подтверждение чему находим в «Оксфордском словаре английского языка для учащихся продвинутого уровня», где выражения *be about to do something* и *be not about to do something* представлены в статье, посвященной прилагательному *about*, а не предлогу [12].

СФ в английском языке выделяются в работах И. А. Мельчука. Так, все основные признаки СФ имеют высказывания типа *Her be late?!?* [16], характеризующиеся структурной аномальностью, идиоматичностью и модусной семантикой невозможности, невероятности, удивления. Типичным примером английских СФ И. А. Мельчук также называет *humans are humans* [17, р. 49]. В. М. Савицкий в качестве примера английских фразеосхем приводит модель *nominal phase+of+a+nominal phrase*, по которой строятся выражения типа *a charming idiot of a woman* со значением эмотивно-оценочного сравнения [18, с. 134]. Не отрицая устойчивого характера этой модели, мы, тем не менее, не считаем ее основой СФ, поскольку ни один из ее компонентов не подвергается делексикализации или деграмматикализации, что ставит под сомнение идиоматичность высказываний этого типа в части невыводимости их значения из суммы значений составляющих их лексем.

Ввиду отсутствия комплексных исследований СФ в английском языке нами была предпринята попытка очертить круг этих единиц и систематизировать их, в связи с чем первым этапом нашей работы стал сбор фактического материала, извлеченного из англоязычных публицистических и художественных текстов XX–XXI вв. из Британского национального корпуса, с информационных интернет-порталов и сайтов британских периодических информационных изданий. Для обеспечения системности отбирались все

единицы, соответствующие категориальным признакам СФ. Результатом стало выделение 21 модели английских СФ [19]. Каждая модель проверялась по толковым словарям, в результате чего было установлено, что только 8 из них зафиксированы в лексикографических источниках как идиомы без отнесения к классу СФ (*never mind (about)+X*, *can't help+Ger*, *can't but+Inf*, *feel like+Ger*, *there's no+Ger*, *not much of+a N*, *can't be doing with+X*, *may / might (just) as well+Inf*). Одновременно с выделением моделей был сформирован корпус СФ, насчитывающий 3000 высказываний. Далее с помощью описательного метода и компонентного анализа была дана характеристика структуры английских СФ с выделением их постоянных и переменных компонентов. Методом контекстологического анализа выявлена семантика моделей СФ, не представленных в словарях; уточнен и дополнен перечень значений СФ, описанных лексикографами.

Анализ структуры 21 модели английских СФ показал, что постоянный компонент в них может быть простым (однословным) (5 моделей), например, *N+of (all)+N_{pl}* (*a beauty of (all) beauties*), *X+be+X* (*home is home*) и составным (выражен 2–5 словами) (15 моделей), например, *never mind (about)+X* (*never mind the lunch*), *what's+the N+Ger* (*what's the sense crying*). Кроме этого выявлена отличная от общего корпуса английских СФ модель с нулевым постоянным компонентом *N's+N* (*a sailor's sailor*), все составляющие которой являются лексически переменными; неизменна в ней лишь синтаксическая структура, служащая основой СФ. Таким образом, среди проанализированных моделей преобладают модели с составным постоянным компонентом (71 %), вторым по количеству моделей структурным типом являются СФ с простым постоянным компонентом (24 %), а периферийным структурным типом – СФ с нулевым постоянным компонентом (5 %).

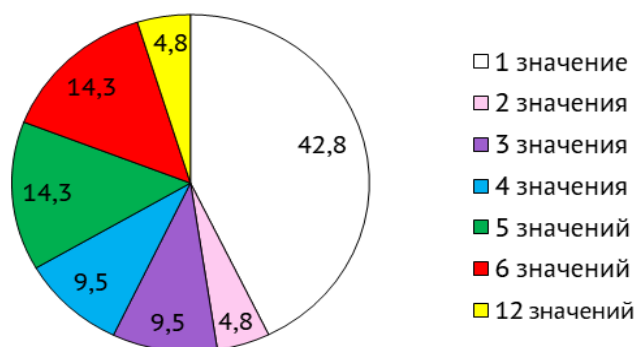
Постоянный компонент СФ в английском языке образуют десемантизируемые предлоги, союзы, частицы, местоимения, наречия, вспомогательный глагол *be*, полнозначные глаголы (*feel*, *mind*, *help*, *do*), модальные глаголы (*can*, *may*, *might*), существительные (*kind*, *earth*), в т. ч. в различных сочетаниях. Например, постоянными компонентами английских СФ могут быть: местоимение с глаголом (*what's+the N+Ger* – *what's the sense crying*), глагол с союзом (*feel like+Ger* – *feel like crying*), модальный глагол с союзом и наречием (*may/might (just) as well+Inf* – *may as well leave*), наречие или местоимение с предлогом и существительным (*what [how, when, ...]+on earth+SP* – *how on earth have you done it*), наречие с частицей (*why not+Inf* – *why not agree*), частица с местоимением и предлогом (*not much of+a N* – *not much of a job*).

Английские СФ разнородны с точки зрения морфологического наполнения позиции переменного компонента. В 16 из 21 рассмотренной модели СФ (77 %) переменным компонентом может быть только определенная часть речи, например, инфинитив (*why not+Inf* – *why not agree*), герундий (*there's no+Ger* – *there's no denying*), существительное (*what's+N₁+without+N₂* – *what is a family without love*) или предикативная основа (*if+SP+(then)+SP* – *if it's*

no it's no). В СФ четырех моделей (23 %) морфологическое наполнение позиции переменного компонента не ограничивается одной частью речи или предикативной основой, как, например, в модели $X+be+X$, позицию переменного компонента в которой может занимать существительное (*life is life*), номинативное сочетание (*an old friend is an old friend*), местоимение (*yours is yours*), прилагательное (*rich is rich*), числительное (*two is two*), наречие (*forever is forever*), инфинитив (*to win is to win*) и др. Особое место в этой классификации занимает модель $what\ is/are+X+to+Pron_{pers}/N$ (*what is my life to you*), которая относится и к одной, и ко второй группе, поскольку ее переменный компонент состоит из двух частей, морфологическое наполнение первой из которых относительно свободно, а второй – ограничено местоимением и существительным.

Анализ семантики английских СФ 21 модели показал, что они реализуют 34 значения: ‘бесполезность, ненужность’, ‘возможность/невозможность’, ‘восхищение, радость, удовольствие’, ‘долженствование’, ‘допустимость, позволительность’, ‘желание’, ‘завершенность, отсутствие последующих действий’, ‘значимость, важность/незначимость, несущественность’, ‘многогранность, разноплановость’, ‘намерение’, ‘неактуальность’, ‘недовольство, возмущение, гнев’, ‘необратимость’, ‘неподходящий характер, неприемлемость’, ‘непричастность, отсутствие касательства’, ‘несвоевременность’, ‘оценка с позиции «хорошо–плохо»’, ‘превосходство, предпочтительность’, ‘предложение’, ‘принятие, согласие’ ‘соединение/противопоставление и разграничение’ ‘полноценность/неполноценность’ и др. В 19 из них (56 %) выявлены синонимические отношения СФ. Наибольшее синонимическое разнообразие установлено среди СФ с семантикой значимости/незначимости, которую имеют 6 моделей. Далее следуют значения ‘возможность/невозможность’ (5 моделей), ‘полноценность, подлинность/неполноценность’ (4 модели) и ‘непричастность, отсутствие касательства’ (4 модели).

Среднее количество значений, выражаемых СФ одной модели, составляет 3,3. 9 из 21 модели (43 %) имеют по одному значению, 12 (57 %) являются многозначными. Количество значений полисемантических СФ в английском языке варьируется от 2 до 12 (рисунок).

Соотношение числа моделей английских СФ с разным количеством значений, %

Как следует из полученных данных, полисемантические СФ, как правило, имеют больше двух значений, а 33,4 % моделей имеют 5 значений и более.

Наибольшее количество значений выявлено у СФ модели *X+be+X* (*life is life*): строящиеся на ее основе СФ передают 12 модусных смыслов. Второе место по этому показателю занимают модели *what+P+P* (*what is lost is lost*), *never mind (about)+X* (*never mind the noise*) и *may/might (just) as well+Inf* (*may as well leave*), за каждой из которых закреплено 6 значений, третье – модели *if+SP+(then)+SP* (*if it's over it's over*), *N/Pron_{pers}+V+what* [*where, when, ...*]+*N/Pron_{pers}+V* (*I've been where I've been*) и *why not+Inf* (*why not agree*), имеющие по 5 значений.

Таким образом, в английском языке нами выделена 21 модель СФ. Мы полагаем, что этот перечень не является исчерпывающим и в дальнейшем может быть дополнен. Установлена разнородность английских СФ с точки зрения количества элементов постоянного компонента, который может быть простым (24 % моделей) и составным (71 %). Выявлен периферийный структурный тип СФ, не имеющий неизменяемого лексического компонента (5 %). Английские СФ отличаются по морфологическому наполнению позиции переменного компонента, которое может быть ограниченным (77 % моделей) либо относительно свободным (23 %). СФ в английском языке выражают 34 модусных значения, в 19 из которых выявлены их синонимические отношения. Наибольшее количество моделей СФ (29 %) имеют семантику значимости / незначимости. Более половины моделей английских СФ характеризуются полисемантической. СФ одной модели в среднем имеют 3,3 значения, а максимальное количество значений одной модели составляет 12.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 377 с.
2. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, А. Кошелев, 2008. – 656 с.
3. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (глав. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. II : Синтаксис. – 709 с.
4. Меликян, В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели / В. Ю. Меликян. – Изд. 3-е, стереотипное. – М. : Флинта, Наука, 2017. – 333 с.
5. Лещева, Л. М. Лексикология английского языка : учебник / Л. М. Лещева. – Минск : МГЛУ, 2016. – 247 с.
6. Cambridge Idioms Dictionary. – 2d ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 505 p.
7. Oxford Dictionary of English Idioms. – 3rd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 408 p.

8. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – London : Harper Collins Publishers, 1999. – 493 p.
9. *Зинина, О. А.* Лексикология английского языка : учеб. пособие / О. А. Зинина, А. Б. Окаева. – Минск : Республиканский институт профессионального образования, 2017. – 139 с.
10. *Fillmore, Ch. J.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of 'let alone' / Ch. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor // *Language*. – 1988. – Vol. 64, № 3. – P. 501–538.
11. *Сливная, Е. М.* Условно-следственные сложноподчиненные предложения со значением ирреальности: структурно-семантический, этимологический и фразеологический аспекты (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Сливная Елена Михайловна ; Южн. фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2013. – 205 л.
12. *Oxford Learner's Dictionaries* : [site]. – Oxford Univ. Press, 2025. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 12.03.2023).
13. *Нагаева, Е. В.* Фразеосхемы с вопросительным словом в английском языке: фразеологический и системно-функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Нагаева Елена Вадимовна ; Южн. фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2010. – 198 л.
14. *Гурикова, Ю. С.* Синтаксически связанные конструкции: структурно-семантический, этимологический, функциональный и фразеологический аспекты (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Гурикова Юлия Сергеевна ; Южн. фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2013. – 181 л.
15. *Саркисьянц, В. Р.* Структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспект интерпретации фразеологической системы (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Саркисьянц Владимир Рафаэлевич ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 333 л.
16. *Mel'čuk, I.* General Phraseology. Theory and practice / I. Mel'čuk. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2023. – 281 p.
17. *Mel'čuk, I.* Morphemic and Syntactic Phrasemes / I. Mel'čuk // *Yearbook of Phraseology*. – 2021. – Vol. 12 (1). – P. 33–73.
18. *Савицкий, В. М.* Основы общей теории идиоматики / В. М. Савицкий. – М. : Гнозис, 2006. – 208 с.
19. *Гаранович, Т. И.* Синтаксические фразеологизмы в белорусском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Гаранович Татьяна Игоревна ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2024. – 210 л.

Поступила в редакцию 13.10.2025

УДК 811.112.2'367.321/.322'42(045)

Куценко Надежда Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Nadzeja Kutsenka

PhD in Philology, Associate Professor
of Department of Theory and Practice
of the German Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nwkutsenko@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ КОСВЕННЫХ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В представленной статье рассматриваются возможности реализации в вопросительных и повествовательных конструкциях различных оттенков косвенного побуждения немецкого языка. Интерес представляет анализ конвенционального и специфического использования синтаксических конструкций при выражении косвенных побуждений различной степени настоятельности. Для достижения определенного прагматического эффекта говорящий использует различные языковые маркеры директивного намерения. В рассматриваемых высказываниях наблюдается гармоничное и контрастивное взаимодействие языковых средств. Большую роль для правильной интерпретации высказывания в качестве побуждения играют экстралингвистические факторы, прежде всего, статусные характеристики участников общения и невербальное сопровождение высказываний.

Ключевые слова: директивные речевые акты; интенция; экспликация; настоятельность; синтаксические конструкции; косвенные побуждения.

IMPLEMENTATION OF INDIRECT DIRECTIVE SPEECH ACTS IN INTERROGATIVE AND NARRATIVE SYNTACTIC STRUCTURES IN THE GERMAN LANGUAGE

The presented article explores the implementation of interrogative and declarative constructions in various shades of indirect directive expressions in the German language. Of particular interest is the analysis of both conventional and specific uses of syntactic structures in conveying indirect directives of varying degrees of urgency. To achieve the intended pragmatic effect, the speaker employs linguistic markers of directive intent. The utterances under consideration demonstrate both harmonious and contrastive interaction of linguistic means. Extralinguistic factors play a significant role in the accurate interpretation of utterances, primarily the status-related characteristics of the interlocutors and the nonverbal accompaniment of speech.

Key words: directive speech acts; intention; explication; urgency; syntactic constructions; indirect directives.

В процессе реализации косвенных побуждений большую роль играет оформление высказывания в качестве вопросительной или повествовательной конструкции [1, с. 120]. «В подобных высказываниях говорящий выражает свое мнение, дает оценку предполагаемому действию, однако коммуни-

кативной целью сообщения является не собственно оценка, а последующее выполнение действия собеседником» [2, с. 147]. Вопросительная структура обычно служит средством смягчения настоятельности косвенного побуждения, повествование позволяет выразить категоричность побуждения, однако рассматриваемые структуры могут быть использованы для выражения иных оттенков косвенных директивных речевых актов. В вопросе возможны случаи импликации семантики угрозы [3, с. 114], повествовательные высказывания, в свою очередь, могут эксплицировать вежливую просьбу [4, с. 35]. Говорящий стремится оформить высказывание таким образом, чтобы достичь прагматического эффекта, не разрушив при этом коммуникацию, т. е. важным оказывается стратегический фактор [5, с. 148]. Исследователи подчеркивают важность синтаксического аспекта построения коммуникации, при этом функционирование различных конструкций зависит от параметров ситуации общения, психологических и социальных характеристик коммуникантов [6, S. 45]. Необходимым условием для правильной интерпретации косвенных высказываний является комплексный анализ лингвистических и экстралингвистических средств, используемых при реализации косвенных побуждений [7, S. 46].

Цель исследования – выявление специфики использования вопросительных и повествовательных структур для выражения косвенных директивных речевых актов различной степени настоятельности, сопоставление их директивного потенциала.

Материалом для исследования послужили 420 контекстов, содержащих косвенные директивные речевые акты различной степени настоятельности, отобранные из произведений немецкой художественной литературы XX и XXI веков.

В анализируемом материале были выделены косвенные побуждения невысокой степени настоятельности – суггестивы и реквестивы (предложение, просьба, совет), а также категоричные побуждения – прескрептивы (требование, угроза).

В косвенных побуждениях с семантикой *предложения* вопросительные конструкции (78 % примеров) эксплицируют директивность средней и невысокой степени настоятельности, например:

Aber wie wäre es, wenn wir heute noch an diesem Projekt arbeiten? [IM, S. 75] ‘«А как насчет того, чтобы еще сегодня поработать над этим проектом?»’ (здесь и далее перевод автора статьи).

Конвенциональная структура *wie wäre es?* является стилистически нейтральной, она не оказывает давления на собеседника и используется в повседневном общении для реализации директивного намерения.

Повествовательные структуры (22 % примеров) могут имплицировать семантику предложения, их настоятельность меняется при наличии модификаторов настоятельности, например:

Es wäre gut, wenn wir heute noch an diesem Projekt arbeiten und alles bis zum Ende machen könnten. Diesmal bist du hoffentlich nicht dagegen [IM, S. 76] ‘«Было бы хорошо, если бы мы сегодня еще поработали над этим проектом и смогли все закончить. Надеюсь, в этот раз ты не будешь против».’

В данном примере изменение синтаксического оформления высказывания несколько модифицирует настоятельность побуждения. Увеличение категоричности наблюдается за счет наличия аксиологической модальности, эксплицируемой оценочной лексемой (*gut*), а также последующего высказывания (*Diesmal bist du hoffentlich nicht dagegen*), свидетельствующего о заинтересованности адресанта сообщения в выполнении предлагаемого действия. В таких примерах наблюдается однонаправленное гармоничное взаимодействие языковых средств.

При реализации косвенного предложения может наблюдаться контрастивное взаимодействие языковых средств. Стилистическим потенциалом обладают вводные структуры с максимальной степенью вежливости, используемые для реализации предложения, невыполнение которого предполагает наличие негативных последствий, например:

Man sah geradezu, wie er einen inneren Anlauf nahm, und sagte trocken: „Sie wissen, mein Varro, dass ich morgen zurück nach Antiochien reise. *Ich würde darauf beharren, dass wir alle Fragen noch während meiner Anwesenheit in Edessa regeln, sonst können die Folgen unvorhersagbar sein*“ [LF, S. 298] ‘Можно было увидеть, как он собрался с духом и сухо сказал: «Вы знаете, мой Варро, что я завтра возвращаюсь в Антиохию. Я бы настаивал на том, чтобы мы все вопросы решили еще во время моего пребывания в Эдессе, иначе последствия могут быть непредсказуемыми»’.

Адресант, имеющий вышестоящую позицию, заинтересован в решении вопроса и предупреждает собеседника о возможных последствиях при отказе выполнить предлагаемое действие. Формальная вежливость вводной структуры (*Ich würde darauf beharren*), учитывая ситуацию общения и лексическое наполнение высказывания, воспринимается как средство создания стилистического эффекта и оказания давления на собеседника. В анализируемом контексте предложение приобретает оттенок требования или даже угрозы, т. е. степень настоятельности значительно возрастает. Таким образом, вежливость фразы не соответствует категоричности высказывания и наблюдается контрастивное взаимодействие языковых средств и интенции говорящего. Повествовательная структура имплицитно указывает на интенцию, для выведения которой требуется учет не только языковых средств, но и экстралингвистических факторов и параметров ситуации общения.

При реализации речевого акта *просьбы* в большинстве случаев используются вопросительные структуры с различной степенью настоятельности (74 % примеров):

Könntest du dich vorstellen? [IM, S. 295] ‘Ты не мог бы представиться?’.

Такие вопросы уместны в любой сфере коммуникации, т. к. являются вежливым средством выражения просьбы.

Изменение настоятельности косвенных просьб фиксируется при наличии негативных эмоций, при этом наблюдается разнонаправленное действие между языковыми средствами и интенцией адресанта, например:

„Jetzt geht ihr abends auch noch weg. *Könnt ihr nicht mal normale Eltern sein?*“ [RH, S. 36] ‘«Сейчас вы уже и вечером уходите. Вы совсем не можете побыть нормальными родителями?»’.

Наличие аксиологической модальности в вопросе позволяет рассматривать высказывание как упрек, который создает негативный фон общения, что значительно усиливает степень настоятельности структуры. Таким образом, вопрос с модальным глаголом (*können*) становится средством выражения настоятельного побуждения, характер которого не содержится в поверхностной структуре, а выводится логически с опорой на знание ситуации общения.

Повествовательные структуры (26 % примеров) также нередко используются для выражения интенции просьбы. Рассмотрение высказываний с модальным глаголом (*können*) показывает, что при изменении синтаксической структуры может наблюдаться как значительное усиление, так и уменьшение настоятельности высказывания. В качестве настоятельной просьбы можно рассматривать высказывание с указанием на ожидаемые действия, например:

Sophie senkte ihren Zeigefinger auf das linke Bild. „*Sie können das Bild im Rahmen befestigen und es wieder aufhängen*“ [NR, S. 258] ‘София показала указательным пальцем на левую картину. «Вы можете закрепить картину в раме и снова ее повесить»’.

Наличие модального глагола позволяет интерпретировать высказывание в качестве мягкой просьбы, однако вышестоящее положение говорящего и невербальный жест свидетельствуют о том, что речь идет о настоятельной просьбе или даже о требовании.

Повествовательная структура в ситуации, которая предполагает необходимость деликатного общения, может восприниматься как намек, т. е. глубоко скрытая просьба с минимальной степенью настоятельности, например:

Sie sagte im Weggehen: “Ich ziehe morgen um. Ich glaube, es wird nicht leicht sein” [RH, S. 98] ‘Она сказала уходя: «Я завтра переезжаю. Я думаю, это будет нелегко»’.

Несмотря на то, что на первом плане находится лишь констатация факта переезда, повествовательное высказывание является очень вежливой просьбой о помощи. Директивная семантика конструкции выводится логически из ситуации общения. Адресант эксплицирует наличие сложностей, оставляя при этом собеседнику свободу реакции – он может интерпретировать речевой акт в качестве просьбы помочь либо проигнорировать скрытое побуждение.

Преувеличенная вежливость может в повествовательной структуре быть выражением раздражения, иронии, например:

Ich zöge es doch vor, wenn Sie mich höflicher Nicolas nennen würden [IM, S. 201] ‘Я бы все же предпочел, чтобы Вы меня называли вежливей Николас’.

Недовольство говорящего, связанное с манерой обращения к нему, прослеживается в разнонаправленном взаимодействии вводной конструкции (*Ich zöge es doch vor*), условного придаточного (*wenn Sie mich höflicher Nicolas nennen würden*), формы *Konditionalis* и общего значения высказывания. Подобные структуры обладают высоким прагматическим потенциалом, являются просьбой с усиленной степенью настоятельности.

Вежливые побуждения, такие как предложения и просьбы, выражаются преимущественно посредством вопросительных конструкций. Отличительной чертой *soвета* является, однако, достаточно редкое использование вопросов (17 % примеров), они являются скорее риторическими, например:

„*Aber warum willst du dieses Treffen verschieben? Das ist nicht vernünftig*“ [RH, S. 307] ‘«А почему ты хочешь отложить эту встречу? Это неразумно’.

Адресант не ждет ответа от собеседника, он апеллирует к реципиенту, заставляя его задуматься. В пропозиции такого вопроса обычно содержится указание на рекомендуемое действие.

Косвенные советы нередко используются с оценочной структурой, логическим следствием которой является побуждение изменить свою позицию. Для интерпретации высказывания в качестве совета необходимо наличие такого семантического компонента, как выгода действия для собеседника.

При выражении совета преобладают повествовательные конструкции (83 % примеров). Ведущей модальностью повествовательных структур с семантикой совета обычно является аксиологическая, например:

Bei diesem Wetter fährst du vorsichtigerweise mit dem Bus [IM, S. 56] ‘При такой погоде ты поедешь ради предосторожности на автобусе’.

Говорящий проявляет заботу о реципиенте, используя наречие *vorsichtigerweise*, и побуждает собеседника выполнить действие в его интересах.

Рассмотрение практического материала показывает, что при реализации категоричных директивных высказываний также фиксируются вопросительные и повествовательные конструкции.

Среди косвенных директивных речевых актов с семантикой *требования* вопросительные структуры встречаются реже – такие примеры составляют 13 %, например:

„*Sie kommen doch morgen?*“ sagte er mit dem Ton, der jeden Widerstand ausschloß [IM, S. 47] ‘«Вы же завтра придете?» – сказал он тоном, который исключал любое сопротивление’.

В данном примере присутствует указание на манеру произнесения высказывания, авторская ремарка позволяет выявить настоятельность побуждения, хотя в вопросе не содержится маркеров категоричности побуждения.

Изредка могут использоваться вежливые формы вопроса, не соответствующие по форме категоричной интенции адресанта. В таких структурах фиксируется разнонаправленное взаимодействие языковых средств, например:

„*Würden Sie bitte aus dem Weg gehen?*“, tönte er mit kalter, gedehnter Stimme hinter ihnen [LF, S. 67] ‘«Вы меня не пропустите, пожалуйста?» – холодно произнес он у них за спиной, растягивая слова’.

Манера произнесения высказывания не позволяет интерпретировать вопрос с формой *Konditionalis* и лексемой (*bitte*) как вежливое побуждение.

Вопросы с семантикой требования обычно используются в тех случаях, когда присутствует конфликтная ситуация, явное недовольство сложившейся ситуацией, например:

„*Warum bleibst du hier und hilfst den anderen nicht?*“ Ihre Stimme klang so gereizt, dass ich zuckte [IM, S.302] ‘«Почему ты здесь и не помогаешь другим?» Ее голос прозвучал так раздраженно, что я вздрогнул’.

В таких случаях часто используется риторический вопрос с вопросительным словом *warum*, который позволяет, с одной стороны, выразить недовольство поведением собеседника, а с другой стороны, у адресата есть возможность назвать причины своего поведения. Коннотация раздражения создает негативный фон общения.

В большинстве случаев (87 % примеров) для реализации косвенного требования используются повествовательные структуры, которые имеют форму простого предложения, например:

Du kommst zu mir morgen. Dann besprechen wir alles [RH, S. 278] ‘Ты придешь ко мне завтра. Тогда мы все обсудим’.

В повседневном общении такие конструкции могут восприниматься как категоричные, они показывают уверенность говорящего в согласии собеседника.

При обращении к подчиненному повествовательные конструкции звучат как команды, например:

„Und die Kopie?“ „*Die tragen Sie in meinen Salon*“ [NR, S. 12] ‘«А копия?» «Вы отнесете ее в мой салон»’.

Говорящий не допускает сопротивления реципиента, он ожидает немедленного выполнения побуждения.

Как более смягченное требование можно рассматривать высказывания с вводными конструкциями, например:

Ich hoffe, Ihnen ist bewusst, dass nichts, gar nichts an die Öffentlichkeit dringen darf. Kein Wort zu niemand [IM, S. 36] ‘Я надеюсь, Вы понимаете, что ничего, абсолютно ничего не должно стать достоянием общественности. Никому ни одного слова’.

Эпистемический предикат (*Ich hoffe*), конструкция (*Ihnen ist bewusst*) делают побуждение более вежливым. Интерпретации его в качестве требования способствует семантика модального глагола (*dürfen*), использованного с отрицанием, повтор лексемы (*nichts*), а также категоричность второго высказывания (*Kein Wort zu niemand*).

В повествовательных структурах с семантикой требования также может наблюдаться разнонаправленное взаимодействие языковых средств, например:

Sie stellte die Tasse unsanft zurück auf den Tisch. „*Ich wäre euch sehr verbunden, wenn ihr freundlicherweise mit diesen Gesprächen aufhören würdet*“ [RH, S. 54] ‘Она резко поставила чашку на стол. «Я была бы Вам очень обязана, если бы Вы любезно прекратили эти разговоры»’.

Высказывание с клишированной конструкцией (*Ich wäre euch sehr verbunden*), формой конъюнктива (*wäre*), кондиционалиса (*würdet*) и наречием (*freundlicherweise*) можно в другом контексте рассматривать как вежливую просьбу, однако ситуация общения, значение глагола *aufhören* и авторская ремарка (*stellte die Tasse unsanft*) показывают, что речь идет о настоятельном побуждении.

Рассмотрение речевого акта *угрозы* свидетельствует о том, что для реализации данного речевого акта вопросительные конструкции используются чаще, чем для экспликации требования (24 % примеров). Угроза предполагает максимальную степень оказания давления на собеседника, поэтому вопросы с семантикой угрозы содержат лексемы, способствующие выявлению категоричности побуждения, например:

Willst du wieder ins Gefängnis? Wenn du wieder etwas verheimlichst, wirst du sehen, wie es endet [LF, S. 398] ‘Ты хочешь снова в тюрьму? Если ты снова что-нибудь будешь скрывать, ты увидишь, чем все это закончится’.

Директивная интенция содержится в повествовательной конструкции. Вопрос эксплицирует негативные последствия в случае невыполнения побуждения. Он служит средством апелляции к собеседнику и является языковым выражением желания адресанта оказать максимальное давление на собеседника.

Языковые средства смягчения настоятельности высказывания в вопросе с семантикой угрозы позволяют говорящему выразить эмоции, например:

Würden Sie selbst um diese Angelegenheit kümmern, oder sollen wir ihren Chef benachrichtigen, wie es hier geht? [IM, S. 122] ‘Вы сами позаботитесь об этом деле, или нам надо сообщить вашему начальнику о том, как обстоят дела?’.

Вежливость высказывания с формой *Konditionalis* (*würden Sie*) в речевом акте угрозы противоречит намерению причинить вред реципиенту, т. е. наблюдается контрастивное взаимодействие языковых средств. Степень настоятельности речевого акта угрозы зависит от суровости возможного наказания, решающим фактором для правильной интерпретации становится контекст.

Повествовательные конструкции, составляющие 76 % примеров, в большинстве случаев эксплицируют возможные санкции, например:

Wenn du dich noch einmal verspätest, werde ich einfach weggehen ohne auf dich zu warten [IM, S. 87] ‘Если ты еще раз опоздаешь, то я просто уйду, не дожидаясь тебя’.

Угроза, выраженная повествовательным предложением, заставляет говорящего анализировать опасность последствий. В данном речевом акте побуждение эксплицируется и не представляет трудностей при интерпретации.

При реализации угрозы может наблюдаться сочетание в одной структуре нескольких показателей категоричности высказывания, например:

Ich sage Ihnen wieder. Sie müssen jetzt uns unbedingt das Geld zurückgeben. Im Falle des Widerstandes werden wir anders mit Ihnen sprechen [RH, S. 98] ‘Я Вам снова говорю. Вы должны сейчас обязательно отдать нам деньги. В случае сопротивления мы будем разговаривать с Вами по-другому’.

Комплексное использование языковых маркеров настоятельности (*sagen wieder, jetzt, unbedingt, anders sprechen*) формирует косвенную угрозу и оказывает максимальное давление на реципиента.

Таким образом, рассмотрение практического материала показывает, что при реализации косвенных побуждений вопросительные и повествовательные конструкции имплицитно различную степень категоричности. В косвенных предложениях вопросы с эпистемической модальностью (78 %) выражают нейтральное предложение, повествовательные структуры (22 %) заметно усиливают настоятельность скрытого побуждения, даже при использовании сослагательного наклонения и маркеров вежливости. Вопросы являются клишированным средством выражения вежливой просьбы (74 %). При трансформации высказывания в повествовательную структуру (26 %) может наблюдаться усиление настоятельности, если речь идет об обращении к нижестоящему собеседнику, или ее смягчение, когда коммуникация происходит на равных и высказывание является глубоко имплицитным побуждением. Особенностью экспликации косвенного совета является преобладание повествовательных конструкций с аксиологической модальностью оценки на первом плане (83 %). Вопросы фиксируются редко (17 %), они являются скорее риторическими и служат средством апелляции к партнеру по коммуникации. Повествовательные структуры являются клишированным средством выражения требования (87 %), обычно они имеют форму простого предложения и воспринимаются как команды. Вопросы с семантикой требования (13 %) содержат языковые маркеры наличия негативных эмоций и встречаются при наличии вышестоящей позиции адресанта преимущественно в ситуации конфликта. В отличие от требований при экспликации угрозы вопросительные конструкции встречаются чаще (24 %), в них обычно присутствуют языковые маркеры, позволяющие выявить интенцию говорящего. Повествовательные структуры с семантикой угрозы (76 %) в большинстве случаев эксплицируют негативные последствия в случае невыполнения побуждения. В рассмотренных вопросительных и повествовательных конструкциях встречается как гармоничное, так и контрастивное взаимодействие языковых средств. Правильной интерпретации высказывания способствуют невербальные характеристики общения, а также параметры ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комлева, Е. В.* Функционирование директивного речевого акта в апеллятивном тексте (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Комлева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 90. – С. 118–125.
2. *Михальчук, Н. А.* Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект / Н. А. Михальчук // Русский язык: система и функционирование : материалы X Междунар. науч. конф., Минск, 22–23 октября 2024 г. / БГУ. – Минск, 2025. – С. 147–152.
3. *Ляшенко, Н. А.* Лексико-грамматическое оформление тактик прямого и косвенного побуждения, реализующих речевой акт просьбы в английском языке / Н. А. Ляшенко // Гуманит. и соц. науки. – 2014. – № 5. – С. 112–122.
4. *Рогожникова, И. Н.* Стратегии и тактики, реализуемые в экспрессивных категоричных речевых актах (на материале немецкого языка) / И. Н. Рогожникова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2014. – № 2. – С. 34–40.
5. *Давыдик-Патолятова, М. С.* Способы выражения и контексты употребления высказываний со значением просьбы в английском языке / М. С. Давыдик-Патолятова // Вопр. германской филологии и методики обучения иностранным языкам : материалы XIII Респ. студен. науч.-практ. конф., Брест, 21 апр. 2018 г. / Брест. гос. ун-т ; под общ. ред. Е. Г. Сальниковой. – Брест, 2018. – С. 147–149.
6. *Hindelang, G.* Einführung in die Sprechakttheorie / G. Hindelang. – 2. durchges. Aufl. – Tübingen : M. Niemeyer, 1994. – 119 S.
7. *Gutzmann, D.* Pragmatik: Eine Einführung / D. Gutzmann, S. Hinterwimmer, A. Trotzke. – Stuttgart : Metzler, 2025. – 240 S.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- RH – *Heidenreich, E.* Rudernde Hunde / E. Heidenreich, B. Schröder. – München ; Wien : Carl Hanser Verl., 2002. – 398 S.
- IM – *Kleinst, A.* Irren ist menschlich (Erinnerungen und Geschichten) / A. Kleinst. – Frankfurt am Main : Lang, 1998. – 330 S.
- NR – *Remin, N.* Neue Romane. Gondeln aus Glas: Commissario Trons dritter Fall / N. Remin. – München ; Reinbek bei Hamburg : Kindler, 2007. – 365 S.
- LF – *Feuchtwanger, L.* Der falsche Nero : Roman / L. Feuchtwanger. – Berlin : Aufbau-Verl., 1947. – 410 S.

Поступила в редакцию 12.11.2025

УДК 811. 133. 1'36(045)

Овсейчик Юлия Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Yuliya Auseichyk

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
ovsei77@rambler.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ

В статье предлагается новый взгляд на диахронические изменения в системе средств сочинительной связи французского языка, выходящий за рамки ее традиционного представления как линейного процесса. На основании реконструированной динамической карты когнитивно-дискурсивной эволюции данной системы установлены основные траектории ее развития: диахроническая инвариантность, семантическая специализация, грамматикализация, семантико-когнитивная транспозиция. Продемонстрировано взаимодействие универсальных языковых механизмов, детерминирующих формирование системы со свойствами открытости, нелинейности и аттракторной динамики, прошедшей в своем развитии путь от изначальной полифункциональности к семантической дифференциации, обусловленный интеллектуализацией французского дискурса.

Ключевые слова: система единиц сочинения; диахронические изменения; когнитивно-дискурсивная парадигма; полифункциональность; семантическая дифференциация; интеллектуализация дискурса; аттракторная динамика; французский язык.

DIACHRONIC CHANGES IN THE SYSTEM OF FRENCH COORDINATING CONJUNCTIONS: CAUSES AND MECHANISMS

This article proposes a new perspective on the diachronic evolution of the French coordinating conjunction system, moving beyond its traditional interpretation as a linear process. Based on a reconstructed dynamic map of the system's cognitive-discursive evolution, the main developmental trajectories are identified: diachronic invariance, semantic specialization, grammaticalization, and semantic-cognitive transposition. The study demonstrates the interaction of universal linguistic mechanisms that determined the formation of a system characterized by openness, non-linearity, and attractor dynamics. The analysis shows that its development from initial polyfunctionality to semantic differentiation was driven by the intellectualization of French discourse.

Key words: system of coordinating conjunction units; diachronic changes; cognitive-discursive paradigm; polyfunctionality; semantic differentiation; intellectualization of discourse; attractor dynamics; French language.

Традиционный подход к изучению эволюции системы средств сочинительной связи французского языка, сложившийся в рамках исторической грамматики, трактует ее как процесс, исходно заданный, с одной стороны, ограниченным набором наследуемых из латыни связующих единиц на

раннем этапе развития французского языка, с другой стороны, развитием собственных потенций в более поздние периоды [1; 2; 3; 4; 5]. Между тем результаты исследований в области когнитивной лингвистики [6; 7] и теории грамматикализации [8; 9], как «одного из ответвлений когнитивной лингвистики, находящегося на стыке когнитивной семантики и когнитивной морфологии» [10, с. 310], показывают, что синтаксические изменения носят системный характер, обусловленный «когнитивными процессами и факторами употребления» [11, р. 5]. Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления ключевых этапов становления синтаксической системы французского языка через призму когнитивно-дискурсивной парадигмы, интегрирующей анализ системных трансформаций с когнитивными механизмами и развитием дискурсивных практик.

Объектом исследования выступает система единиц сочинения французского языка в диахроническом аспекте, которая включает ядро, образуемое семью исторически устойчивыми реляторами *et* 'и', *ni* 'ни', *ou* 'или', *mais* 'но', *car* 'так как', *donc* 'поэтому', *or* 'а, но, однако, итак', и периферию, объединяющую единицы иной частеречной принадлежности, приобретающие союзную функцию (например, наречия *ensuite*, *toutefois*, *néanmoins*, *finalement* и предложные построения *par conséquent*, *en effet*, *de fait*) [12, с. 31–38]. Выборка из 58 единиц, функционирующих в современном французском языке в союзной функции, сформирована на основе академических грамматических справочников [13; 14; 15].

Цель статьи состоит в выявлении системных причин и механизмов диахронических изменений в системе единиц сочинения французского языка через построение когнитивно-дискурсивной модели ее развития.

Для реконструкции процесса формирования системы единиц сочинения французского языка мы исходим из разработанной нами иерархической модели отношений, маркируемых единицами сочинения. В модели, построенной на основе двух образных схем THING (отношения сосуществования и несуществования) и PATH (временная и логическая последовательность) согласно принципам когнитивной лингвистики [6; 7; 16], выделяются пять типовых ситуаций (далее – ТС), репрезентирующих многообразные логико-семантические отношения (далее – ЛСО) между фрагментами внеязыковой действительности: ВКЛЮЧЕНИЕ, АЛЬТЕРНАТИВА, ИСКЛЮЧЕНИЕ, ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ, ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ [17].

Основываясь на анализе лексикографических источников [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25], академических трудов [2; 3; 4] и установленной репрезентативной выборки контекстов употребления единиц сочинения на каждом синхронном срезе [12, с. 89–113] из корпуса Frantext [26], систематизированные данные о развитии реляционной семантики этих служебных слов в соответствии с разработанной иерархической моделью отношений, маркируемых единицами сочинения, мы представили в таблице.

**Динамическая карта когнитивно-дискурсивной эволюции
системы единиц сочинения французского языка**

№№*	XI–XII вв.	XIII–XIV вв.	XV–XVI вв.	XVII–XVIII вв.	XIX–XX вв.
I _{1a}	et, et... et, et... et... et, ni, ni... ni	<i>de fait</i> ^{1**} , <i>finaleme</i> ^{1**}	<i>aussi bien que</i> ¹ , <i>ensuite</i> ¹	<i>de même (que)</i> ² , <i>puis... puis</i> ⁵ , <i>voire</i> ²	<i>ainsi que</i> ¹ , donc , <i>partant</i> ³ , <i>tantôt</i> ² , <i>puis</i> ⁶
I ₁₆	et, or	car , <i>aussi</i> ¹ , <i>ainsi</i> ¹ , <i>au surplus</i> ¹ , <i>encore (que)</i> ¹ , <i>en outre</i> ¹ , <i>non moins que</i> ¹ , <i>de même (que)</i> ¹	<i>en fait</i> ^{1**} , <i>après tout</i> ¹ , <i>puis</i> ³ , <i>sinon</i> ³ , <i>voire</i> ¹	<i>de plus</i> ¹ , <i>à la vérité</i> ^{1**} , <i>aussi bien que</i> ² , <i>du reste</i> ² , <i>au moins</i> ³ , <i>d'ailleurs</i> ³ , <i>du moins</i> ³	<i>au reste</i> ² , <i>enfin</i> ⁴ , <i>ensuite</i> ⁴
I _{1B}	et, ou	<i>à savoir</i> ¹ , <i>c'est-à-dire</i> ¹	<i>plutôt</i> ²	<i>soit</i> ²	donc
I _{2a}	et	–	<i>alors (que)</i> ³ , <i>cependant (que)</i> ³	–	–
I ₂₆	et, mais	<i>aussi</i> ^{2**}	–	<i>alors (que)</i> ^{4,5} , <i>au contraire</i> ³ , <i>cependant (que)</i> ⁵ , <i>en outre</i> ²	<i>de même (que)</i> ⁵ , <i>effectivement</i> ² , <i>en revanche</i> ⁴ , <i>par contre</i> ³
II _{1a}	ou, ou... ou...	<i>ou bien</i> ¹ , <i>soit...ou</i> ¹ , <i>soit que... soit que</i> ¹	<i>sinon</i> ¹ , <i>soit...soit</i> ¹	–	–
II ₁₆	ou, ou... ou... ni... ni...	–	<i>soit...soit</i> ² , <i>soit... ou</i> ²	–	<i>et/ou</i>
II _{1B}	–	ou	<i>soit...soit</i> ³ , <i>soit</i> ¹ , <i>à savoir</i> ² , <i>c'est-à-dire</i> ²	<i>soit que... soit que</i> ²	–
II _{1a}	ou... ou...	–	<i>puis... puis</i> ⁴ , <i>plutôt</i> ^{1**} , <i>soit...soit</i> ⁴ , <i>tantôt... tantôt</i> ¹	–	<i>sitôt... sitôt</i> ¹
II ₁₆	–	–	–	<i>tantôt... tantôt</i> ² , <i>soit...soit</i> ⁵	–
III _{1a}	mais	<i>au contraire</i> ^{1,2}	<i>sinon</i> ² ,	<i>en revanche</i> ^{1,2} , <i>par contre</i> ¹	–
III ₁₆	mais	ou, au contraire ^{1,2}	<i>au moins</i> ¹ , <i>du moins</i> ¹ , <i>cependant</i> ¹ , <i>pourtant</i> ¹	<i>au reste</i> ¹ , <i>sinon</i> ⁴ , <i>d'ailleurs</i> ¹ , <i>en revanche</i> ^{1,2} , <i>du reste</i> ¹ , <i>non moins que</i> ² , <i>par contre</i> ²	–
III _{2a}	mais, or	<i>néanmoins</i> ¹ , <i>toutefois</i> ¹	<i>pourtant</i> ²	<i>alors que</i> ^{4,5} , <i>cependant</i> ² , <i>de fait</i> ³ , <i>d'ailleurs</i> ²	<i>à la vérité</i> ^{2,5} , <i>au reste</i> ³ , <i>en fait</i> ⁴ , <i>en revanche</i> ³ , <i>du reste</i> ³
III ₂₆	mais	<i>néanmoins</i> ²	<i>toutefois</i> ² , <i>encore (que)</i> ²	<i>au moins</i> ² , <i>du moins</i> ² , <i>pourtant</i> ³ , <i>sinon</i> ⁵	<i>alors que</i> ⁷ , <i>cependant (que)</i> ⁷

Окончание таблицы

IV _{1a}	car, or	<i>c'est pourquoi</i> ^{1**}	<i>en effet</i> ¹	–	–
IV ₁₆	car	–	<i>en effet</i> ²	–	<i>sitôt (que)</i> ²
IV _{2a}	–	car	<i>en effet</i> ³ , <i>en fait</i> ²	<i>effectivement</i> ¹	
IV ₂₆	–	car	<i>en effet</i> ⁴ , <i>de fait</i> ²	<i>après tout</i> ² , <i>à savoir (que)</i> ⁴ , <i>c'est-à-dire (que)</i> ⁴ , <i>en fait</i> ³ , <i>soit... soit</i> ⁶	<i>à la vérité</i> ^{2,3}
V _{1a}	et, donc, or, car ^{**}	<i>puis</i> ¹ , <i>enfin</i> ¹ , <i>alors</i> ¹ , <i>c'est pourquoi</i> ^{2**} , <i>finale</i> ² , <i>par conséquent</i> ^{1*}	<i>conséquemment</i> ^{1**} , <i>enfin</i> ² , <i>ensuite</i> ² , <i>par suite</i> ^{1*}	–	–
V ₁₆	donc, or, car ^{**}	et	<i>aussi</i> ³ , <i>ainsi</i> ² , <i>alors</i> ² , <i>c'est pourquoi</i> ³ , <i>finale</i> ³ , <i>par conséquent</i> ² , <i>par suite</i> ²	<i>enfin</i> ³ , <i>voire</i> ⁴ , <i>sinon</i> ⁶ , <i>partant</i> ¹	<i>c'est-à-dire</i> ⁵ , <i>puis</i> ⁶
V _{2a}	donc	–	<i>c'est pourquoi</i> ⁴	<i>alors</i> ⁶ , <i>conséquemment</i> ² , <i>partant</i> ² , <i>par conséquent</i> ³ , <i>par suite</i> ³	<i>ensuite</i> ³
V ₂₆	–	donc	–	–	–

П р и м е ч а н и е.

* Разновидности ТС: ВКЛЮЧЕНИЕ – I_{1a} собственно соединение, I₁₆ аддитивность, I_{1b} коррекция, I_{2a} одновременность без сопоставления, I₂₆ сопоставление; АЛЬТЕРНАТИВА – II_{1a} реализация одной альтернативы, II₁₆ совмещение альтернатив, II_{1b} альтернативная номинация, II_{1a} темпоральное чередование, II₁₆ пространственное чередование; ИСКЛЮЧЕНИЕ – III_{1a} собственно противопоставление, III₁₆ компенсация, III_{2a} объективная несовместимость, III₂₆ субъективная несовместимость; ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ – IV_{1a} объективная причина, IV₁₆ субъективная причина, IV_{2a} обоснование, IV₂₆ объяснение; ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ – V_{1a} темпоральное следствие, V₁₆ собственно следствие, V_{2a} прямое логическое следствие, V₂₆ сложное логическое следствие.

Индекс сверху обозначает в хронологическом порядке количество разновидностей ТС, в которых используется периферийная единица сочинения в соответствующий синхронный отрезок.

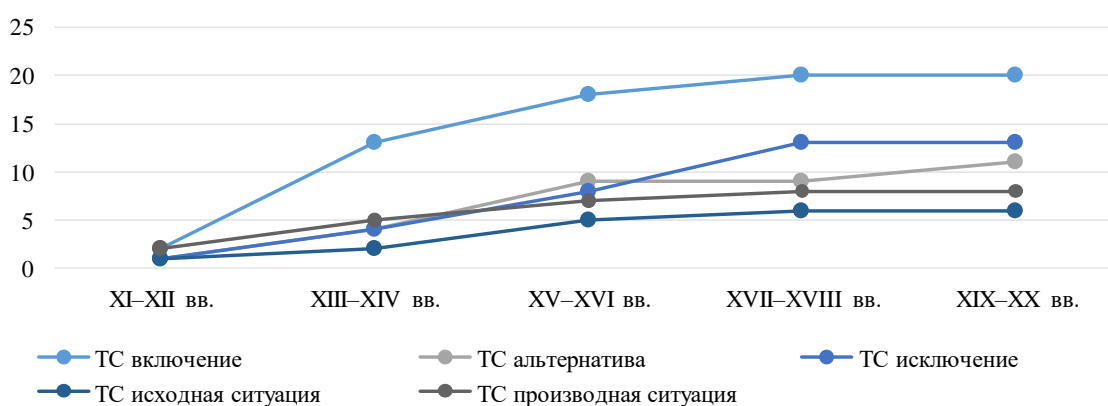
** В современном французском языке такой способ употребления не фиксируется.

Представленные в таблице данные позволяют выявить основные эволюционные тренды, объективно подтвержденные количественными и качественными изменениями в системе единиц сочинения на основании дифференциации разновидностей ТС, базовых когнитивных сценариев, лежащих в основе логико-семантических отношений.

Увеличение состава единиц сочинения. За исследуемый период система количественно увеличилась более чем в восемь раз: 7 единиц (XI–XII вв.) → 30 (XIII–XIV вв.) → 46 (XV–XVI вв.) → 55 (XVII–XVIII вв.) →

58 (XIX–XX вв.), т. е. от изначально ограниченного набора высокополифункциональных¹ конstituентов ядра до современного многообразия периферийных единиц, различающихся частеречной принадлежностью, и устойчивых конструкций с различным семантическим диапазоном. Структурирование периферии с учетом частотного ранга, индексов конъюнкционализации и семантического диапазона подробно представлено в [27].

Темпоральная асимметрия (гетерохронность). Визуализация количественной динамики распределения единиц сочинения по ТС согласно их первичному реляционному значению (рисунок) отражает неравномерную интенсивность пополнения различных семантических зон с активной фазой в XIII–XVIII вв., период становления литературной нормы и научного дискурса, позволяя ранжировать ТС по интенсивности пополнения.

Количественное распределение единиц сочинения по ТС в диахронии

На протяжении тысячелетнего периода количественно доминируют единицы сочинения, оформляющие ЛСО в ТС ВКЛЮЧЕНИЕ. Такой активный поступательный рост единиц в этой зоне свидетельствует о том, что процессы семантической дифференциации и аналитического усложнения наиболее активно затрагивали сферу аддитивных и соединительных отношений для структурирования сложных перечислений и аргументативных рядов в дискурсе. Траектории количественного пополнения других классов единиц, оформляющих ЛСО в ТС ИСКЛЮЧЕНИЕ и АЛЬТЕРНАТИВА, демонстрируют иную, менее интенсивную динамику. Особо следует отметить, что вхождение в употребление периферийных единиц, маркирующих ЛСО в ТС ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ и ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ, происходит с минимальными темпами на всем наблюдаемом диахроническом отрезке. Такая гетерохронность, на наш взгляд, отражает различную когнитивную значимость и дискурсивную востребованность тех или иных типов ЛСО на каждом из синхронных срезов.

¹ Под полифункциональностью единицы сочинения понимается ее способность выполнять союзную (конъюнктивную) функцию в более чем двух из выделенных разновидностей ТС. Например, союз *et* изначально маркирует различные типы ЛСО в семи разновидностях ТС.

Динамика функциональной нагрузки. На основании анализа индексов, обозначающих количество разновидностей ТС, маркируемых той или иной единицей на определенном синхронном срезе, выявляется общий тренд развития системы от полифункциональности к специализации. Количественный показатель – соотношение «единица – разновидность ТС» – возрастает с 1,2–1,5 в XII в. до трех–четырех к концу XX в., что свидетельствует о резком увеличении квазисинонимических рядов и, следовательно, о точности выражения ЛСО. Так, изначально сопоставление (I₂₆) маркируется исключительно союзами *et* и *mais*, к XIX–XX вв. это отношение оформляется дополнительно еще восемью специализированными единицами (*de même que, par contre, alors (que), cependant (que)* и т.п.).

Рост аналитизма. Доля аналитических конструкций (предложных групп, наречных выражений *par suite, aussi bien que, à savoir, en outre, c'est pourquoi, ou bien* и т. п.) возрастает с 10 % в XI–XII вв. до более 60 % к XIX–XX вв. Многие из них выполняют метатекстовую функцию (*à savoir, c'est-à-dire*), организуя логику высказывания.

Анализ данных позволяет систематизировать основные пути диахронического развития единиц в рамках рассматриваемой системы, выделив четыре траектории, отражающие различные аспекты процесса ее формирования. Диахроническая инвариантность характеризуется сохранением на протяжении всей истории развития французского языка ядерного статуса максимально грамматикализованных высокочастотных единиц *et, ou, mais* в роли семантико-функциональных аттракторов. Семантическая специализация проявляется в сужении семантического диапазона, например: унаследованные из латыни единицы *car* (утрата следственной семантики, сохранение причинной), *donc* (утрата темпорального компонента, специализация на логическом следствии) в ходе исторического развития языка сужают свой семантический диапазон до оформления ЛСО в одной ТС. Грамматикализация как приобретение конъюнктивных свойств лексическими или менее грамматикализованными единицами характеризуется ростом частотности, семантическим «обесцвечиванием» [9, р. 179] и расширением контекстов употребления, например: *en effet* (из наречной группы в метатекстовый маркер), *par conséquent* (из предложной группы в союз следствия). Семантико-когнитивная транспозиция следует из изменения семантического профиля единицы, обусловленного сменой когнитивной схемы. Так, например, единица *puis* демонстрирует переход от временной схемы PATH к пространственной схеме THING: *puis* ‘временная последовательность’ → ‘аддитивность’ → ‘собственно соединение’, ‘временная последовательность’ → ‘логическое следствие’ → ‘аддитивность’.

Выделенные траектории наглядно иллюстрируют многофакторность и разнонаправленность эволюционных процессов в системе средств сочинительной связи, обеспечивающих баланс между преемственностью (ядро) и адаптивностью (периферия) и отражающих переход от изначальной поли-

функциональности к семантической дифференциации, обусловленный интеллектуализацией¹ французского дискурса и свидетельствующий о растущей потребности в эксплицитном и однозначном выражении различных типов ЛСО.

За этими наблюдаемыми изменениями стоят глубинные, универсальные механизмы языковой динамики, определяющие эволюцию языковой системы. Взаимодействие ряда таких факторов – *принципа экономии, действия антиномий, принципа аналогии, принятия инноваций* – является общепризнанным в лингвистике. Ниже мы продемонстрируем релевантность этих факторов применительно к конкретным участкам исследуемой системы и их роль в ее формировании.

Принцип экономии как организующий фактор. В традиции А. Мартине (1960) принцип языковой (парадигматической) экономии понимается не как стремление к минимизации средств, а как тенденция к достижению оптимальной функциональной сбалансированности. Его реализация проявляется в переходе от семантического синкретизма как отсутствия формального различия между определенными ТС, создающего нагрузку при декодировании, к сбалансированной системе с высокой степенью эксплицитности и однозначности. Данные таблицы демонстрируют, как действие этого принципа реализуется в диахронии через симметричное расщепление изначально синкретичных семантических зон. Так, ранний период (XI–XIV вв.) характеризуется диффузной моделью «один знак – несколько отношений»: союзы *et* и *mais* выступают универсальными маркерами для широкого спектра ЛСО. В последующий период (XV–XVIII вв.) фиксируется вхождение в употребление специализированных функционально-семантических эквивалентов: *néanmoins* (несовместимость, III₂), *en revanche* (компенсация, III₁₆), *au contraire* (собственно противопоставление, III₁₆). Собственно сочинение (*et, ou, mais*), репрезентирующее схему THING, изначально симметрично организовано по принципу «один знак – одно отношение» (*et* – ТС ВКЛЮЧЕНИЕ, *ou* – ТС АЛЬТЕРНАТИВА, *mais* – ТС ИСКЛЮЧЕНИЕ) с наличием диффузных зон: *et* и *mais* используются для оформления сопоставления (I₂₆); *ou* и *mais* – взаимоисключения (III_{1a}),

¹ Под процессом интеллектуализации дискурса понимается возрастание доли абстрактного, логически структурированного и аргументативно насыщенного содержания в письменных текстах, связанное с развитием научной, философской, юридической и публицистической деятельности. Этот процесс во французском языке связан с ключевыми эпохами: расцвет схоластики, развитие юридического дискурса, первые научные трактаты на французском языке в позднее Средневековье и эпоху Возрождения (XIII–XVI вв.); формирование французского классицизма, деятельность Французской академии, философия Декарта с ее культом ясности и отчетливости мысли (XVII в.); философские трактаты Вольтера, Дидро, Руссо, энциклопедии, научные и политические дебаты в эпоху Просвещения (XVIII в.); дальнейшее развитие и дифференциация академического, технического, юридического, публицистического и других дискурсов (XIX–XXI вв.).

et и *ou* – включения элементов в множество (I_{1a}). Несобственно сочинение (*car, donc, or*), репрезентирующее схему PATH, исходно строится по принципу «одно отношение – несколько знаков»: в ранний период все три единицы оформляют темпоральное следствие (V_{1a}), действие принципа экономии ведет к их последующей семантической специализации (сужение семантики *car* до маркирования причины (IV_1) и обоснования (IV_{2a}), *donc* оформляет логическое следствие (V_2), *or* утрачивает следственное значение, сохранившись как маркер аргументативной посылки (IV_{2a})). Изначально диффузные зоны устраняются посредством появления специализированных единиц: *en effet, effectivement* – обоснование и объяснение (IV_2), *par conséquent, c'est pourquoi* – логическое следствие (V_2).

Антиномии как источник динамики. Внутренним двигателем языкового развития является «качественно своеобразная борьба противоположностей» [28, с. 24], реализующаяся в виде фундаментальных антиномий. Их разрешение в диахронии определяет конкретные механизмы трансформации системы единиц сочинения.

Антиномия «Говорящий vs. Слушающий» лежит в основе механизма экспликации. Потребность говорящего в однозначном оформлении ЛСО (особенно в письменном дискурсе XIII–XIV вв.) сталкивается с потребностью слушателя в минимизации усилий по декодированию. Разрешение этого противоречия обуславливает использование иных дополнительных средств. Так, употребление полисемантического *car* для маркирования обоснования (IV_{2a}) часто сопровождается вводными конструкциями для снятия неоднозначности [12, с. 184–194]; союз *ou* в функции пояснения вытесняется специализированным маркером *c'est-à-dire* [18].

Антиномия «Узус vs. Потенциал системы» порождает механизм грамматикализации. Давление узуса, стремящегося к выражению новых смысловых нюансов, мобилизует латентные ресурсы языковой системы. Например, резкий рост употребительности двойного союза *ou... ou* в среднефранцузском языке инициирует грамматикализацию личной формы глагола *être* ‘быть’ (*soit*), что приводит к появлению конструкции *soit... ou* [12, с. 137–142]. Позднее (конец XIX в.) *soit* как одинарный союз начинает использоваться для оформления альтернативной номинации (II_{1b}), замещая в этой функции *c'est-à-dire* [12, с. 245].

Антиномия «Текст vs. Код» обуславливает механизм аналитической компенсации. Компрессия грамматических категорий (исчезновение падежей, синкретизм времен, упрощение согласований и т. п.) [3; 4] на уровне кода компенсируется усложнением и дифференциацией средств текстовой связности. Конкретизация значений ядерных союзов с помощью пост-позитивных наречий (*et + puis / alors / cependant* – уточнение темпоральной последовательности; *ou + sinon / autrement / bien* – специализация разделительных ЛСО, *mais + pourtant / cependant / néanmoins* – конкретизация

противительных ЛСО) как промежуточный шаг к формированию новых, семантически более специализированных периферийных единиц представляет собой оптимизацию кода, направленную на замещение контекстуально обусловленных многозначных единиц.

Антиномия «План выражения vs. План содержания» обеспечивает механизм семантической миграции. Присущая языковому знаку асимметрия формы и функции («одна форма – несколько функций» и «одна функция – несколько форм») является источником системной гибкости, обуславливающим переход единиц из одной семантической сферы в другую, например, переход *puis* из временной сферы ('потом', схема PATH) в аддитивную ('а также', схема THING).

Двойственная роль принципа аналогии. С одной стороны, аналогия выступает как организующий фактор, унифицирующий парадигмы (например, в среднефранцузский период *ou* по аналогии с высокочастотным *et* приобретает способность к образованию повторяющихся конструкций *ou... ou...*). С другой – она служит механизмом инноваций, позволяя периферийным единицам по образцу ядерных расширять свои функции. Так, некоторые специализированные противительные единицы (*cependant, au contraire*) по аналогии с *mais* развивают способность маркировать сопоставление [12, с. 239–241]; *donc* становится аттрактором для единиц *par conséquent, partant, conséquemment*, которые, в отличие от *donc*, сохраняют каузальную семантику даже в копулятивных конструкциях.

Принятие инноваций как социальный и когнитивный отбор. Следуя Э. Косериу (1963), целесообразно разграничивать инновацию (возникновение новой формы в речи) и ее принятие (фиксация в системе). Процесс принятия инноваций проходит четыре стадии: 1) возникновение потребности в выражении нового значения, 2) использование какое-то время нескольких вариантов для ее удовлетворения, 3) отбор и принятие одной из появившихся инноваций, 4) становление нормы [29, с. 367–406]. Так, например, изначально разделительный союз *ou* употребляется для маркирования множества равноценных и неравноценных альтернатив [12, с. 130–136]. В среднефранцузском языке для указания на множество альтернатив параллельно применяются разнообразные союзные сочетания *soit... ou soit, soit ou... ou, ou soit... ou soit*, что приводит впоследствии к предписанию Французской Академией уже в начале XVII в. использовать двойной разделительный союз *soit... ou* и исключать из употребления другие варианты как ненормативные [12, с. 137–142]. Однако в дальнейшем единица сохраняется в контекстах двух типов [12, с. 241–242]. Единицы сочинения с каузальной семантикой *par conséquent, conséquemment, partant* закрепляются в научном и юридическом дискурсе XVII–XVIII вв. [18], тогда как периферийная единица сочинения *alors* остается маркером бытового дискурса.

Взаимодействие универсальных факторов обусловило формирование системы единиц сочинения, обладающей следующими взаимосвязанными ингерентными свойствами: **открытость** и **гетерохронность**, характеризующие системную организацию и проявляющиеся в постоянном неравномерном пополнении системы единицами иных частеречных категорий в различных семантических зонах (более интенсивное развитие ТС ИСКЛЮЧЕНИЕ по сравнению с ТС ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ); **неустойчивость** и **нелинейность**, определяющие характер эволюционного процесса с множественностью траекторий семантического развития отдельных единиц (*alors* ‘последовательность’ → ‘следствие’ → ‘вывод’; *puis* ‘последовательность’ → ‘следствие’ → ‘темпоральное чередование’ → ‘аддитивность’ → ‘собственно соединение’); **аттракторная динамика**, составляющая суть внутреннего механизма, при котором ядерные единицы *et*, *ou*, *mais*, *car*, *donc* выступают центрами притяжения (аттракторами), задавая семантико-функциональные шаблоны для периферийных единиц (*ainsi* → *et* (аддитивность, I_{1a}) и *donc* (следствие, V₁₆), *par contre* → *mais* (противопоставление, III_{1a}) и *et* (сопоставление, I₂₆)).

Таким образом, взаимодействие принципов экономии, аналогии, принятия инноваций и действия антиномий выступает регуляторным механизмом, обеспечивающим переход системы от состояния неравновесной синхронии с доминированием полифункционального ядра (XI–XVI вв.) к состоянию относительной устойчивости со структурированной периферией (XVII–XX вв.). Синтез этих факторов предопределил сложную динамику системы, ее переход от архаической синкретичности к современной дифференцированной архитектонике, способной обслуживать разнообразные дискурсивные практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Antoine, G.* La coordination en français : in 2 vol. / G. Antoine. – Paris : d’Artrey, 1958–1962. – 2 vol.
2. *Brunot, F.* La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d’une théorie nouvelle du langage appliquée au français / F. Brunot. – Paris : Masson, 1956. – 954 p.
3. *Buridant, C.* Grammaire nouvelle de l’ancien français / C. Buridant. – Paris : Sedes, 2000. – 800 p.
4. *Сабанеева, М. К.* Историческая грамматика французского языка / М. К. Сабанеева, Г. М. Щерба ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 272 с.
5. *Marchello-Nizia, Ch.* Le Français en diachronie. Douze siècles d’évolution / Ch. Marchello-Nizia. – Paris : Ophrys, 1999. – 170 p.

6. *Johnson, M.* The meaning of the body: Aesthetics of human understanding / M. Johnson. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2007. – 330 p.
7. *Lakoff, G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.
8. *Lehmann, C.* Thoughts on grammaticalization / C. Lehmann. – Erfurt : Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002. – 192 p.
9. *Hopper, P. J.* Grammaticalization / P. J. Hopper, E. C. Traugott. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 276 p.
10. *Рахилина, Е. В.* Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – Вып. 36. – С. 274–322.
11. *Bybee, J.* Language change / J. Bybee. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. – 289 p.
12. *Овсейчик, Ю. В.* Система единиц сочинения французского языка в диахронии / Ю. В. Овсейчик. – Минск : МГЛУ. – 2023. – 304 с.
13. *Dubois, J.* Grammaire française / J. Dubois, G. Jouannon, R. Lagane. – Paris : Larousse, 2019. – 178 p.
14. *Grevisse, M.* Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris : Duculot, 2008. – 1762 p.
15. *Riegel, M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. – Paris : PUF, 2016. – 1110 p.
16. *Gibbs, R. W.* Embodiment and cognitive science / R. W. Gibbs. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 337 p.
17. *Овсейчик, Ю. В.* Концептуальное моделирование сочинительных отношений / Ю. В. Овсейчик // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2025. – Т. 22. – № 2. – С. 53–63.
18. Dictionnaire de L'Académie française. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr> (date of access: 10.10.2025).
19. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle / par F. Godefroy. – Paris : Vieweg : Boullon, 1880–1902. – 10 vol.
20. Dictionnaire du Moyen Français. – URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (date of access: 15.12.2025).
21. *Dubois, J.* Dictionnaire étymologique / J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
22. Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (date of access: 15.12.2025).
23. Grand Larousse de la langue française : en 7 vol. / éd.: L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey. – Paris : Libr. Larousse, 1989. – 7 vol.
24. *Rey, A.* Dictionnaire Historique de la langue française : in 3 vol. / A. Rey, T. Horde. – Paris : Dict. le Robert, 1999. – 3 vol.
25. Trésor de la Langue Française informatisé. – URL: <http://atilf.atilf.fr> (date of access: 15.12.2025).

26. Frantext. Национальный корпус французского языка. – URL: <http://www.frantext.fr> (дата обращения: 16.10.2025).
27. Овсейчик, Ю. В. Архитектоника системы единиц сочинения современного французского языка: принципы и параметры / Ю. В. Овсейчик // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – Вып. 3. – С. 102–107.
28. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 186 с.
29. Гак, В. Г. Языковые преобразования : монография / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 768 с.

Поступила в редакцию 13.01.2026

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 004.81

Крапивин Юрий Борисович

кандидат технических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Yury Krapivin

PhD in Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
ybox@list.ru

ПРОЕКТ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ДИДАКТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье сформулированы основные задачи, требующие решения в рамках предложенных и разрабатываемых технологий и инструментально-программного комплекса для подготовки дидактических материалов по английскому языку, закладывающих основу духовно-нравственного и патриотического воспитания студентов и необходимых для организации учебного процесса в учреждении образования «Белорусский государственный университет иностранных языков».

Ключевые слова: нейронная сеть; большая языковая модель; текстовый корпус; естественный язык; база знаний.

THE PROTOTYPE OF AUTOMATED SYSTEM FOR PREPARING DIDACTIC MATERIALS IN ENGLISH

The article presents the main tasks need to be solved within the proposed and developed technology and automated system for preparation of didactic materials to study English, laying the foundation for spiritual, moral and patriotic education of students, and necessary for the organization of the educational process in Belarusian State University of Foreign Languages.

Key words: neural network; large language model; text corpora; natural language; knowledge base.

Актуальность применения методов искусственного интеллекта (ИИ) в образовательном процессе очевидна и обусловлена стремительно протекающими этапами цифровизации. Так, Стратегия развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года, утвержденная решением коллегии Министерства образования Республики Беларусь от 12.12.2024 № 19.33, предусматривает цифровизацию процессов в системе образования, обозначая цель развития – совершенствование национальной системы образования на основе развивающихся цифровых технологий, подготовку обучающихся к жизни в цифровом обществе, что предполагает и способ достижения цели – внедрение средств автоматизации управления образовательным процессом в учреждениях образования, опираясь на все более активное использование

информационно-коммуникационных, облачных технологий и технологии больших данных. Приоритетными направлениями научной, научно-технической и инновационной деятельности в сфере образования является выполнение экспериментальных проектов, фундаментальных или прикладных научных исследований в сфере образования, обеспечивающих обновление содержания, внедрение инновационных методов и технологий обучения и воспитания, а в сфере молодежной политики – связанных с разработкой и внедрением в практику новых форм и методов работы по патриотическому воспитанию молодежи, привитию уважения к государственности, бережного отношения к культурному наследию и традициям белорусского народа, формированию нравственных качеств и правовой культуры [1; 2; 3].

Проект инструментально-программного комплекса

Самым надежным источником знаний о языке, а также «полигоном», обеспечивающим чистоту лингвистических экспериментов, включая тестирование, оценки естественного языка (ЕЯ) и т.п., является именно сам язык в том виде, в каком он используется в устной и письменной речи, т.е. в виде некоторого определенным образом подобранного конечного множества текстов. Такие тексты принято называть исходным корпусом текстов (ИКТ) заданного ЕЯ, полагая, что они находятся в памяти компьютера. Достоинством обычной формы представления текста является то, что в основе его лежит слово как наиболее естественная единица языка, которая структурируется как в глубину – на морфемы, фонемы, слоги, так и вовне как член словообразовательных, синтаксических и семантических конструкций. Очевидно, что исходный корпус текстов сам по себе не может обеспечить решения всего аспекта задач, связанных с получением количественных оценок языка и испытанием лингвистических гипотез, особенно если речь заходит о более высоких, чем морфологический, уровнях глубины анализа естественного языка. ИКТ является лишь основой создания соответствующих средств в виде совокупности так называемого корпуса виртуальных аннотированных текстов и инструментальных средств доступа, извлечения, анализа и т.п. естественно-языковой информации. Полезность корпуса возрастает, когда он аннотируется, т.е. каждое слово в нем снабжается лексико-грамматическим, синтаксическим или семантическим кодом, в зависимости от уровня обработки текста.

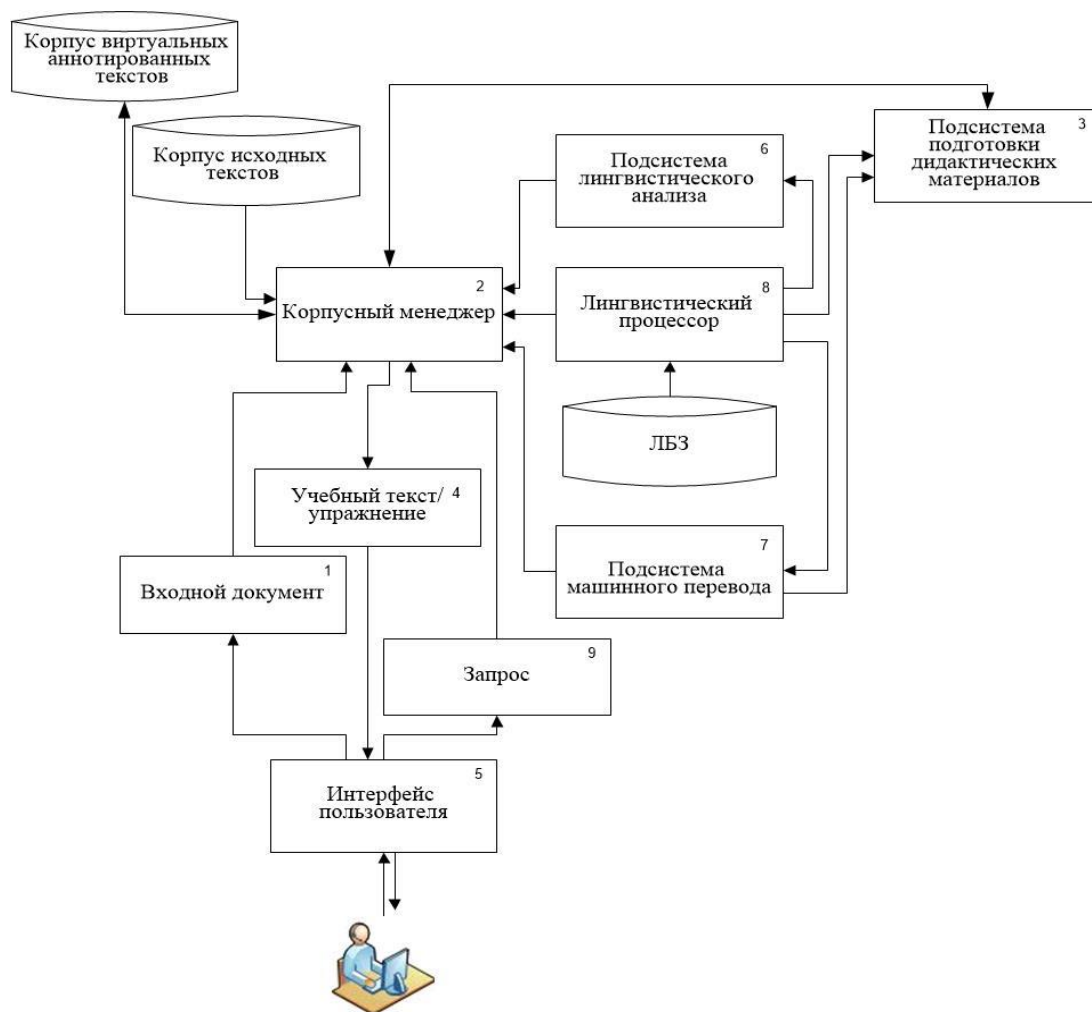
Еще одной важной задачей является подготовка учебных текстов, текстов, которые могут выступать основой для создания разнообразных упражнений и заданий на отработку практических навыков, что достаточно востребовано при реализации программ обучения языковым дисциплинам при овладении иностранными языками и переводу и может основываться на применении таких виртуальных корпусов. Выбор в пользу учебных текстов, содержащих сведения об истории Республики Беларусь, подвиге белорусского народа в период Великой Отечественной войны, трудовых буднях,

спортивных достижениях, современных достижениях в экономике, науке и технике, которые могут быть получены на основании ИКТ, позволяет в дальнейшем рассматривать аннотированный текст не только в качестве хранилища лингвистической информации и изучать, какие лексические единицы наиболее часто используются в определенных типах текстов, какие грамматические конструкции наиболее распространены, но и влиять на восприятие информации, закладывая основу духовно-нравственного и патриотического воспитания учащихся при условии применения таких корпусов текстов в качестве основы для разработки дидактических материалов, в том числе по языковым дисциплинам, преподаваемым в учреждениях общего среднего и высшего образования. Последнее становится особенно актуальным ввиду увеличения масштабов применения цифровых систем и сервисов [4], а также сервисов на базе технологий генеративного искусственного интеллекта, таких как ChatGPT [5], DeepSeek [6], Yandex.GPT [7] и др., применяемых преподавателями учреждений высшего и среднего образования с целью автоматизации и облегчения процессов подготовки дидактических и учебно-программных материалов [8; 9; 10]. Однако подобная практика связана с определенными рисками неявного и непреднамеренного навязывания нежелательной и нехарактерной для молодого человека системы ценностных ориентиров, предубеждений и культурных норм, которые могут транслироваться, используемыми сервисами, через автоматически генерируемые тексты (в широком смысле). Указанный феномен является логическим следствием рисков более общего характера, связанных с применением цифровых инструментов, представленных в работах [11; 12; 13; 14], а также вопросов «качества» используемых текстовых данных, составляющих основу обучения больших языковых моделей [15; 16].

С учетом вышеизложенного разработка технологии и основанного на ней инструментально-программного комплекса для подготовки дидактических материалов по английскому языку, закладывающих основу духовно-нравственного и патриотического воспитания студентов и необходимых для организации учебного процесса на факультете английского языка учреждения образования «Белорусский государственный университет иностранных языков» в соответствии с учебно-программной документацией преподавания языковых дисциплин, видится актуальным и своевременным [3].

Структурно-функциональная схема реализуемого инструментально-программного комплекса представлена на рисунке. Предполагается, что на основании анализа доступных лингвистических ресурсов (полнотекстовых баз данных, тематических корпусов текстов, сетевых электронных ресурсов удаленного доступа и т.д.) выполнен отбор текстов, закладывающих основу духовно-нравственного и патриотического воспитания, и сформирован корпус исходных текстов – *двуязычный русско-английский корпус исходных текстов*. Входной информацией для системы являются Входной документ (блок 1), представленный в одном из наиболее распространенных форматов: TXT, RTF,

DOC, DOCX, PDF, HTML, поступающий на вход Корпусного менеджера (блок 2) для автоматической лингвистической обработки, используя функциональность Лингвистического процессора (блок 8) и Подсистемы лингвистического анализа (блок 6) и, если это необходимо, Подсистемы машинного перевода, с целью ускорения процесса пополнения корпуса исходных текстов и формирования основы построения корпуса виртуальных аннотированных текстов по запросу пользователя (блок 9).

Структурно-функциональная схема
инструментально-программного комплекса

Корпусный менеджер также использует функциональность подсистемы Лингвистического анализа текстов для выполнения операций навигации, поиска, фильтрации, отбора по заданному условию наборов лингвистических сведений, самих текстов или их фрагментов на заданных естественных языках, по запросам пользователя, а также задействует возможности Подсистемы подготовки дидактических материалов для автоматического построения Учебного текста/упражнения (блок 4) для овладения заданными языками. Последнее реализуется на основании:

◆ результатов лексического, лексико-грамматического и поверхностно-синтаксического анализа, имеющего своим результатом сформированные Лингвистическим процессором кодовые цепочки тегов, отражающие лингвистическую информацию об отдельных элементах предложения, предложении и тексте в целом, являющихся результатом автоматического лингвистического анализа текста, выбранного пользователем из исходного корпуса текстов, заданного в запросе;

◆ содержащихся в лингвистической базе знаний (ЛБЗ) для поддерживаемых ЕЯ множества дидактических правил – типичных шаблонов, определяющих различные типы упражнений для овладения заданными языками, разрабатываемых лингвистами-экспертами в соответствии с программами учебного процесса, а также классификаторов свойств ЕЯ на уровне морфологии и синтаксиса, необходимых для достоверного представления текстов различных предметных областей;

◆ большой языковой модели, построенной на архитектуре Transformer и предварительно обученной или дообученной на наборах текстов из существующего корпуса исходных текстов.

В случае работы системы более чем с двумя языками может потребоваться организация многоязычного исходного корпуса для заданных естественных языков, а функциональность Подсистемы машинного перевода текстов в рамках заданной пары естественных языков автоматизирует процесс получения переводного эквивалента входного текста и гарантирует возможность унифицированной работы с текстами различных естественных языков и предметных областей пользователю ИПК при постобработке переводного эквивалента с целью улучшения качества перевода или устранения возможных неточностей за счет возможного обращения к тематическим и базовым словарям из ЛБЗ.

Таким образом, реализация инструментально-программного комплекса предполагает решение следующих задач [3].

1. На основании анализа учебно-программной документации по языковым дисциплинам, доступных лингвистических ресурсов (полнотекстовых баз данных, тематических корпусов текстов, сетевых электронных ресурсов удаленного доступа и т.д.) построить двуязычный русско-английский корпус исходных текстов, содержащих сведения об истории Республики Беларусь, подвиге белорусского народа в период Великой Отечественной войны, трудовых буднях, спортивных достижениях, современных достижениях в экономике, науке и технике.

2. Используя достижения в сфере информационных технологий и решения на базе больших языковых моделей, разработать лингвистическое обеспечение инструментально-программного комплекса в виде лингвистической базы знаний для русского и английского языков, содержащую лингвистические сведения об указанных языках на уровне морфологии и синтаксиса, а также шаблоны и систему правил, которые в совокупности определяют различные типы учебных текстов и упражнений для овладения английским языком.

3. На основании ЛБЗ, двуязычного русско-английского корпуса исходных текстов разработать алгоритмическое обеспечение инструментально-программного комплекса как набор алгоритмов и решений, позволяющих автоматизировать типовые операции: навигацию, поиск, отбор по заданному условию наборов лингвистических сведений, самих учебных текстов или их фрагментов на заданных естественных языках, формирование двуязычного русско-английского корпуса виртуальных аннотированных текстов по запросам пользователя – преподавателя-автора образовательных ресурсов, учебников, пособий и т.п.

4. Разработать опытный образец инструментально-программного комплекса, провести его эксплуатацию на базе учреждения образования «Белорусский государственный университет иностранных языков» с анализом перспектив дальнейшего развития и практического использования, подготовить соответствующие эксплуатационные и методические материалы.

Предложенное решение, реализуя автоматизацию процессов проведения лингвистического анализа с целью построения двуязычного русско-английского корпуса исходных текстов и формируемого в соответствии с требованиями пользователя двуязычного русско-английского корпуса виртуальных аннотированных текстов, как основы создания учебных текстов и разработки дидактических материалов по языковым дисциплинам, применяя методы на базе искусственных нейронных сетей и лингвистических баз знаний для русского и английского языков, обеспечивает неотделимость обучения от воспитания, способствуя формированию культуры, целостного развития всех сторон личности студента, сохранению и обогащению национальных ценностей, а также использованию информационных технологий в целях воспитания и социализации обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образование и молодежная политика : государственная программа. – 2025. – URL: <https://edu.gov.by/gosudarstvennaya-programma-obrazovanie-i-molodezhnaya-politika/> (дата обращения: 30.11.2025).
2. О грантах Президента Республики Беларусь в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики : Указ Президента Республики Беларусь от 13 сентября 2013 г. № 425. – 2025. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p31300425&q_id=&ysclid=mfgyu3q1na839008118/ (дата обращения : 17.11.2025).
3. Крапивин, Ю. Б. К вопросу разработки инструментально-программного комплекса для подготовки дидактических материалов по английскому языку / Ю. Б. Крапивин // Физико-математическое образование: традиции, инновации, перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 23–24 окт. 2025 г. / БГПУ. – Минск, 2025. – Ч. 2. – С. 61–65.

4. *Ермашкевич, Н. С.* Развитие профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики / Н. С. Ермашкевич, М. Л. Панявина, З. В. Родионова // *Лидерство и менеджмент.* – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 483–502.
5. ChatGPT. – 2025. – URL: <https://chatgpt.org> (date of access : 17.11.2025).
6. DeepSeek. – 2025. – URL: <https://deep-seek.ai> (date of access : 10.11.2025).
7. YandexGPT5. – 2025. – URL: <https://yandex.cloud/ru/services/yandexgpt> (date of access : 10.11.2025).
8. *Troeglazova, A.* Analysis of digital literacy of teachers on the use of distance learning technologies / A. Troeglazova // *Actual Problems of Education.* – ELRA, 2022. – P. 204–207.
9. *Богданова, Н. А.* Использование инструментов генеративного искусственного интеллекта при обучении произношению на продвинутом этапе / Н. А. Богданова // *Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 23–24 окт. 2024 г. / редкол. : Н. Е. Лаптева (отв. ред.) [и др.].* – Минск : МГЛУ, 2024. – С. 27–32.
10. *Горожанов, А. И.* Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений / А. И. Горожанов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 1616–1620.
11. Intercultural contact in the digital age: A review of emerging research on digitally mediated acculturation / J. Stuart [et al.] // *Advances.in/psychology.* – 2025. – Vol. 2. – P. 299–315.
12. Using Social Virtual Reality in Teaching Intercultural Communication / K. Knutzen [et al.] // *Technology, Knowledge and Learning.* – 2025. – Vol. 30, № 2. – P. 1167–1187.
13. Use of digital technologies in forming business communication skills and cross-cultural communication of students / E. F. Serdyukova [et al.] // *SHS Web of Conferences.* – 2024. – Vol. 195. – P. 1–8.
14. *Chen, H.* Exploring a Mobile Technology-Driven Model for Intercultural Communication Education / H. Chen, K. Mei // *International Journal of Interactive Mobile Technologies (iJIM).* – 2024. – Vol. 18, № 18. – P. 62–75.
15. Источники ChatGPT, Google AI и Perplexity в 2025: откуда нейросети берут информацию – ADPASS. – 2025. – URL: <https://adpass.ru/istochniki-informacii-nejrosetej/> (дата обращения : 27.11.2025).
16. AI Platform Citation Patterns: How ChatGPT, Google AI Overviews, and Perplexity Source Information [Electronic resource]. – 2025. – Mode of access: <https://www.tryprofound.com/blog/ai-platform-citation-patterns> (date of access: 27.11.2025).

Поступила в редакцию 05.01.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111-311.1«18/19»:82.02(045)

Гилеп Ольга Георгиевна

аспирант кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Volha Hilep

PhD Student of the Department of
Belarusian Philology and World Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
olga.gilep2@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕХНИКИ «ПОТОКА СОЗНАНИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. РИЧАРДСОН

В статье исследуются особенности функционирования техники «потока сознания» в произведениях известной британской писательницы первой половины XX в. Д. Ричардсон с учетом трактовок данного термина в современном литературоведении и художественных установок писательницы. В результате анализа ряда романов Д. Ричардсон из ее цикла «Паломничество» сделан вывод о характерологической, стилеобразующей и тематической функциях «потока сознания» в произведениях писательницы.

Ключевые слова: «поток сознания»; модернизм; Д. Ричардсон; литература Великобритании, художественный эксперимент.

PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF THE “STREAM OF CONSCIOUSNESS” TECHNIQUE IN THE WORKS OF D. RICHARDSON

The article examines the peculiarities of the functioning of the “stream of consciousness” technique in the works of D. Richardson, the famous British writer of the first half of the 20th century, taking into account the theories of the «stream of consciousness» in contemporary literary criticism and the writer’s aesthetic views. As a result of the analysis of a number of selected novels from D. Richardson’s cycle *Pilgrimage*, the characterological, style-forming and thematic functions of the «stream of consciousness» in the works of D. Richardson are identified.

Key words: «stream of consciousness»; modernism; D. Richardson; British literature, literary experimentation.

Дороти Ричардсон (1873–1957) – британская писательница, ставшая известной благодаря публикации цикла романов «Паломничество» (*Pilgrimage*, 1915–1938), в котором посредством квазиавтобиографической героини по имени Мириам Хендерсон рассказала о несбывшихся мечтах, травмах, депрессии, тяжелой работе и стремлении к творчеству, характеризовавших собственную жизнь писательницы в период с 1890 по 1912 год. Писала Д. Ричардсон и рассказы. Некоторые из них вошли в сборник рассказов и автобиографических зарисовок «Journey to Paradise» (1989), в основу

которого легла семейная поездка на море, в город Долиш, в 1870-х гг. Описывая свои детские воспоминания о морском побережье, Д. Ричардсон сравнивает их со своим взрослым опытом в попытке найти собственное «я».

Творчество Д. Ричардсон высоко оценивалось как современниками, так и последующими поколениями писателей и критиков, однако ее место в каноне британского модернизма все еще остается весьма спорным. Так, А. А. Колотов отмечает «вариативность» оценок значимости литературного наследия писательницы. Главный вопрос, по мнению литературоведа, заключается в том, «где это место: в специальном многостраничном разделе, посвященном ее творчеству, или же в скупых строках примечаний, набранных мелким шрифтом» [1, с. 76]. Однако несмотря на то, что Д. Ричардсон называют «великой нечитаемой писательницей» [2, с. 358], нельзя не отметить возрождение интереса к ее творчеству в современном литературоведении, в особенности к избранной Д. Ричардсон необычной форме повествования. Цель данной статьи состоит в выявлении особенности функционирования техники «потока сознания» в трех романах Д. Ричардсон из ее цикла «Паломничество» – «Острове́рхие крыши» (*Pointed Roofs*, 1915), «Заводь» (*Backwater*, 1916) и «Тоннель» (*The Tunnel*, 1919).

Новаторство романов цикла «Паломничество» было отмечено, в частности, яркой представительницей британского модернизма В. Вулф, которая видела заслугу Д. Ричардсон в создании особого типа психологизма, связанного с изображением женского сознания: «Она изобрела, или если не изобрела, то разработала и применила в своих собственных целях способ письма, который можно назвать “женским психологизмом”»¹ («She has invented, or, if she has not invented, developed and applied to her own uses, a sentence which we might call the psychological sentence of the feminine gender» [3, p. 229]). Данное высказывание В. Вулф подходит к описанию не только новаторского стиля Д. Ричардсон, но и тематики ее произведений. Во многом цикл романов «Паломничество» – это рассказ о становлении «новой женщины», создающей собственную идентичность. Так, главная героиня Мириам Хендерсон отказывается носить корсеты и обтягивающие платья, курит и даже учится кататься на велосипеде.

Другая британская писательница, современница Д. Ричардсон, М. Синклер в своей рецензии на первые три романа цикла «Паломничество», вышедшей в журнале *The Egoist* в 1918 г., впервые в литературной критике применила термин «поток сознания» («stream of consciousness») для описания метода передачи реальности посредством изображения внутреннего мира героя, использованного Д. Ричардсон в своих произведениях, который впоследствии станет одной из определяющих черт модернистского романа. Данный термин пришел в литературоведение из психологии, от описанного американским психологом У. Джеймсом хода мыслей, при котором восприятие действитель-

¹ Здесь и далее перевод наш. – О. Г.

ности, воспоминания, ассоциации и ощущения во всем своем многообразии переживаются разумом. Тем не менее сама Д. Ричардсон не согласилась с использованием термина «поток сознания» для описания собственных художественных экспериментов, назвав его неудачной метафорой. Она отвергла образ «потока» («stream») и была нетерпима к использованию данного термина в качестве удобного ярлыка для всех психологических романов, изображающих реальность посредством передачи внутреннего мира героев. В своих эссе она подчеркивала, скорее, такое качество сознания, как стабильность: «Определения сознания варьируются от одной школы мысли к другой и являются такими же неточными, как и определения того, что есть жизнь. Единственное удовлетворительное определение сознания человека – это его жизнь, что на поверхности может создать впечатление своего рода направленного потока. Но сознание – более неподвижно, чем дерево. <...> его сердцевина, его светящийся центр, разрастается от рождения к зрелости человека, но остается неизменным в течение жизни» («Definitions of consciousness vary from school to school and are necessarily as incomplete as definitions of life. The only satisfactory definition of a man's consciousness is his life. And this, superficially regarded, does seem to exhibit a sort of stream-line. But his consciousness sits stiller than a tree. <...> its central core, luminous point, tho more or less continuously expanding from birth to maturity, remains stable, one with itself throughout life» [4, p. 562]).

Тем не менее значимость техники «потока сознания» как одной из основных стилистических особенностей произведений Д. Ричардсон отмечают многие литературные критики. Так, Дж. Розенберг в своем исследовании «Dorothy Richardson: The Genius They Forgot» называет ее «создательницей потока сознания» и даже «непосредственной предшественницей “Улисса” Дж. Джойса» [5, p. ix]. Шив К. Кумар, исследуя образ главной героини цикла «Паломничество», пишет о «неразборчивом и стихийном потоке чувственных впечатлений» Мириам Хендерсон («indeterminate and primordial flow of her protagonist's stream of sensory impressions»), утверждая, что романы цикла являются художественным воплощением концепции времени и памяти философа А. Бергсона [6, p. 495]. Ш. Роуз также использует термин «поток сознания» при анализе произведений писательницы, однако в ее версии это «flux of consciousness», а не «stream of consciousness»; кроме того, следуя критическому взгляду самой Д. Ричардсон на данный термин, Ш. Роуз акцентирует «идею неизменности», лежащую в его основе, а также призывает отойти от оценки цикла романов «Паломничество» большинством критиков как «романов потока сознания» и рассмотреть их как психологические романы, «изображающие реальность через призму женского сознания» [7, p. 368]. К идее о женском «потоке сознания» в произведениях Д. Ричардсон обращается в своей диссертации российский литературовед Ю. Ю. Васильева, которая исследует акватическое мифотворчество в прозе писательниц британского модернизма. Анализируя романы Д. Ричардсон

«Острове́рхие кры́ши» и «За́водь», она утверждает, что в цикле романов разрабатывается «женский квест, отражающий формирование сознания главной героини и системы ее ценностей» [8]. Рассуждает о «потоке сознания» в романе Д. Ричардсон «Острове́рхие кры́ши» и российский литературовед А. А. Колотов. Он приходит к выводу о том, что «поток сознания в романе Дороти Ричардсон рождается в первую очередь из-за неуклонного следования автором выбранной с самого начала форме повествования и является вполне логичным следствием той последовательности, с которой автор воплощает в романе принцип показа событий с единственной точки зрения», однако подвергает сомнению то, насколько Д. Ричардсон удалось передать процесс работы сознания своей героини и полностью «раствориться» на страницах своего романа [1, с. 82].

В романах цикла «Паломничество» Д. Ричардсон повествует о, казалось бы, ничем не примечательной жизни Мириам Хендерсон – ее работе в качестве учительницы, ассистента стоматолога, переводчика и эссеиста, о ее взаимоотношениях с членами семьи, соседями, возлюбленными и семьей квакеров, у которой она живет на протяжении недолгого времени. Только несколько поездок за границу прерывают повседневность жизни Мириам, да и те проходят без происшествий. Тем не менее сама Мириам не считает свою жизнь скучной, наоборот, она не терпит, когда люди хотят поговорить с ней «не о маленьких повседневных вещах, которые дают нам представление о жизни, а только о чем-то грандиозном, что на самом деле не важно» («not about the little real everyday things that give you an idea of anything, but only the startling things that are not important») [9, p. 138].

Повествование в романах ведется в третьем лице, однако авторское всеведение ограничено точкой зрения, мыслями и впечатлениями Мириам – тем, что происходит в сознании героини. Если на первый взгляд стиль Д. Ричардсон в первом романе цикла, «Острове́рхие кры́ши», кажется весьма традиционным («Miriam left the gaslit hall and went slowly upstairs. The March twilight lay upon the landings, but the staircase was almost dark. The top landing was quite dark and silent. There was no one about. It would be quiet in her room» [10, p. 15]), то с развитием сюжета повествование перемещается в сознание юной героини, а авторский стиль усложняется («The sight amazed Miriam. She considered the swollen suffusion under the large black hat as she ran downstairs. She hoped Mademoiselle did not see her glance... Mademoiselle, standing there all disfigured and blotchy about something... it was nothing... it couldn't be anything... If anyone were dead, she would not be standing there... it was just some silly prim French quirk... her dignity... someone had been "grossière" ... and there she stood in her black hat and black cotton gloves. ...» [10, p. 244]).

Характерен для «потока сознания» в романах Д. Ричардсон и принцип ассоциативности. Так, во втором романе цикла, «За́водь», когда повозку, в которой едут Мириам со своей матерью, подбрасывает на ухабе, автор следующим образом показывает то, как от впечатлений о неровной дороге

героиня переходит к воспоминаниям о Ганновере, где она работала учительницей: «The little shock sent her mind feeling out along the road they had just left. She considered its unbroken length, its shops, its treelessness <...> The people passing along them were unlike any she knew. They were all alike. They were ... She could find no word for the strange impression they made. It colored the whole of the district through which they had come. It was part of the new world to which she was pledged to go on September 18th. It was her world already, and she had no words for it. She would not be able to convey it to others. She felt sure her mother had not noticed it. She must deal with it alone. To try to speak about it, even with Eve, would sap her courage. It was her secret. A strange secret for all her life as Hanover had been. But Hanover was beautiful...» [9, p. 12].

Еще одной отличительной особенностью техники «потока сознания» в произведениях Д. Ричардсон, которую отмечают такие литературоведы, как С. Крейн и А. Линдсбург, является использование многоточий, которые нарушают привычное синтаксическое построение предложения и указывают на промежутки между впечатлениями в сознании героини. Данный прием можно проиллюстрировать на примере эпизода из романа «Тоннель», в котором мы видим первое возвращение Мириам домой после того, как ее мать в результате тяжелой депрессии оканчивает жизнь самоубийством: «She was surprised now at her familiarity with the detail of the room . . . that idea of visiting places in dreams. It was something more than that . . . all the real part of your life has a real dream in it; some of the real dream part of you coming true» [11, p. 3]. А в романе «Островерхние крыши» автор таким образом передает внутренние переживания Мириам, связанные не только с попытками героини определить культурные различия и сходства между Германией и ее родной Англией, но и осмыслить собственную женскую идентичность: «Would it always be that... living with exasperating women who did not understand... pretending... grimacing? ... Were German women the same? She wished she could tell Eve the things she was beginning to feel about women. These English girls were just the same. Millie... sweet lovely Millie. ... How she wished she had never spoken to her. Never said, “Are you fond of crochet?” ...» [10, p. 100].

В целом романы писательницы отличаются экспериментами с пунктуацией и грамматическими формами. Таким образом Д. Ричардсон, в частности, показывает, как работа сознания Мириам Хендерсон усложняется с возрастом. Если в первом романе цикла, «Островерхние крыши», встречаются короткие и несложные предложения, отражающие юность и неопытность главной героини («Miriam's amazement silenced her. She stood back from the mirror. She could not look into it until Harriett had gone. The phrases she had just heard rang in her head without meaning. But she knew she would remember all of them» [10, p. 17]), то по мере того, как развивается ее сознание, а сама Мириам становится более мудрой и рассудительной, предложения удлиняются, и их синтаксис усложняется («Miriam tried to see Mrs. Bailey presiding, the huge table lined with guests. She doubted. Those boarding-houses in Woburn Place, the

open windows in the summer, the strange smart people, in evening dress, the shaded lamps, she would be lost. She could never hold her own. The quiet house would be utterly changed. There would be people going about, in possession, all over the front steps and at the dining-room windows and along the drawing-room balcony» [11, p. 308]).

Таким образом, литературное наследие Д. Ричардсон представляет особый интерес с точки зрения раннего этапа модернизма в британской литературе, так как именно она одной из первых начинает разрабатывать и использовать в своем творчестве такую технику, как «поток сознания», которая появляется и в романах, и в ее рассказах. К отличительным чертам использования «потока сознания» в творчестве писательницы можно отнести его особую роль в раскрытии личности героев без вмешательства авторского голоса, то есть он несет в себе характерологическую функцию; особенности передачи «потока сознания» на страницах произведений Д. Ричардсон также имеют стилеобразующую функцию, позволяя выделить ее из ряда других писателей, прибегавших к данной технике. Через «поток сознания» раскрывается и тематическое содержание ее произведений: переосмысление гендерных ролей, поиск идентичности, межличностные отношения и переживание травм, связанных с психологическим состоянием героини.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колотов, А. А. Ангел-хранитель Мириам Хендерсон : «поток сознания» и повествовательная точка зрения в романе Дороти Ричардсон «Острова на крыше» / А. А. Колотов // Филологический сборник : Литературы Западной Европы – От эпохи Возрождения к XXI веку : Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск : РИО КГПУ, 2002. – С. 76–92.
2. Красавченко, Т. Ричардсон Дороти / Т. Красавченко // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А. П. Саруханян. – М. : Наука, 2005. – С. 355–358.
3. Woolf, V. Romance and the Heart / V. Woolf // The Nation and The Athenaeum, Literary Supplement. – 1923. – P. 229.
4. Kunitz, S. J. Authors Today and Yesterday / S. J. Kunitz. – N.Y. : The H. W. Wilson Company, 1934. – 726 p.
5. Rosenberg, J. Dorothy Richardson : The Genius They Forgot / J. Rosenberg. – London : Duckworth, 1973. – 212 p.
6. Kumar, Sh. Dorothy Richardson and the Dilemma of 'Being versus Becoming' / Sh. Kumar // Modern Language Notes. – 1959. – Vol. 74, No. 6. – P. 494–501.
7. Rose, Sh. The Unmoving Center : Consciousness in Dorothy Richardson's 'Pilgrimage' / Sh. Rose // Contemporary Literature. – 1969. – Vol. 10, No. 3. – P. 366–382.

8. *Васильева, Ю. Ю.* Акватическое мифотворчество в прозе писательниц британского модернизма : монография / Ю. Ю. Васильева ; под ред. Е. Г. Доценко. – Екатеринбург : Уральский государственный университет путей сообщения, 2021. – 200 с.
9. *Richardson, D.* Backwater / D. Richardson. – London : Duckworth & Company, 1916. – 286 p.
10. *Richardson, D.* Pointed Roofs / D. Richardson. – New York : Knopf, 1919. – 286 p.
11. *Richardson, D.* The Tunnel / D. Richardson. – London : Duckworth & Company, 1919. – 308 p.

Поступила в редакцию 17.10.2025

УДК 821.133.1

Квачек Анна Валентиновна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры романского языкознания
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Kvachek

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Roman Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
frkv76@yandex.by

**Ж.-М. Г. ЛЕКЛЕЗИО И ФИЛОСОФСКИЙ РЕНЕССАНС
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЕ XX–XXI ВВ.**

На фоне мировой литературы и философии Жан-Мари Гюстав Леклезио выступает как гуманист и мыслитель, обсуждающий крупнейшие вопросы бытия. Концепция номадизма франко-маврикийского писателя сочетает в себе мысль, слово, поведение, танец, музыку и магию. Ренессанс нарративной идентичности Леклезио есть уникальный путь автора в поисках истины.

Ключевые слова: лирико-философская проза; номадизм; нарративная идентичность; маврикийский цикл; роман.

**J.-M. G. LE CLÉZIO AND THE PHILOSOPHICAL RENAISSANCE
IN 20th–21st CENTURY FRENCH PROSE**

Against the backdrop of world literature and philosophy, Jean-Marie Gustave Le Clézio emerges as a humanist and thinker who discusses the greatest questions of existence. The Franco-Mauritian writer's concept of nomadism combines thought, words, behavior, dance, music and magic. Le Clézio's renaissance of narrative identity is the author's unique journey in search of truth.

Key words: lyrico-philosophical prose; nomadism; narrative identity; mauritian cycle; novel.

Творчество Жана-Мари Гюстава Леклезио представляет собой целостную и своеобразную картину мира, связанную с историей семьи писателя. В России книги Ж.-М. Г. Леклезио привлекли внимание литературоведов Т. Балашовой, С. Зенкина и Ю. Уварова [1; 2; 3]. В 1998 году В. Б. Сафронова выделила ключевые идеи художественного содержания и ряд стилистических особенностей его ранней прозы [4]. Большинство российских ученых исходят из положения, что роман «Пустыня» подводит итог творчеству Леклезио. Белорусский литературовед О. Ф. Жилевич в диссертации «Раман-прытча ў французскай літаратуры другой паловы XX ст. (Ж.-М. Г. Леклезіё і М. Турнье)» (2009) также изучила роман Ж.-М. Г. Леклезио «Пустыня», используя методологию мифокритики [5].

Зарубежное леклезиоведение обнаруживает в произведениях франко-маврикийского писателя мотив «разрыва», который в настоящее время еще не в полной мере отрефлексирован. Французские исследователи Ж. Мишель и Т. ди Сканно проанализировали содержание и структуру романа «Пустыня»,

рассмотрев параллелизм текстов и эволюцию художественного мирозерцания Леклезио [6; 7]. Американский литературовед Дж. Ваэльти-Уолтерс проводит психомифологический анализ произведений Леклезио на основе древнегреческих мифов [8]. Канадский исследователь Р. Хольцберг рассмотрела функции интертекста в эстетической позиции писателя, выделив концепт «тишины» в качестве ключевого [9].

Французский литературный критик, писатель и журналист, автор колонки в одном из авторитетнейших изданий Франции «Le Monde» Патрик Кешишиан (Patrick Kéchichian) в статье от 10.10.2008 «Le Clézio, Nobel de “la rupture”» отмечает, что подобная позиция – не эстетический каприз, а экзистенциальный выбор [10].

Еще один обозреватель упомянутого издания, писатель, профессор из университета Гренобля Фредерик-Ив Жанне (Frédéric-Yves Jeannet) в статье «Жан-Мари Гюстав Леклезио, или незаслуженный Нобель» придерживается иного мнения, полагая, что Леклезио не относится к «нобелизабельным» («nobélisable») авторам. С его точки зрения, только первые романы Леклезио, отражавшие его эксперименты в жанре «Нового романа», еще можно поставить в один ряд с произведениями признанных мастеров художественного слова, которые публикует «Библиотека Плеяды» (наиболее престижная книжная серия во Франции). Однако этот «многословный и болтливый писатель» («un écrivain proluxe et bavard»), как его характеризует Ф.-И. Жанне, с 1980 г. стабильно выдает исключительно бестселлеры. Критик отмечает, упрекая Леклезио в однообразной и банальной манере повествования, что популярность и количество переводов не должны затмевать достоинства стиля, потому что подлинную литературу непросто транслировать на другие языки [11].

Вслед за авторитетным мнением преподавателя французской литературы на редакцию «Монд» обрушился целый шквал гневных писем от почитателей таланта Леклезио. Медиатор издания Вероника Морюс (Véronique Maurus) выступила в качестве посредника в споре противников и защитников нобелиата [12].

Исследователи творчества Леклезио отмечают «многоголосие» авторских интонаций, выразительное сочетание вымысла и автобиографичности, тематику философских эссе и переводы с экзотических языков.

Многоязычное дитя сложной и противоречивой эпохи, Ж.-М. Г. Леклезио родился в разгар Второй мировой войны, вырос в период «славного тридцатилетия» (с 1946 по 1975 г.) и был свидетелем «интеллектуальной революции» в мае 1968 г. Сюжеты романов Леклезио осмысляют сложные события в мире, проблемы окружающей среды, а также зависят от личного опыта автора, его эстетических представлений о романе и его функции. Произведения классика мировой литературы охватывают период с 1963 г. по настоящее время.

Проза Ж.-М. Г. Леклезио может служить примером взаимовлияния происхождения, различных систем мышления, творческого пути и их более чем успешной интеграции в идиостиль писателя. Семья бретонских эмигрантов после вынужденного бегства из Франции жила на о. Маврикий, и сам Леклезио всю жизнь перемещается из одного культурного ареала в другой: Северная, Центральная и Южная Америка, Великобритания, Африка, Азия, Корея. «Кочевнический» образ жизни писателя способствует созданию тематических циклов и переключкам между произведениями.

Историческое прошлое и семейная «летопись» выступают в качестве эстетических ориентиров Ж.-М. Г. Леклезио. Романист стремится разобраться в причинах катастрофического поворота в семейной истории, в результате которого возникли предпосылки к формированию нарративной идентичности. Проза Ж.-М. Г. Леклезио философски обобщает многогранный поиск автором креативных способов и форм осмысления противоречивого и трагического прошлого своей семьи.

В эпоху глобализации, когда многим этносам угрожает потеря этнической сущности, творчество франкоязычного писателя Жана-Мари Гюстава Леклезио приобретает особую значимость. Все, чем богата самобытная душа полиэтнического автора – языковая картина мира с ее колоритными средствами, которые формируют особую художественную реальность, национально окрашенные фразеологизмы, архетипы, символы, образные сравнения и метафоры, наряду с аутентичной культурой и коллективным мировоззрением – все эти несметные и бесценные сокровища стремится сохранить и показать миру писатель. В прозе Леклезио сливается воедино мысль, слово, поведение, танец, музыка и магия. Именно этот синтез важен – не как результат, а как уникальный путь поиска истины.

Творческое наследие писателя представляет собой своего рода эстетическую апологию: Леклезио возмущен тем, как древние культуры постепенно исчезают, не в силах противостоять неумолимой глобализации. В произведениях Леклезио часто слышно самое искреннее сострадание и сопереживание тем, кто защищает свою аутентичность, кто отстаивает свое право на внутреннюю свободу. Автор воплощает собой архетип «воина пера», для которого это не просто украшение, но и магический амулет. У индейцев, а Леклезио сам себя называет индейцем, головной убор из орлиных перьев был символом мужества в бою. Один в поле, или правильнее сказать, в пустыне – воин, доказывает писатель на протяжении всего творческого пути. Леклезио сражается с несправедливостью в любой форме.

Творческий поиск Леклезио проходит в постоянном душевном напряжении и движении от кризиса к обновлению. Именно эта сложность и противоречивость делает прозу Леклезио значимым социокультурным феноменом современного литературного процесса. Истории о путешествиях отважных и непокорных предков, привязанность к бретонской, индейской,

маврикийской, африканской культурам побуждают писателя к обличению бесчеловечности. Несомненные привилегии «номадизма» Леклезлио заключаются и в том, что, на наш взгляд, ему удалось на основе стилистических ресурсов французского языка, в первую очередь метафоры, метонимии, особенно таких ее вариантов, как синекдоха, создать поэтическую импровизацию ценностей, мировоззрения и культурного сознания иных, отличных от европейской, цивилизационных систем.

На фоне почти всех классиков XX–XXI веков Ж.-М. Г. Леклезлио предстает как признанный мастер лирико-философской прозы. Писатель неизменно опирается на уникальный личный опыт, на неповторимый путь духовного становления. Способность к поиску идентичности, осмысление пути связаны с насыщенной духовной жизнью писателя, с его «номадизмом» и его «бунтарской» эстетикой.

Одним из самых ярких завоеваний лирико-философской прозы Леклезлио является поэтика, воспроизводящая духовный путь личности через динамику внутреннего роста, от депрессии к возрождению. Проводником персонажа выступает философствующий «писатель». Подробные описания жизни героя, автобиографизм, патетика в цикле маврикийских романов о поиске недостижимого совершенства и гармонии с природой – все эти аспекты сближают классика современной литературы с признанными мастерами русского биографического романа, в первую очередь с Л. Н. Толстым. Свойственная великому русскому писателю установка на этическое совершенствование, достижимое путем аскетизма, хотя и претерпела существенные поэтико-структурные изменения, тем не менее тщательно проработана и в романах Ж.-М. Г. Леклезлио.

Новый тип образности, сформированный в лирико-философской прозе франкоязычного писателя, нуждается в литературоведческом осмыслении. Мастер художественного слова и своего рода предтеча «лирико-философского ренессанса XXI века», Леклезлио, словно медиум, чувствующий информационное поле, слышит дух эпохи, озвучивает его в мировой литературе, творчески осваивает и передает читателям.

Актуализация лирико-философского начала в прозе конца XX – начала XXI века обусловлена общекультурными тенденциями постмодернизма. В произведениях Леклезлио активно взаимодействуют культура, философия, литература, этика, религия и быт. Этот динамичный и гибкий взаимообмен привел к созданию неожиданных и многообразных гибридов. Как представитель «нового романа» Леклезлио не имел в начале своего писательского пути явную предназначенность стать творцом полноценной лирико-философской прозы. Однако со временем он осознал неповторимость собственного духовного опыта, что является важным условием успешного философствования. Именно трагичность судьбы Леклезлио, которая выразилась в его одиночестве и отчуждении, обеспечила серьезность и ответственность авторской позиции в зрелом творчестве. Леклезлио первым из писателей

французского постмодерна осуществил новаторское изображение духовной реальности в предельно обобщенной и вместе с тем подчеркнута личностной форме.

Динамика прозы Леклезю дает возможность проанализировать многозначность, амбивалентность, диалогичность и синтетичность способа повествования и уникальности авторской позиции, ее лиричность, условную биографичность, философичность, маргинальность, символичность и экспериментальность. Структура и основные компоненты романного мира Леклезю обусловлены творческим арсеналом писателя, на который оказали влияние принципы этнической толерантности и рефлексии.

Для философской поэтики Леклезю характерно сочетание острого трагизма с мудрой просветленностью. Порой на фабульно-сюжетном уровне чувствуется безысходность, однако преобладает внутренняя энергетика лирической философии автора и неизменный импульс к духовному возрождению, характерный для «маврикийского цикла» романов и обусловленный его философской природой. Степень духовной независимости, глубины, света и добра, понимания сложности бытия в лирико-философской прозе Леклезю на самом деле больше, чем негодования и обличения.

Именно творческие находки Ж.-М. Г. Леклезю позволяют выявить новый тип лирико-философской прозы, который формируется на рубеже эпох. Истоки философствования Ж.-М. Г. Леклезю обусловлены диалектическим единством творческой личности писателя, а также своеобразием его художественного сознания. Способом описания этого явления станет наблюдение за переключением от одного культурного языка к другому (перехода от искусства к философии, философии к быту, поведению, религии, науке, игре и т. д.).

Романный мир Леклезю как комплекс текстов сложно определить по способу их создания и функционирования. Его требуется изучать не только как эмпирическую данность, но и как потенциальную возможность взаимодействия и диалога культурных феноменов. Художественный мир Леклезю предстает как система средств общенационального языка и в то же время ассоциативный словарь, в котором слово получает мотивировку и становится рефлексивным. Авторский лексикон Леклезю, наряду с концентрацией метафор, огромной силой обобщения, семантической емкостью, фонетической организацией образует экспрессивность творческой манеры писателя. Примером тому служит так называемый «маврикийский цикл» романов Ж.-М. Г. Леклезю.

Маврикийский цикл – пенталогия, состоящая из романов «Золотоискатель» (*Le chercheur d'or*, 1985), «Путешествие на Родригес» (*Voyage à Rodrigues*, 1986), «Карантин» (*La Quarantaine*, 1995), «Революции» (*Révolutions*, 2003) и «Альма» (*Alma*, 2017). В ней находят свое отражение межличностные конфликты, обусловленные жестоким и страшным периодом колонизации.

Романная пенталогия носит ярко выраженный автобиографический отпечаток, раскрывая перед читателем драматические события семейной хроники. Автобиографическое начало и художественный вымысел соединены в маврикийском цикле, что позволило Леклезю, благодаря фактам собственной семейной летописи, рассказать о судьбах многих соотечественников, изобразить типичного современника и, благодаря обращению к устойчивым образам и мотивам, расширить эпическое полотно до мировых масштабов.

Маврикийский цикл, при всей его субъективной поэтичности, создает иллюзию достоверной и конкретной исторической ситуации. Писатель искусно вплетает в повествование историко-культурные реалии, предметные детали и подробности экзотического островного быта британской колонии.

Маврикий под пером писателя превращается в сцену, на которой разыгрывается этническая драма. Произведения Леклезю этого периода носят ярко выраженный автобиографический отпечаток, раскрывают перед читателем драматические события семейной хроники. Автор соотносит себя со своими предками, заложниками сложной и трагической эпохи, для которых выбор роли палача или жертвы являлся ключевым. Путем трансформации и переосмысления писатель воскрешает в романах маврикийского цикла частные события (разорение семьи) и индивидуальные характеры (отец, мать, сестра), исторически обобщает их, обращаясь в этом пространстве памяти к фактам собственной духовной жизни.

Маврикийский цикл Леклезю – целостная и структурированная система художественных средств, своего рода эстетическое сообщение, адресованное читателю, который должен проявить творческую активность. В качестве эстетических ориентиров Ж.-М. Г. Леклезю выступают историческое прошлое и семейная «летопись». Романист стремится разобраться в причинах катастрофического поворота в семейной истории, попутно создавая нарративную идентичность. Проза Ж.-М. Г. Леклезю философски обобщает многогранный поиск автором креативных способов и форм осмысления противоречивого и трагического прошлого своей семьи.

Для романов Ж.-М. Г. Леклезю характерны углубленный историзм и философская обобщенность. Его романский мир как своеобразный художественно-эстетический документ эпохи постмодерна репрезентативно иллюстрирует ключевые пути, направления и способы осмысления человека и мира в современном литературном процессе.

В сложную историческую, национальную и культурную эпоху Ж.-М. Г. Леклезю воплотил мировоззрение художника слова, отрефлексировав общественно-политические события, осмыслив их последствия в морально-этической деформации личности, и показал путь ее духовного преображения. При этом система координат франкоязычного писателя определяется не античной основой, а творческим использованием наследия неевропейских цивилизаций и мировой классики XIX–XX веков.

Несомненная заслуга Леклезю видится в выработке исключительно гибкой и динамичной позиции повествователя на условно-биографическом фундаменте. Именно Леклезю с его мастерством успешно осуществил в «маврикийском цикле» эстетический замысел, создав художественно-философское полижанровое единство. Композиционно это иерархическое единство по сложности связей напоминает библейский гипертекст. «Индийски» пестрая проблематика прозы Леклезю пронизана «вечными» мотивами, типичными для философской традиции. Смысловое поле лирико-философской прозы Леклезю выстроено как динамичное диалогизированное пространство мысли о детях и стариках, о будущем и прошлом, о настоящем и бесконечности, о культурном сознании и национальном характере, о жизни и смерти, о небе и земле, о Европе и других цивилизациях, о добре и зле. На рубеже веков Леклезю виртуозно играет знаками разных культур, жанровых тенденций. Поиски гармонии привели писателя к художественно-философскому использованию идей и символов, что выступило стимулом усиления парадоксальности творческого сознания. Леклезю наиболее полно реализовал в XX–XXI вв. и основал на целостном личном опыте самоизменение в процессе поиска истины.

Генезис лирико-философской прозы Ж.-М. Г. Леклезю в «маврикийском» цикле позволяет предположить, что новая форма художественно-философской образности подготовила лирико-философский ренессанс XXI века как возрождение гуманистических ценностей и идеалов, утраченных в современном мире. Ценностный вектор авторского слова обусловлен динамикой переключений повествователя из лирического плана в философский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балашова, Т. В.* Французский роман 60-х гг. Тенденции и новаторство / Т. В. Балашова. – М. : Высш. школа, 1965. – 104 с.
2. *Зенкин, С.* Люди пустыни / С. Зенкин // Лит. обозрение. – 1985. – № 3. – С. 66–68.
3. *Уваров, Ю. П.* Современный французский роман (60–80-е годы) / Ю. П. Уваров. – М. : Высш. школа, 1985. – 96 с.
4. *Сафронова, В. Б.* Эволюция творчества Жана-Мари Гюстава Леклезю (от «Протокола» к «Пустыне») : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Сафронова Виктория Борисовна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1998. – 233 л.
5. *Жылевiч, В. Ф.* Раман-прытча ў французскай лiтаратуры другой паловы XX ст. (Ж.-М. Г. Леклезiё i М. Турнье) : дыс. ... канд. фiлал. навук : 10.01.03 / Жылевiч Вольга Фёдараўна ; Бел. дзярж. ун-т. – Мiнск, 2008. – 114 л.

6. *Michel, J.* Une mise en récit du silence: Le Clézio, Bosco, Gracq / J. Michel. – Paris : Librairie Jose Corti, 1986. – 184 p.
7. *Scanno, T. di.* La vision du monde de Le Clézio. Cinq études sur l'oeuvre / T. di Scanno. – Paris : Nizet, 1983. – 136 p.
8. *Waelti-Walters, J.* Icare ou l'évasion impossible. Étude psychomythique de l'oeuvre de J.-M. G. Le Clézio / J. Waelti-Walters. – Sherbrooke : Editions Naaman, 1981. – 132 p.
9. *Holzberg, R.* L'oeil du serpent: dialectique du silence dans l'oeuvre de J.-M. G. Le Clézio / R. Holzberg. – Sherbrooke : Editions Naaman, 1981. – 188 p.
10. *Kéchichian, P.* «Le Clézio, Nobel de “la rupture”» / P. Kéchichian // Le Monde. – 10.10.2008. – URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2008/10/10/le-clezio-nobel-de-la-rupture_1105439_3260.html (date d'accès: 03.11.2025).
11. *Jeannet, F.-Y.* Jean-Marie Le Clézio ou le Nobel immérité / F.-Y. Jeannet // Le Monde. – 18.10.2008. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2008/10/18/jean-marie-le-clezio-ou-le-nobel-immerite-par-frederic-yves-jeannet_1108474_3232.html (date d'accès: 03.11.2025).
12. *Maurus, V.* Querelle littéraire / V. Maurus // Le Monde. – 25.10.2008. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2008/10/25/querelle-litteraire-par-veronique-maurus_1111071_3232.html (date d'accès: 03.11.2025).

Поступила в редакцию 13.11.2025

УДК 821.111(73)

Криштоп Инесса Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры профессиональной
иноязычной подготовки
Барановичский государственный
университет
г. Барановичи, Беларусь

Inesa Kryshtop

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Professional Foreign Language Training
Baranavichy State University
Baranavichy, Belarus
inessa_top@mail.ru

МОТИВ ГРАНИЦЫ В РОМАНЕ КАРЕН ТЕЙ ЯМАСИТЫ «TROPIC OF ORANGE»

В статье исследуется специфика мотива границы как основополагающего элемента в романе американского писателя К. Т. Ямаситы «Tropic of Orange». Установлено, что семантическое наполнение мотива позволяет автору рассмотреть такие смысловые пласты, как диалектика фактического и иллюзорного, физического и духовного, прошлого, настоящего и будущего, своего и чужого. Более того, «Tropic of Orange» – это размышление об искусственных барьерах между человеком, природой и обществом, представителями разных национально-этнических общностей. Также автор затрагивает вопрос о принятии границ: в этом контексте они представляются как субъективные барьеры, возникающие в сознании индивида.

Ключевые слова: мотив; граница; оппозиция; художественное пространство и время; магический реализм; американская литература.

THE MOTIF OF BORDER IN KAREN TEI YAMASHITA'S NOVEL *TROPIC OF ORANGE*

The article explores the motif of border as a basic element in the novel *Tropic of Orange* written by an American author Karen Tei Yamashita. It is proved that the semantic content of the motif allows the author to analyze such levels of meaning as the dialectic of the actual and the illusory, the physical and the spiritual, the past, the present and the future, one's own and someone else's. Moreover, *Tropic of Orange* is a reflection on artificial barriers that are created among man, nature and society, representatives of different national and ethnic communities. As well, the author discusses the issue of accepting borders: in this context they are presented as subjective barriers arising in the consciousness of the individual.

Key words: motif; border; opposition; artistic space and time; magical realism; American literature.

В гуманитарных исследованиях осмысление феномена границы варьируется от его представления как реально существующего явления до культурно-символического факта и далее – дискурсивной (текстовой) конструкции, т. е. помимо обозначения реальной линии или поверхности, отделяющей одну территорию, область, объект или процесс от других, граница может показывать соотношение данности и возможностей, выступать инструментом толкования мира, самовыражения и самоидентификации.

На особую роль границы как важнейшего элемента смыслообразования и пространственно-временной структуры в произведении искусства указывают такие известные ученые, как М. М. Бахтин [1], Ю. М. Лотман [2], В. Н. Топоров [3], Е. Д. Тamarченко [4] и др.

Так, всемирно известный филолог М. М. Бахтин представил свое понимание границы и ее функций в работе «К вопросам методологии эстетики словесного творчества»: «Каждый культурный акт существенно живёт на границах <...> отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 282]. Очевидно, что граница является особым пространством, где культурные ценности и даже эпохи встречаются, «напряженным полем, образуемым между разными культурными моделями, формами мышления и т. д.» [5].

На способность границы выступать в качестве места взаимопроникновения двух противоположностей, взаимодействие которых стимулирует культурное развитие в целом, указывает Ю. М. Лотман. При этом ученый уточняет: «То, каким образом делится текст границей, составляет одну из существенных его характеристик. Это может быть деление на своих и чужих, живых и мертвых, бедных и богатых» [2]. Соответственно, в художественной литературе многочисленные образы, персонажи и фрагменты реальности формируются и существуют на границах культурных миров, проявляющихся в бинарных оппозициях различного порядка. При этом «в условиях драматизации конфликта <...> границы между членами противопоставлений, между героем и его антагонистом, означаемым и означающим, именем собственным и именем нарицательным, могут становятся призрачными» [3, с. 194–195]. Эту идею поддерживает и Е. Д. Тamarченко. Он указывает на то, что граница в тексте может выступать как точка, «где неразлично сливаются и неслиянно и нераздельно присутствуют разграничиваемые области и противоречия» [4, с. 132], т. е. вымышленный мир становится местом объединения культурных, общественно-исторических и познавательных противоречий. В результате создаются условия, облегчающие процесс символизации [3, с. 205]. Этим объясняет тот факт, что в лучших произведениях мировой художественной литературы, как правило, описываются не обычный человек и его рутинная повседневность, а личность, находящаяся «на границе – психики, социальных норм, культуры, эпохи и т. д. Человек на границе отличается напряженной внутренней работой, его поведение – повышенной индивидуальностью, непредсказуемостью и свободой» [5]. Соответственно, в центре внимания Я. Коласа, И. Мележа, А. Дударева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Г. Г. Маркеса, Ф. Кафки, Дж. Купера, М. Твена, В. Набокова и многих других известных художников слова находятся границы между реальностью и фантазией, жизнью и смертью, языком и сознанием, словом и смыслом, добром и злом, рациональным и иррациональным, сознательным и бессознательным, законом и хаосом и т. д.

В данной работе при помощи описательного, герменевтического и культурно-исторического методов рассматриваются особенности функционирования мотива границы в романе Карен Тей Ямаситы «Тропик апельсина».

Методологическую основу исследования составили работы в области мотивного анализа художественных произведений таких ученых, как Б. М. Гаспаров, В. П. Руднев, И. В. Силантьев, И. Н. Сухих, И. В. Жук, В. А. Коваленко. Целям и задачам данного исследования соответствует определение мотива, сформулированное Б. М. Гаспаровым: «В роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте <...> он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» [6, с. 30–31]. Белорусский исследователь И. В. Жук уточняет, что мотивы – это «повествовательные единицы, облагороженные “кристаллами” дополнительных смыслов, запечатленных в течение длительной культурной жизни» [7, с. 13]. Соответственно, они не только служат для передачи событийности, но и выражают определенные транстекстовые обобщения, размыкают «художественный мир в творчество писателя и в литературную историю» [8, с. 287].

На рубеже XX–XXI веков с помощью мотива границы, акцентирующего дуализм мировосприятия, американская писательница японского происхождения Карен Тей Ямасита (Karen Tei Yamashita, 1951) продолжает литературную традицию исследования глубинных аспектов сосуществования человека и окружающей его среды – социальной и природной. Библиография автора, помимо романа «Tropic of Orange» («Тропик апельсина» (перевод наш. – И. К.), 1997), включает такие произведения, как «Through the Arc of the Rain Forest» (1990), «Circle K Cycles» (2001), «I Hotel» (2010). В них К. Т. Ямасита обращается к темам миграции, экологии, экономического империализма, социально-этнического неравенства, роли СМИ и научно-технического прогресса. Особое внимание американская писательница уделяет проблемам существования мультикультурных сообществ, что обусловлено в том числе обстоятельствами ее личной жизни. Она родилась в Окленде, штат Калифорния, в семье бывших заключенных лагеря для интернированных японцев. Будущая писательница и преподаватель азиатско-американской литературы один год провела за границей, обучаясь в университете Васэда в Токио, а в 1975 году отправилась в Сан-Паулу для изучения японской иммигрантской общины. В латиноамериканской стране К. Т. Ямасита прожила более девяти лет. Там же она вышла замуж за художника и архитектора Роналду Лопеша де Оливейру, с которым у нее двое детей. На данный момент автор рассказов, романов и драматических произведений вместе с семьей живет в Санта-Крузе, штат Калифорния, который она описывает как место «странных столкновений, перекресток старого и продолжающегося

эксперимента <...> альтернатив и смешений, обменов и выборов, возможностей и свободы» [9]. К. Т. Ямасита удостоена нескольких премии за выдающийся вклад в американскую литературу, включая награду от Национального книжного фонда в 2021 году.

Гетерогенность американской действительности, идейный плюрализм и многовекторность ценностных ориентаций становятся истоками жанрово-стилистических экспериментов в произведениях Карен Тей Ямаситы. В них одновременно присутствуют фрагментарность, гротеск, остросатирическая направленность, элементы магического реализма, научной фантастики, детективной истории, постколониальной литературы [10]. Однако объединяющим конструктом является эстетическое «освоение» последствий культурного и техногенного воздействия человека на окружающий природный мир. Поэтому экологическая проблематика, реализуемая посредством детального анализа отношений между человечеством и окружающей средой, – основа творческой парадигмы К. Т. Ямаситы.

В культурном пространстве США большое значение придают фронтиру – зоне освоения, точке встречи «дикости и цивилизации» [11]. Подвижная граница-линия, перемещавшаяся на североамериканском континенте на протяжении трехсот лет, выступила ключевым фактором общественно-исторического развития страны, а также «выплавления» из многообразных социальных, этнических, религиозных и индивидуальных особенностей собственно национально-американского сознания» [11] – формирования концепции американской идентичности.

Мотив подвижной границы становится определяющим повествовательным приемом в романе К. Т. Ямаситы «Тропик апельсина». Судьбы героев произведения, принадлежащих к разным этническим и социальным группам, связаны с Северным тропиком, или тропиком Рака – широтой, где солнечные лучи падают перпендикулярно к Земле в полдень во время летнего солнцестояния. Известно, что географическое положение тропика не является строго фиксированным: каждый год отмечаются изменения его координат, поскольку они зависят от наклона оси вращения Земли, на которую оказывают влияние многочисленные факторы. Один из наиболее существенных – глобальное потепление.

Роман «Тропик апельсина» состоит из 49 глав, разделенных на семь групп в соответствии с днями недели. В свою очередь каждый день включает истории семи основных героев произведения. Действие романа начинается в понедельник (в день летнего солнцестояния) в усадьбе репортера крупной газеты Лос-Анджелеса Габриэля Бальбоа (Gabriel Balboa), располагающейся недалеко от мексиканского города Масатлана. Рафаэла Кортес (Rafaela Cortes) присматривает за старым, изможденным апельсиновым деревом – потомком саженца, привезенного из Бразилии еще в XIX веке. Принципиально важной художественной деталью становится то, что хозяин поместья посадил растение именно на тропике Рака: *It was a rather sorry tree.*

<...> *It was the only citrus tree in the garden that had a fruit on it. <...> It was a navel orange tree, maybe the descendant of the original trees first brought to California from Brazil in 1837 and planted by L. C. Tibbetts. <...> Gabriel had taken some pains to plant the tree as a marker – to mark the Tropic of Cancer* [12, с. 13] На дереве вырастает только один плод, который по мере развития сюжета демонстрирует удивительные свойства – он способен изменять природные условия окружающей его среды, как это обычно происходит при пересечении географических поясов: *But from the very beginning Rafaela somehow felt this particular orange was special <...> Rafaela noticed a line – finer than the thread of a spiderweb – pulled with delicate tautness* [12, с. 14].

Нельзя не обратить внимание на ироничное замечание автора романа о том, что тропик Рака является одной из немногих естественных границ на Земле: *That is a border made plain by the sun itself, a border one can easily recognize* [12, с. 64]. Таким образом, линия-широта противопоставляется рукотворной границе, расположенной между двумя странами на североамериканском континенте и остающейся камнем преткновения долгие годы: *...every time there's a raid somewhere, folks get split up. Get deported to the border while the babies get left behind <...> Anyone knows the price at the border. Five hundred dollars max to cross by car. Fake documents. Door-to-door service. But that's the Mexican price* [12, с. 87]. Более того, в главе 21 К. Т. Ямасита напоминает обстоятельства, при которых некогда принадлежавшие Мексике земли Калифорнии перешли во владение США, а также указывает на трудности в общении двух стран.

Когда таинственный Аркангел (Arcangel) подбирает необычный апельсин, тропик Рака начинает перемещаться вместе с ним на север. Это становится причиной природных аномалий и, следовательно, человеческих жертв. Однако живущие в Лос-Анджелесе четыре главных героя – муж Рафаэлы Бобби Нгу (Bobby Ngu), телепродюсер Эми (Emi), уличный активист и социальный работник Баззворм (Buzzworm), бездомный дирижер Манзанар Мураками (Manzanar Murakami) – не сразу замечают апокалиптические изменения, а также никто из них не понимает истинных причин странных явлений.

Плод цитрусового дерева, будучи частью предметного мира, «подключается к сфере духовного и человеческого <...> обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что <...> больше связано с человеческим» [3, с. 29]. Однако в романе отмечается то, что фрукт появился и начал воздействовать на судьбы героев слишком рано: *...an orange that should not have been. It was much too early* [12, с. 14]. В качестве причины указываются масштабные климатические изменения: *The rains came sooner this year. "What do they call it?" mused Doña Maria. "Global warming. Yes, that's it"* [12, с. 14]. Очевидно, что апельсин является символом глобализации, в результате которой не только постепенно разоряются небольшие фермерские хозяйства, но и уничтожается самобытная культура людей, живущих в поместьях. Более

того, апельсин становится метафорой того, как изменение человеком природных условий в конечном счете становится фактором, влияющим на его собственную повседневность, моральный выбор и духовные приоритеты. Это в некоторой степени перекликается с идеей известного произведения «Заводной апельсин» английского автора середины XX века Э. Берджесса, в котором также анализируется трансформация индивида под влиянием внешней среды.

В романе «Тропик апельсина» движение апельсина обуславливает искажение пространства вокруг него: *Customs officials who now chased after their stretching border scrambled forward to confiscate a single orange* [12, с. 171]. Например, Калифорния в романе – реальность, находящаяся на грани беспредельного хаоса, т. к. географические, социальные, этнические границы непрерывно перерисовываются, в том числе из-за политических амбиций городской администрации, жадности корпораций, безответственности людей [14]. Манзанар сравнивает Лос-Анджелес с гигантским шаром, который не прекращает увеличиваться в размерах: *The most horrific aspect of it was that it would all end at the same time – a Caltrans nightmare. One more L. A. disaster <...> ...only Manzanar could see the undulating patterns and the changing geography corrupting the sun's shadows, confusing time, so that all events should happen and end at the same time* [12, с. 176]. При этом вопросом о необходимости и, главное, возможности определения истинных границ и создании правильной карты задается Баззворм: *If someone could put down all the layers of the real map, maybe he could get the real picture* [12, с. 72].

С помощью приемов магического реализма в романе постоянно трансформируются и временные рамки: реальность переходит в сверхреальность, настоящее «размыкается» в будущее, при этом автор постоянно напоминает о прошлом: *... it was possible to judge the first doom in the Western Hemisphere as having occurred in 1494 when Columbus discovered Jamaica or in 1498 when he discovered Trinidad and Venezuela. <...> Now, if we calculate the first doom from the time John Cabot discovered Newfoundland and the North American continent... then I predict doom will come, as sure as I am standing here, in the year of 2017!* [12, с. 44–45]. Также выбор в качестве времени действия ближайшего будущего позволяет К. Т. Ямашите смешивать достоверные исторические факты и судьбы реальных людей с вымышленными, т. е. фантастическое в произведении разворачивается на вполне рациональной основе.

Соответственно, в художественном произведении в полной мере реализуется сформулированный американским литературоведом М. Васей принцип: в идеале «ландшафт и экосистемы – вымышленные или реальные – должны быть настолько “реалистичны”, насколько это возможно» [14]. В центре повествования – знаковый для американской действительности Лос-Анджелес и его окрестности: *Plenty of corners to go around. Plenty of freeway ramps. El Norte was big. L. A. was big. Grande* [12, с. 74]. Образ

мегаполиса создается с помощью топонимов (Silver Lake, Jefferson, Normandie, Bradley International, Union Station, Arco Towers) и детальных описаний урбанистической атмосферы. При этом автор противопоставляет городскую среду природным объектам, акцентируя внимание не только на их утилитарности, но и способности становится маркерами определенного района или местности: *No trees in this city desert. <...> Poor people don't get to have no shade. That's what porches are for. These palm trees are a mistake. Somebody thought they would grow short; turned out they giants* [12, с. 30–31].

Американский автор весьма иронично напоминает и об устоявшихся представлениях о Лос-Анджелесе как пространстве, в котором доминируют белые успешные люди и западноевропейская система ценностей, а также лицемерие и обман: *That L. A. is a desert paradise, sunshine, blond people, insipid, romantic <...> It never rains here! The only reason it rains in those films is so Bogie can wear a trenchcoat. <...> Situations change, bureaucrats don't* [12, с. 107, 21, 73]. Тем не менее в произведении имеет место деконструкция образа благополучного, ассоциирующегося с роскошной жизнью мегаполиса: в течение семи дней пожары, которые по своим масштабам идентифицируются как катастрофы, уничтожают городскую инфраструктуру и природные объекты, трагически обрывают жизни героев.

Особо следует отметить то, что в повествовании об определенной географической местности фокус постоянно смещается на другой уровень: в результате перемещения тропика исчезает пространство-граница между Соединенными Штатами и Мексикой, поэтому Калифорния и ее окрестности трансформируются в территорию со сложным культурным кодом. В первую очередь об этом свидетельствуют имена героев. Например, фамилия Рафаэлы отсылает к испанскому конкистадору Кортесу (Cortes), завоевавшему Мексику и уничтожившему государственность ацтеков. Имя и фамилия Манзанар Мураками (Manzanar Murakami) явно указывают на трагические судьбы иммигрантов из Японии: Манзанар – один из десяти лагерей, куда правительство США помещало японских переселенцев, не имеющих права на гражданство, и японо-американских граждан во время Второй мировой войны. Соответственно, актуальным для романа является и поиск личностью своей идентичности на фоне национальных конфликтов, отягощенных экономическими и экологическими катаклизмами.

Помимо исторических отсылок текст романа «Тропик апельсина» содержит многочисленные референции, которые подключают факты географии, биологии, этнографии, музыки, кино, литературы к выражению, на наш взгляд, основной идеи произведения – невозможности установления границ в многонациональном обществе, бессмысленности создаваемых современной цивилизацией преград и барьеров. Поэтому значимым для художественного мира произведения является идея пересечения границы как в прямом смысле (Рафаэла проделывает путь в Лос-Анджелес, Габриэль периодически навещает свое поместье в Мексике и т. д.), так и переносном – преодоление

культурных, социальных, внутренних границ (Аркангел перемещается сквозь временные пласты, Манзанар проделывает жизненный путь от хирурга до бездомного дирижера уличного оркестра, состоящего из машин).

О еще одном значении мотива границы сообщают атрибуты успешного капиталистического общества (Rolex, Walkman, Mickey Mouse, Bakelite dishes, UCLA, Nike, Princeton, Bulls, Lakers, Dodgers. Reebok, Chinatown, Nissan, Mazdas, Chrysler, т. д.), которыми автор насыщает текст для акцентирования барьеров между социальными группами. Людей разделяют образ жизни, автострады, доступ к безопасности, транспорту, радиоволнам и Интернету. Более того, К. Т. Ямасита обращает внимание на проблему социально-экономической сегрегации не только внутри США, но и на континенте в целом: судьбы многих латиноамериканцев ломаются в попытке достигнуть материального успеха за счет отказа от национальной культуры и истории, истинных духовно-моральных ценностей: *Came to L. A. to die* [12, с. 54].

Своего апогея столкновение разных социальных, экономических, культурных сил достигает во время анонсированного Аркангелом исторического события – чемпионата между Эль Гран Мохаво (El Gran Mojado) и СУПЕРНАФТОЙ (SUPERSNAFTA) – обобщенными образами, олицетворяющими силы Северного и Южного полушария [12, с. 115]. Когда alter ego Аркангела кажется, что он побеждает, его оппонент делает смертельный выстрел. Сражение завершается поражением обоих. Очевидно, что в подобных противостояниях нет победителей, т. к. все всегда взаимосвязано и взаимообусловлено. В конце произведения эта идея поддерживается воссоединением судеб Эми, Манзанар, Базворма, которые оказываются в пробке на автостраде в одно и то же время. Также обретают друг друга члены семьи Рафаэлы. При этом с помощью риторических вопросов «*What are these goddamn lines anyway? What do they connect? What do they divide?*» [12, с. 230] К. Т. Ямасита напоминает об амбивалентной сущности границ – их способности как объединять, так и разделять.

В романе «Тропик апельсина» американский автор в полной мере использует подвижный характер Северного тропика – границы между климатическими поясами – как для исследования современного состояния цивилизации, так и обсуждения перспектив ее духовно-морального и социального развития. С одной стороны, граница в произведении становится местом, где происходит встреча культурно-исторических эпох и наций, человека и природы, индивида и социума, с другой – автором поднимается вопрос об искусственном характере фиксированных границ, которые не всегда соответствуют моральным, духовным, социальным и иным потребностям людей. В произведении К. Т. Ямаситы границы не абсолютны: они подвижны, образуются на стыке мнений, взглядов, ценностей, традиций, обычаев, исторической памяти, а поэтому неустойчивы и трансформируемы. Этим

автор подчеркивает особую взаимосвязанность и взаимообусловленность различных сообществ и культур, текучесть бытия, его способность к постоянной трансформации.

В целом постоянно движущаяся воображаемая линия границы в романе «Тропик апельсина» образует уникальное художественное пространство, в котором достаточно трагические судьбы героев переплетаются, создавая сложное, многослойное повествование, акцентируются такие острые проблемы современности, как нелегальная иммиграция, торговля людьми, контрабанда человеческих органов и наркотиков, перенаселение городов, бездомность, социальная дискриминация, капиталистический империализм, загрязнение окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Рус. словари; Языки славянских культур, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – С. 265–325.
2. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–285. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php#google_vignette (дата обращения: 12.06.2025).
3. *Топоров, В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс : Культура, 1995. – 623 с.
4. *Тамарченко, Е.* Уроки фантастики / Е. Тамарченко // В мире фантастики: Заметки критика. – М. : Молодая гвардия, 1989. – С. 130–151.
5. *Демирчян, М.* «Граница» как философская категория / М. Демирчян // ReaserachGate. – 2022. – URL: <https://www.researchgate.net/profile/Movses-Demirtshyan-2> (дата обращения: 18.06.2025).
6. *Гаспаров, Б. М.* Литературные лейтмотивы : Очерки по истории русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. – М. : Наука. Восточная литература, 1994. – 304 с.
7. *Жук, І. В.* Матыўная прастора ў беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя / І. В. Жук [і інш.] ; пад рэд. І. В. Жука. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 255 с.
8. *Сухих, И.* Вертикальные уровни произведения / И. Сухих // Структура и смысл : Теория литературы для всех / И. Сухих. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – С. 284–436.
9. *Glixman, E. P.* An Interview with Karen Tei Yamashita / E. P. Glixman / Eclectica Magazine. – 2007. – Oct/Nov. – URL: https://www.eclectica.org/v11n4/glixman_yamashita.html (date of access: 12.06.2025).

10. *Blahut, M.* The Elasticity of Space in Karen Tei Yamashita's "Tropic of Orange" / M. Blahut // *Papers in Arts and Humanities*. – 2024. – № 3 (2). – P. 59–74. – URL: <https://doi.org/10.52885/pah.v3i2.145> (date of access: 23.06.2025).
11. *Ващенко, Л. В.* Фронтир / Л. В. Ващенко // *История литературы США* / редкол.: Я. Н. Засурский (гл. ред.), М. М. Коренева, Е. А. Стеценко ; под ред. Я. Н. Засурского, М. В. Тлостанова. – М. : Наследие, 1999. – Т. 2 : Литература эпохи романтизма. – С. 349–396. – URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/zarublitra/Istoria_literatury_SShA_t2.compressed.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
12. *Yamashita, K. T.* Tropic of Orange / K. T. Yamashita. – Minneapolis : Coffee House Press, 2017. – 230 p.
13. *Park, H.* Nonhuman Subject and the Spatiotemporal Reimagination of the Borderlands in Karen Tei Yamashita's Tropic of Orange / H. Park // *Literature*. – 2022. – № 2 (4). – P. 278–287. – URL: <https://doi.org/10.3390/literature2040023> (date of access: 26.06.2025).
14. *Dwyer, J.* Where the wild books are: a field guide to ecofiction / J. Dwyer. – Reno : University of Nevada press, 2010. – URL : <https://epdf.pub/where-the-wild-books-are-a-field-guide-to-ecofiction-5ea6a74314975.html> (date of access: 26.05.2025).

Поступила в редакцию 21.07.2025

УДК: 821.161.3

Леська Лілія Пятроўна

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры беларускай
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Liliya Leska

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian
and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
leska.l.5@yandex.ru

ГУЛЬНЯ – ЭЛЕМЕНТ ЦЭЛАСНАСЦІ Ў ТЭТРАЛОГІІ “ПАЧАКАЙ, ЗАТРЫМАЙСЯ...” А. ВАСІЛЕВІЧ

У артыкуле ўпершыню даследуецца гульня як элемент цэласнасці ў тэтралогіі А. Васілевіч “Пачакай, затрымайся...”. У сувязі з гэтым выпрацавана рабочае вызначэнне паняцця цэласнасці як шматузроўневага канструктыўнага адзінства, арэнай прадстаўлення якога стала прастора сустрэчы чытача і аўтара.

Гульня як элемент цэласнасці ў тэтралогіі аб’ядноўвае ў сабе прынцып станаўлення цэласнасці і спосаб яе пазнання. Прынцып станаўлення мастацкай цэласнасці зафіксаваны ў аўтарскай гульні ў наступных яе тыпах: гульні-загадцы, інтрыгуючай прадмове, каментарыях аўтара. Спосабам пазнання мастацкай цэласнасці стала дзіцячая гульня як мадэль альтэрнатыўнай рэчаіснасці.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *А. Васілевіч; мастацкая цэласнасць; тэтралогія; гульня; дзіцячая гульня; мадэль.*

THE GAME IS A MECHANISM OF INTEGRITY IN THE TETRALOGY *WAIT, HOLD ON* BY A. VASILEVICH

The article is the first to explore the game as an element of integrity in the tetralogy *Wait, hold on...* by A. Vasilevich. In this regard, a working definition of the concept of integrity has been developed as a multilevel constructive unity, the arena of which is the meeting space between the reader and the author. The game as an element of integrity in the tetralogy combines the principle of the formation of integrity and the way of its cognition. The principle of artistic integrity formation is fixed in the author’s game, in its following types: a mystery game, an intriguing preface, and author’s comments. Children’s play as a model of alternative reality has become a way of learning artistic integrity.

К e y w o r d s : A. Vasilevich; artistic integrity; tetralogy; game; children’s game; model.

Паняцце цэласнасці шырока выкарыстоўваецца ў літаратуразнаўчых працах¹, дзе часта сустракаюцца наступныя выразы: *цэласнасць твора*,

¹ Тмарченка, Н. Д. Целостность как проблема этики и формы в произведениях русской литературы XIX века / Н. Д. Тмарченка. – Кемерово, 1977. – 92 с.;

Целостность художественного произведения / Ленингр. гос. пед ун-т им. А. И. Герцена. – Л. : ЛГПИ, 1986 – 150 с.;

Целостность художественного произведения и проблемы его анализа и интерпретации : тез. конф., 13–16 окт. 1992 / отв. ред. М. М. Гиршман. – Донецк : ДОНГУ, 1992. – 220 с.

цэласнасць метаду і стылю. У эстэтычным аспекце дамінуючымі з'яўляюцца такія выслоў'і, як цэласная натура, цэласнасць характару, цэласнасць пазіцыі.

Мастацкая цэласнасць актыўна вывучаецца ў літаратуразнаўстве. Так, даследчык В. Цюпа разглядае цэласнасць у непарыўнай сувязі двух феноменаў: сяміятычнага і эстэтычнага. Рэальнасць мастацкага тэксту, на думку вучонага, “мысліцца як артэфакт, як тэкст пра свет (семіятычны феномен), або як асаблівы свет тэксту «гетэракосмас» (феномен эстэтычны). Гэтыя канцэпцыі нельга ні эклектычна прымірыць, ні аргументамі адной з іх абвергнуць іншую, таму што эстэтычныя і сяміятычныя ўласцівасці мастацкага цэлага знаходзяцца ў адносінах узаемадапаўняльнасці” [1, с. 11].

Мастацкае цэлае не ёсць “манада”, нейкі класічны погляд на цэласнасць твора або тэксту, але трайнае пляеда: аўтар – герой – чытач, або, дакладней кажучы, “эстэтычны суб'ект – эстэтычны аб'ект – эстэтычны адрасат, адносіны паміж якімі характарызуюцца непадзельнасцю” [1, с. 11].

Даследчыца Т. Мейзерская ў артыкуле “Пра трансгістарычны сэнс літаратуры” рэкамендуе пры асэнсаванні мастацкай цэласнасці звяртаць увагу на спецыфіку “сэнсанараджэння і яго эксплікацыю” [2, с. 12]. На яе думку, архетыпы несвядомага “... ў значнай ступені правакуюць тэкстапараджальныя механізмы, якія «спараджаюць» тэкст, яны, як правіла, не ўсведамляюцца пісьменнікам, але тым не менш без гэтых механізмаў немагчыма перадача зместу” [2, с. 13]. У сувязі з гэтым, лічыць Т. Мейзерская, “правамерна актуалізаваць думку Р. Барта аб некаторых трансгістарычных канструкцыях, пазачасавых і пазайндывідуальных мастацкіх формах, здольных нападзіцца рознымі гістарычнымі сэнсамі [2, с. 13].

Даследчыца, улічваючы як дыяхранічныя, так і сінхранічныя асаблівасці быцця літаратурных твораў, падкрэслівае і той немалаважны фактар, які ўпершыню быў сфармуляваны Ф. Шэлінгам у яго працы “Сістэма трансцэндэнтальнага ідэалізму”: “мастак уключае ў свой твор акрамя таго, што яўна ўваходзіла ў яго задуму ... нейкую бясконцасць, у паўнаце свайго раскрыцця недаступную ні для якога «канечнага» розуму, ніколі нельга сказаць, закладзена гэта бясконцасць самім мастаком або раскрываецца ў творы...” [3].

Падыход да вывучэння мастацкай цэласнасці ўсведамляецца намі як “духоўная арганічнасць” (І. Гётэ). Даследаванне мастацкай цэласнасці з боку яе духоўна-арганічнага аспекту дазволіць не абмяжоўваць мастацкую рэальнасць гістарычнымі і біяграфічнымі падзеямі, але пры гэтым асэнсоўваць і аўтарскае бачанне, што спарадзіла рэальнасць.

Такім чынам, метадалагічным кірункам для дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне цэласнасці як шматузроўневага канструктыўнага адзінства, якое не зводзіцца да сумы яго складнікаў і не раскладваецца на іх без астатку, з'яўляецца прасторай сустрэчы чытача, аўтара і героя.

Актуальнасць вывучэння мастацкай цэласнасці як катэгорыі анталогіі твора, яго быццёнага статусу, заключаецца ў тым, што яна – ключ да разумення, успрымання твора і яго эстэтычнай ацэнкі. Двадзіная прырода цэласнасці ўключае ў сябе спосаб яе стварэння і прадмет пазнання.

Гіпатэтычным для дадзенага артыкула стала меркаванне, што гульня выступае канструктыўным элементам цэласнасці тэатралогіі “Пачакай, затрымайся...” А. Васілевіч і інструментам асэнсавання яе адметнасці.

Гульня, паводле сведчання сучасных літаратуразнаўцаў, з’яўляецца адным з галоўных архетыпаў культуры (В. Анікін, М. Бахцін, А. Весялоўскі, В. Усеваладскі, Вяч. Іванаў, Е. Меляцінскі, У. Проп, В. Шклоўскі, Г.-Г. Гадамер, Э. Фінк, Й. Хёйзінга) і валодае высокай варыятыўнасцю. Яна мае цэлы шэраг рыс, агульных для мноства розных варыянтаў. “Галоўнымі сярод іх можна лічыць самадастатковы характар гульні (працэсуальнасць), умоўнасць, таямнічасць і схільнасць да маскіроўкі, прастора-часавую ізаляванасць, здольнасць да самарэгуляцыі” [4, с. 4]. Гульня сама мае свой уласны сэнс (Г.-Г. Гадамер, Э. Фінк), кожны яе варыянт абвясчае аб іманентным значэнні.

Архетыповы характар гульні ўсведамляецца намі як зыходны трансгістарычны момант фарміравання мастацкай цэласнасці твора, пры асэнсаванні якой мы будзем улічваць два погляды на прыроду гульні, прадстаўленыя ў працах Й. Хёйзінга “*Homo ludens*” і М. Бахціна “Творчасць Франсуа Рабле і народная культура Сярэднявечча і Рэнэсансу”. На думку галандскага культуролога Й. Хёйзінга, культура зараджаецца ў гульні, развіваецца і захоўвае сувязь з тымі абрадамі і рытуаламі першабытнага грамадства, якія сталі яе асновай. Гульня, паводле даследавання М. Бахціна, належыць да народнай смехавай культуры, што выражаецца ў вялікай колькасці святаў і актыўных святкаванняў у перыяд Сярэднявечча і Адраджэння. Гульня ў такім кантэксце – сацыяльная метатэза, трансфармацыя традыцыйных культурных форм, магчымасць вызваліцца ад строгай рэгламентаванасці, якая для Й. Хёйзінга з’яўлялася “асновай для прызнання сучасных форм культуры гульнёвымі” [5, с. 16].

Своеасаблівае збліжэнне двух трактовак гульні даецца ў кнізе М. Эпштэйна “Парадоксы навізны” ў раздзеле “Гульня ў жыцці і мастацтве”, дзе вучоны разглядае моўныя вызначэнні гэтай катэгорыі. Даследчык заўважае, што ў англійскай мове гульня можа быць абазначана словамі *play* і *game*. Пры выкарыстанні першага слова гульня характарызуецца як свабода ад усіх умоўнасцяў і абмежаванняў. Пры абазначэнні гульні як *game* феномен характарызуецца сістэмай правіл, якія і адрозніваюць гульню ад свабоднай дзейнасці, усёдазволенасці, што назіраюцца ў штодзённым жыцці. У адным выпадку, на думку вучонага, “гульня – гэта сістэма правіл, забарон, у другім – зона вольнасці, якая таксама адасабляе гульню ад рэальнасці” [6, с. 282].

Прадуктыўнай для нашага даследавання стала трактоўка гульні, якую прапанавала літаратуразнаўца Т. Апінян у манаграфіі “Гульня ў прасторы

сур'ёзнага. Гульня, міф, рытуал, сон, мастацтва і іншыя". Даследчыца вылучыла два ўзроўні гульні: экстрэрыяльны і інтэрыяльны. У першым выпадку гульня разглядаецца як "від дзейнасці, як грамадская і культурная з'ява" [7, с. 16]. Яна абумоўлена тыпам культуры, адлюстроўвае менталітэт, з'яўляецца рэпрэзентацыяй форм і заняткаў у вольны час, педагагічных метадык. У другім выпадку (на інтэрыяльным узроўні) гульня трактуецца як "структурны пачатак негульнёвай дзейнасці, як тып паводзін і адносін да рэальнасці" [7, с. 1].

У творах А. Васілевіч гульня разглядаецца як аўтарская стратэгія, якая ўключае ў сябе шэраг прыёмаў (інтрыгуючыя пытанні, каментарыі, прадмовы), што адпавядаюць розным тыпам гульні: гульня-загадка, гульня-спаборніцтва. Письменніца актыўна гуляе з чытачом, яна ўмее заінтрыгаваць яго, прымусяць "... адразу, з першых радкоў сачыць за развіццём сюжэта" [8, с. 84]. У апавяданні "Калінавая рукавічка" А. Васілевіч ставіць перад маленькім чытачом свечасовыя пытанні: "Чаму рукавічка", калі казка будзе пра старую яліну-казачніцу, пра ветра-бяздомніка? А вось паслухай. "І сапраўды чаму? Так і хочацца хутчэй аб усім даведацца" [8, с. 84]. Або ў апавяданні "Геша" письменніца ізноў праводзіць інтрыгуючае апытанне:

"Гэта дзяўчынка? – Не

Хлопчык? – Не

А хто ж ?

Гусяня. Гуска.

Раскажы.

Калі будзеш добры і паслухмяны, раскажу.

– Буду" [9, с. 12].

Так тонка і да месца А. Васілевіч азадачвае чытача, альбо стварае гульнёвыя сітуацыі, калі адны героі ставяць задачы перад іншымі. У апавяданні "Мая гаспадарка" маленькі гараджанін Вова летам прыехаў у вёску да бабулі і дзядулі. Для хлопчыка адкрываецца тут столькі дзівосаў, што ён спачатку ажно разгубіўся, не ведаючы, што і рабіць. Звычайныя бабульчыны просьбы яму падаюцца загадкавымі. Як гэтая: "Пайдзі, унучак, зірні, куды гэта падзеліся нашы падушачкі"? Вова, вядома, адразу пабег у пакой, у якім спаў з бабуляй, і ўбачыў, што ўсё ў парадку: "ложкі засланы, а падушкі, узбітыя бабулінымі рукамі, узнімаліся ледзь не да столі..." [9, с. 18]. Неўзабаве высвятляецца, што "падушачкамі" бабуля называе гусянят [8, с. 85].

У апавяданні "Вернісаж" дзеці сутыкаюцца са словам *вернісаж*. І хоць змест яго письменніца поўнасьцю не растлумачвае, яна ўсё ж уводзіць яго ў дзіцячы ўжытак. Робіцца гэта жартаўліва і даволі проста. Да свята 8 Сакавіка героі твора, хлопчык і дзяўчынка, дораць маме ўласныя малюнкі. Мама гаворыць: "Ну, і калі ў нас сёння вернісаж... Дык на вернісажы звычайна мастакам гавораць прыемныя словы, хваляць іх ... Вось і я..." [9, с. 37]. І дзеці атрымалі па каробцы цукерак.

Гульнёвымі момантамі пісьменніца заваблівае чытача і ў тэтралогіі “Пачакай, затрымайся...”. А. Васілевіч запрашае чытача быць сааўтарам, суразмоўцам, перад якім яна так кранальна спавядаецца ў прадмове: “І цяпер, калі між нас лягла такая неабсяжная прастора часу і ўзросту, калі столькі камення лягло на той дарозе, якая нас развяла і раз’яднала, я пытаюся, дзівячыся і спадзеючыся:

Тая даўняя з таго далёку Ты – гэта Я? І Я цяперашняя – гэта Ты таксама?” [10, с. 4].

Сувязь “аўтар–чытач” дапамагае пісьменніцы здзейсніць своеасаблівы ўзаемапераход ад незавершанасці да цэласнасці. У словах, адрасаваных “Маім чытачам”, яна заўважае: “У сваіх пісьмах і пры нашых стрэчах Вы заўсёды пытаецеся ў мяне: “А што далей сталася з героямі тэтралогіі «Пачакай, затрымайся...» Які лёс стрэў іх? Чаму нічога больш не напісана пра іх?” Я напісала... А праз месяц і дванаццаць дзён пачалася вайна – гэта будзе працяг і адказ – хоць пэўна ж, невычарпальны – на Вашы пытанні. Яны мяне абнадзейвалі, падтрымлівалі, і я ўдзячная Вам за гэта” [11, с. 4]. У прадмове “Маім чытачам” А. Васілевіч падкрэсліла ролю супрацоўніцтва чытача і аўтара ў развіцці мастацкай цэласнасці тэтралогіі.

Аўтарская пільная ўвага да патрэб чытачоў улічваецца і пры апісанні герояў. Дзякуючы творчаму ўяўленню пісьменніцы, не толькі дакладна раскрыты асноўныя рысы характару Ганькі Гурновіч (тэтралогія “Пачакай, затрымайся...”), але і рэалізавана мастакоўскае прадбачанне, што менавіта вось з такіх дапытлівых і летуценных дзяўчынак, якія не стамляюцца задаваць вялікую колькасць неверагодных пытанняў (раздзел “Слуцак”), валодаюць тонкім візуальным зрокам, нараджаюцца пісьменнікі, мастакі, творчыя асобы.

У багатым уяўленні галоўнай гераіні тэтралогіі “Пачакай, затрымайся...” “ажываюць” цэлыя карціны прыроднага свету, як у раздзеле “Фотава яма” : “Ганька лезе на печ і таксама ўяўляе сабе яе, гэту Фотаву яму... Цяпер да яе не падступіцца. Рэчка выйшла з берагоў і заліла ўсю сенажаць да самых сядзіб. Можна толькі з краю дарогі хадзіць і рваць лотаць. Лотаці цяпер колькі хочаш” [10, с. 18]. Дзяўчынка яскрава адчувае “...вільгаць сцежкі, што бяжыць сенакосам да рэчкі. Здаецца, адчувае, як сцёбаюць па босых нагах і па руках мятлюк і сырчыкі. На бягу яна ловіць зялёных конікаў, задыхаецца ад паху аера і незабудак. З разбегу тварам кідаецца ў гэты цёплы траўны пах” [10, с. 18].

Яркія карціны ўяўлення дзіцяці сталі своеасаблівай рэпрэзентацыяй яднання дзяўчынкі з прыродным светам. У светабачанні Ганькі перадаецца яе імкненне да гармоніі, да разумення законаў прыгажосці, да адчування непарыўнай сувязі ў сямейна-родавым ланцугу.

Дзіцячая гульня ў мастацкай трактоўцы А. Васілевіч прадстаўлена як складанае структурнае цэлае, што мае генетычную перадумову і пазнейшыя мадыфікацыі. Своеасаблівым пярэдаднем дзіцячай гульні ў апавяданнях

“Геша”, “Цюлік”, “Браты-артысты” сталі шматлікія эпідоды гулянак-забаўлянак дзяцей з птушкамі, жывёламі і ўласна дзіцячымі радасцямі тыпу “рэшата цукерак”, якія атрымала на Каляды Ганька ад сваёй цёткі Паўліны і дзядзькі Стэфана, альбо прыгоды Ганькі Гурновіч, Анюткі Корбутавай, Манькі Паўлавай, Адамавага Грышкі падчас святкавання Юр’я. Пачаткам уласна дзіцячай гульні становіцца той момант, калі прадмет у дзіцячым уяўленні пачынае выконваць ролю іншага. Так насустрач Ганьцы (раздел “Радасці жыцця” ў тэатралогіі “Пачакай, затрымайся...”), робячы выгляд, што імчыцца на стаенніку, вярхом на кійку едзе Пецька Бурбалка: “Тр-р-р! Стой! – і Пецькаў стаеннік, параўняўшыся з Ганькай, спыняецца як укопаны” [10, с. 46], або сама Ганька, палюхаючы бедных коней, помсцячы малому пастуху Пецьку-бурбалцы, сядзіць на плоце і ўяўляе быццам гэта яна сама імчыцца верхам на кані.

Ускладненне гульнівай дзейнасці дзяцей, згодна з мастацкай трактоўкай А. Васілевіч, адбываецца тады, калі дзіця без удзелу дарослых бярэ на сябе тую або іншую ролю. Ганька, паводле заўваг пісьменніцы, імкнецца быць добрай не абыякавай гаспадыняй: “К прыходу маці з поля ўсё ў яе дагледжана, усё ў парадку. І каб маці пахваліла яе, Ганька не палянуецца, збегае яшчэ на бульбу, нарве малачаю і накідае галодным свінням” [10, с. 38].

Дзіцячая гульня-імітацыя прадстаўлена ў новым ключы ў сцэнах на выгане (раздел “Радасці жыцця”). Тут пісьменніца стварыла своеасаблівы тэатр, у якім галоўная гераіня тэатралогіі выступае і як акцёр, і як рэжысёр, што кантралюе свае дзеянні і паводзіны сваіх сяброў. Дзяўчынка становіцца і арганізатарам гульнівага спектакля, і яго глядачом, бо пры ўсёй захопленасці гульнівым дзеяннем яна пільна сочыць за ўсімі прысутнымі. Ганька, прыбегшы на выган, “сваю раніцу ... пачынае з печы. (У гэтай выдатнай яме ў кожнага з дзяцей ёсць свая печ – сапраўдная, з прыпечкам, з чараном, з комінам. Ганька спазнілася. Людзі ўжо выпаліць сора. Вунь як садзіць дым у Анюткі Корбутавай і Мані Паўлавай. І толькі ў Грышкі Адамавага не відно агню. А Анютка і пірагоў ужо нарыхтавала і выставіла на сонца, каб падходзілі... І Ганька, забыўшы пра ўсё на свеце, завіхаецца каля свае печы” [10, с. 48]. Дзяўчынка, як сапраўдная дарослая гаспадыня, імітуе гаворку вясковых жанчын, якіх чула не адзін раз, і просіць далікатна: “*Можжа б вы, кума, пазычылі мне вашу форму?*” Ага, хітранькая, “*пазычылі б... А што ты мне дасі?*” [10, с. 49].

Гульня як нязмушаная дзейнасць адбываецца ва ўяўляемай сітуацыі і пры абавязковым выкананні правілаў, запазычаных з дарослага жыцця. Дзеці, гуляючы, рыхтуюцца да пераходу ў новую ўзроставую групу, а дарослыя часам, страчваючы разважнасць, становяцца падобнымі да дзяцей. Так дзед Грысь (раздел “Дзед Грысь”), сварачыся з унучкамі, нават пачынае кідацца валёнкамі, і цётка Іваніха абураецца: “– Дальбог, здзяцінеў стары, з малым дзіцем біцца надумаўся...” [10, с. 10].

Яўнае і ўяўнае “здзяціньванне” герояў не заўсёды лічыцца аўтарам заганай. У тэатралогіі “Пачакай, затрымайся...” ёсць героі, якія глядзяць на свет дзіцячымі вачыма. Да іх адносіцца вясёлы дзядька Стэфан – муж цёткі Паўліны, Кордзя, які і “вяхом” на сабе Ганьку возіць, і ў садзе смачнейшую ігрушу ёй спора, і дастане з ластаўчынага гняздзечка ў гумне пад страхою ластаўчанё і пакажа [10, с. 67]. І брат Коля, які ўмее добра маляваць і граць на скрыпачцы. Прарэхі, нястачы рэальнага дзіцячага жыцця Ганькі Коля змог запоўніць сваімі малюнкамі, дзе жывёлы і птушкі ажывалі. Брат падарыў Ганьцы і прыгожую ляльку Тамару, чые аблічча і вопратка нагадвалі аб нерэалізаваных марах Ганькі, якая не мела прыгожых сукенак. На вялікі жаль, нехта ўкраў гэтую прыгажуню ў Ганькі. Крадзеж цацкі набыў у дадзенай сітуацыі сімвалічнае значэнне заўчаснай страты дзяцінства, якое не дагуляла бедная дзяўчынка. Вяртанне Ганькі ў сапраўдны дзіцячы свет адбылося яшчэ раз, калі яна гасцявала ў сваякоў у Мілешаве і ўбачыла там “дзяціны” пакой. Знакава, што гэты цуд Ганька наведала ўжо пасля смерці маці. У дзяціным пакоі дзяўчынка ўбачыла цацачны дамок, куды, “выпрастаўшыся на ўвесь рост, увайшла спачатку з Зінай, потым з Тамарай, потым з Жэнем ...” [10, с. 171].

Толькі адзінае “гаворачае” слова *выпрастаўшыся* сведчыць аб тым, што, сапраўды, Ганька яшчэ не выйшла з дзіцячага ўзросту і цацачны дамок падыходзіць ёй па росту. Таму так лёгка гуляецца дзяўчыны з Жэнем і “рыжанькімі сёстрамі-вавёрачкамі ў дактароў і хворых, у школу, нават у тэатр. А потым яна сама прапанавала бегачь на выперадкі” [10, с. 171].

Дзіцячыя гульні ў мастацкім тэксце А. Васілевіч становяцца мадэллю гарманічнага альтэрнатыўнага існавання маленькіх герояў. Дзеці, гуляючы і капіруючы дарослых, не толькі ліквідуюць прабелы ў сваім не пражытым паўнацэнна дзяцінстве, але і выразна пачынаюць уяўляць свет жыцця новай узроставай групы. Дарослыя таксама праз пасрэдніцтва рытуалаў і абрадаў, святкаванняў, тэатралізаваных гульняў напauняюць асабістае жыццё новымі яркімі фарбамі. У раздзеле “Шпіктаклі” пісьменніца падкрэслівае, што такія новаўвядзенні робяць жыццё аднавяскоўцаў Ганькі вясёлым і насычаным, нават цётка Іваніха, якая напачатку неадлюбівала так званыя тэатральныя прадстаўленні, пасля прагляду змяніла сваё стаўленне да іх.

Такім чынам, архетып гульні набывае ў творы А. Васілевіч новыя сэнсавыя адценні, рэалізаваныя ў пазнейшых яго мадыфікацыях і інтэрпрэтацыях: гульні аўтара з чытачамі як своеасаблівым руху ад мастацкай незавершанасці твора да яго цэласнага выяўлення, дзіцячай гульні як альтэрнатыўнай мадэлі рэальнага жыцця і свайго месца ў ім. Гульня ў трактоўцы пісьменніцы разглядаецца як спосаб пазнання жыцця, як мастацкае выражэнне сутнасных якасцей свету, які перажывае крызіс у розных аспектах: светапоглядным, эканамічным, сацыяльным.

Героі, паводле зместу тэатралогіі “Пачакай, затрымайся...”, перажываюць крызіс сямейна-родавых узаемаадносін. Ганька гадуецца ў няпоўнай сям’і,

без бацькі. У роднай вёсцы дзеці насміхаюцца над дзяўчынкай, называючы яе мужычкай, нават дзед Грысь не можа дараваць маці Ганькі яе няўдалае замужжа, а больш заможны брат – дзядзька Мікалай, слухаючы сваю жонку Фядору, не імкнецца дапамагчы сястры, якой жывецца невыносна цяжка. Сям’я цёткі Іваніхі дапамагае, падтрымлівае маці Ганькі, хаця цётка Іваніха папракае Алену, што тая не пайшла замуж за нялюбага, і лічыць, што сям’ю можна пабудаваць і без усялякіх узаемнасцяў у каханні.

Крызіс у сям’і паглыбляецца ў час такіх значных сацыяльных перабудоў жыцця, як калектывізацыя і раскулачванне. Так Надзя Сцёпчыха – жонка брата цёткі Фядоры, мясцовая актывістка – не змагла дараваць сваёй брацісе ранейшыя крыўды і адпомсціла. Гэта з яе падачы сям’ю дзядзькі Мікалая, нястомнага працаўніка і добрага гаспадара, выключылі з калгаса, раскулачылі і зрабілі бяздомнікамі.

Праявы духоўнага крызісу не кранаюць Ганьку, вобраз якой паказаны цэласным. Завяршаючымі момантамі станаўлення гераіні стала яе паэтычная, творчая самарэалізацыя.

Такім чынам, праведзенае даследаванне дае магчымасць зрабіць выснову, што гульня ў тэатралогіі А. Васілевіч “Пачакай, затрымайся...” выступае важным спосабам фарміравання цэласнасці мастацкага твора і спосабам яе асэнсавання.

Зыходным момантам арганізацыі мастацкай цэласнасці твора стала гульнёвая аўтарская стратэгія, рэалізаваная пісьменніцай праз шэраг інтрыгуючых пытанняў, каментарыяў і прадмоў, што адпавядаюць розным тыпам гульні: гульні-загадкі, гульні-спаборніцтва. Гульня як спосаб раскрыцця мастацкай цэласнасці ў тэатралогіі эфектыўна прадстаўлена ў розных формах дзіцячай гульні (уласна дзіцячай гульні і гульні-імітацыі).

ЛІТАРАТУРА

1. *Тюпа, В. И.* Целостность эстетического дискурса / В. И. Тюпа // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа и интерпретации : тез. конф., 13–16 окт. 1992 / отв. ред. М. М. Гиршман. – Донецк : ДонГУ, 1992. – 220 с.
2. *Мейзерская, Т. С.* О трансгисторическом смысле литературы / Т. С. Мейзерская // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа и интерпретации : тез. конф., 13–16 окт. 1992 / отв. ред. М. М. Гиршман. – Донецк : ДонГУ, 1992. – 220 с.
3. *Шеллинг, Ф. В. Й.* Система трансцендентального идеализма. 1800 / Ф. В. Й. Шеллинг // Сочинения : в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с. – (Филос. наследие. Т. 102).

4. *Потанина, Н. Л.* Игровое начало в художественном мире Чарльза Диккенса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.05 / Потанина Наталия Леонидовна. – М., 1998. – 30 с.
5. *Клёцкина, О. М.* Игра в малой прозе С. Д. Кржижановского: философия, эстетика, поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Клёцкина Ольга Михайловна ; Иркут. гос. ун-т. – Томск, 2007. – 22 с.
6. *Эпштейн, М. Н.* Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков / М. Н. Эпштейн. – М. : Совет. писатель, 1988. – 415 с.
7. *Апинян, Т. А.* Игра в пространстве серьёзного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие / Т. А. Апинян. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 400 с.
8. *Марціновіч, А.* Святло чароўнага ліхтарыка : Выбр. старонкі гісторыі беларус. дзіцячай літ. : дапам. для пед. дашк. устаноў : у 2 кн. / А. Марціновіч. – Мінск : Нар. асвета, 1998. – Кн. II. – 256 с.
9. *Васілевіч, А. С.* Горкі ліпавы мёд : аповяданні / Алена Васілевіч. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 263 с.
10. *Васілевіч, А.* Пачакай, затрымайся... : аповесці : для сярэд. і ст. шк. узросту / А. Васілевіч. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 512 с.
11. *Васілевіч, А.* Пачакай, затрымайся... / А. Васілевіч. – Дап. выд. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 526 с.

Поступила в редакцию 04.11.2025

УДК 821.111-312«19»(045)

Лобков Андрей Дмитриевич

магистрант
Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Andrew Lobkov

MA Student
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
egrey809@gmail.com

Кудрявцева Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian Philology
and World Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages, Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РОМАНОВ ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС» И «ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ»

В статье рассматриваются основные средства выражения национального компонента в романах Дж. Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану». В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что репрезентация национального компонента в произведениях осуществляется посредством хронотопа, системы персонажей, лингвистической организации произведений и национальной тематики, в них фигурирующей. Было установлено, что в романе «Поминки по Финнегану» по сравнению с романом «Улисс» национальный компонент выражен менее отчетливо в силу отсутствия в этом произведении сюжета и героев в традиционном понимании.

Ключевые слова: национальный компонент; лингвистическая организация; персонаж; хронотоп; Джеймс Джойс.

THE NATIONAL COMPONENT OF J. JOYCE'S NOVELS *ULYSSES AND FINNEGANS WAKE*

The article examines the key means of representation of the national component in the novels *Ulysses* and *Finnegans Wake* by J. Joyce. As a result of the analysis of the novels, it has been concluded that the national component in these novels is expressed through the chronotope, the system of characters, the linguistic organization of the works and the national themes featured in them. It has been established that in the novel *Finnegans Wake*, in comparison with *Ulysses*, the national component is less prominent due to the absence of a conventional plot and developed characters.

Key words: national component; linguistic organization; character; chronotope; James Joyce.

Осмысление и изображение тех или иных особенностей менталитета, национального характера присутствуют в творчестве писателей разных стран и эпох. Как указывает М. К. Попова, «хотя литература и не обладает объек-

тивностью в научном (точнее, естественно-научном, смысле слова), она тем не менее может являться надежным источником для изучения проблемы национальной идентичности <...>, поскольку обладает своей собственной, особой, художественной достоверностью и своей особой объективностью» и «поскольку многие писатели совершенно сознательно изображают эту проблему в своих произведениях и предлагают различные модели межкультурной коммуникации, обусловленные идеями и представлениями той национальности или этнической группы, к которой принадлежит автор, его философской или мировоззренческой позицией» [1, с 45–46]. В этой связи можно также упомянуть и высказывание П. Париндера, считавшего, что национальный компонент литературного произведения проявляется не только в языке, на котором произведение написано, но и в его содержательной составляющей, а также национальной принадлежности автора: «английским романом следует считать произведение на английском языке, считающееся “английским” ввиду либо авторства, либо содержания, либо обоих факторов» [2, р. 4].

Целью данной статьи является рассмотрение романов известного писателя-модерниста Джеймса Джойса «Улисс» (*Ulysses*, 1920) и «Поминки по Финнегану» (*Finnegans Wake*, 1939) с точки зрения их национально-культурной составляющей. Несмотря на то, что творчество Джеймса Джойса достаточно хорошо изучено в зарубежном и отечественном литературоведении (в частности, в белорусском «джойсоведении» значимое место занимают работы Н. В. Ламеко), оно представляет собой комплексный и многогранный феномен, и его интерпретационное поле расширяется по мере появления новых поколений ученых-литературоведов, а также новых литературоведческих теорий и концепций. В контексте заявленной проблематики примечательно и то, что, родившись в Ирландии, Джеймс Джойс покинул ее навсегда, однако возвращался к ней на каждой странице своих произведений. Ирландия (ее жители, политические события, происходившие на родине автора, а также восприятие этих событий ирландцами) является одной из основных тем в его творчестве, вместе с тем проблемы национального самосознания, патриотизма, «ирландскости» представлены в его произведениях в сложном и противоречивом виде.

Одним из понятий, которым имеет смысл оперировать в рамках рассмотрения национального компонента художественного произведения, является национальный менталитет, носителями которого выступают как герои, так и сам автор. Ю. М. Лотман указывал: «[т]ип картины мира, тип сюжета и тип персонажа взаимообусловлены» [3, с. 294]. Национальный менталитет в рамках данной статьи есть, согласно исследованиям школы «Анналов», система образов, которые «лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [4, с. 48–49]. Проецируя данный тезис на художественный текст, логичным можно считать

вывод о том, что особенности менталитета в произведениях литературы отображены в персонажах (люди), их действиях (поступки, поведение) и мыслительных процессах (представления о мире и о своем месте в нем), их речи (язык или языки, на которых персонажи разговаривают или же не разговаривают), их окружении, включающем в себя как непосредственно локусы, описанные в произведении, так и более широкий социокультурный контекст. Таким образом, при исследовании художественных средств воплощения национального компонента в литературных произведениях на первый план выходят система персонажей и национально-культурные различия между ними, хронотоп, лингвистическая организация текста, имеющиеся в тексте культурные реалии.

Рассматривая хронотоп романа «Улисс», отметим, что в данном произведении описывается один день из истории Дублина – 16 июня 1904 года, третьего по счету года правления Эдварда VII, ставшего монархом после смерти королевы Виктории. Ирландия, все еще находящаяся под протекторатом Великобритании, до сих пор не оправилась от картофельного голода, отчего предстает в романе бедной и разрушенной, находящейся в экономическом и социальном упадке. Бык Маллиган, один из героев произведения, описывает улицы Дублина следующим образом: *revolting spectacles offered by our streets, hideous publicity posters, <...> mutilated soldiers and sailors, exposed scorbutic cardrivers, the suspended carcasses of dead animals, <...> and unfructified duennas* [5, p. 276]. Он же характеризует ситуацию в Ирландии так: *the country full of rotten teeth and rotten guts. <...> a bogswamp, <...> streets paved with dust, horsedung and consumptives' spits* [5, p. 12].

Правление Эдварда VII описано в романе неоднозначно: с одной стороны, персонажи называют монарха «миротворцем», всячески порицая и уничижительно отзываясь о его предшественнице королеве Виктории, чья политика и привела Ирландию к состоянию краха, называя ее *the great squaw Victoria* [5, p. 224], *[o]ld hag with the yellow teeth* [5, p. 32] и т. п.; с другой стороны, отмечают пассивность Эдварда VII в государственных делах, безрезультативность его правления: *There's a bloody sight more pox than pox about that boyo. Edward Guelph-Wettin* [5, p. 222]. В пятнадцатом эпизоде романа восприятие политики монарха ирландцами представлено следующим образом: *My methods are new and are causing surprise. To make the blind see I throw dust in their eyes* [5, p. 419].

Для раскрытия хронотопа романа значим эпизод, изображенный в восьмой главе и происходивший в одном из дублинских баров, который предстаёт (в восприятии Леопольда Блума, протагониста романа) как типичное место, где проводили свое время ирландцы в описываемый исторический период. Здесь мы видим тот же упадок (*Spaton sawdust, sweetish warmish cigarette smoke, reek of plug, spilt beer, men's beery piss, the stale of ferment. Couldn't eat*

a morsel here [5, p. 113]), который, однако, не смущает завсегдаев бара: *That fellow ramming a knifeful of cabbage down as if his life depended on it* [5, p. 113]. Другим важным замечанием Блума о поведении посетителей бара стоит считать то, что каждый из них ел жадно и отдельно от других: *Every fellow for his own, tooth and nail. Gulp. Grub. Gulp* [5, p. 113], что символически свидетельствует о разобщенности ирландского социума по общественно-политическим вопросам.

В романе «Поминки по Финнегану» Дублин также показан как город, в котором процветают бары и высок спрос на алкоголь (*By the stench of her fizzle and the glib of her gab know the drunken draggletail Dublin drab* [6, p. 436]), причем преимущественно это напитки, характерные для Ирландии, а именно эль, пиво и виски (*O'Connell's famous old Dublin ale, Guinness's or Phoenix brewery* [6, p. 386], *from Bushmills to Enos* [6, p. 577]). Примерами культурно-исторических аллюзий в данном романе могут также служить отсылка к народному ирландскому стихотворению XIX века «Draherin O Machree» (*a drahereen o machree!* [6, p. 96]), частые обращения к ирландской музыкальной композиции «Foggy Dew», название которой отсылает как к народной балладе, так и к песне Кэнона Чарльза О'Нила, посвященной Пасхальному восстанию 1916 года (*and wet your feet maybe with the foggy dew's abroad* [6, p. 24]; *May foggy dews be diamondise your hoopings!* [6, p. 428]), а также упоминание в тексте произведения ирландских исторических личностей, таких как король Бриан Бору (*a praises be and spare me days for Brian-the Bravo* [6, p. 211]), политический деятель Чарльз Парнелл (*Are Parnellites Just towards Henry Tudor?* [6, p. 307]), а также Даниел О'Коннелл, сторонник экспансии католической веры на территории Ирландии (*the O'Conner Dan, so promonitory himself that he was obliiffious of the headth of hosth that rosed before him* [6, p. 317]).

Помимо этого, «ирландскость» хронотопа романа «Поминки по Финнегану» подчеркивается упоминанием в тексте географических и природных объектов, находящихся в Ирландии и непосредственно в Дублине (топонимов разных типов), что, при отсутствии в данном романе сюжета и образов героев в традиционном их понимании, позволяет автору, тем не менее, воссоздать образ Дублина и в целом указать на некий культурно-исторический контекст описываемого. Стоит отметить, например, памятник герцогу Веллингтону и музей, расположенный рядом с ним (*This the way to the museyroom. Mind your hats goan in! Now yiz are in the Willingdone Museyroom* [6, p. 8]); Мэгэзин Форт – бывший склад боеприпасов и военное укрепление, построенное англичанами в XVIII веке, и Феникс Парк, в котором он расположен (*By the butt of the Magazine Wall, / (Chorus) Of the Magazine Wall, / Hump, helmet and all?* [6, p. 45]); церковь Адама и Евы (*Achburn, Soulpetre and Ashreborn. See Sevenchurches. Adam and Eve's, Quantity Street* [6, p. 83]); дублинский зоопарк, «безжизненное» состояние

которого подчеркивает Иэрвикер, главный герой произведения (*Zoo koud! <...> Panther monster. Send leabarrow loads amorrow. While loevdom shleeps. Elenfant has siang his triumph, Great is Eliphaz Magis trodontos and after kneepayer pious for behemuth and mahamoth will rest him from tusker toils* [6, p. 244–245]); реку Лиффи, протекающую в центре Дублина (*he would not throw himself in Liffey* [6, p. 172]).

Из персонажей романа «Улисс», наиболее подходящих для рассмотрения с позиции репрезентации национального компонента, следует выделить Малахи (Быка) Маллигана, Мистера Дизи и Гражданина (с учетом того, что Леопольд Блум был рожден в Ирландии, но по происхождению еврей, а Стивена Дедала, отрекшегося от Ирландии, можно определить скорее как «героя безнационального»). Маллиган показан в тексте прямолинейным, несколько грубоватым интеллектуалом, приверженным идеалам своего отечества, и его образ символически противопоставлен образу Стивена Делала. Мистер Дизи является представителем ирландского меньшинства, ратующего за улучшение жизни в Ирландии в составе Британской империи: *You think me an old fogey and an old tory, <...> I remember the famine in '46. <...> I am descended from sir John Blackwood who voted for the union. We are all Irish, all kings' sons* [5, p. 24]. В то же время типичная для ирландцев неприязнь по отношению к англичанам у него не исчезла, а трансформировалась в неприязнь к представителям еврейской нации: *Mark my words, Mr. Dedalus, he said. England is in the hands of the jews. In all the highest places: her finance, her press. And they are the signs of a nation's decay* [5, p. 25]. Персонаж Гражданина в романе предстает как типичный ирландец (что подчеркивается тем, что в оригинальном тексте его имя пишется как *citizen*, без заглавной буквы), который изображен как прямолинейный, грубый, верящий в исключительность своего народа и презирающий иные нации, а именно еврейскую и английскую по религиозным и политическим причинам соответственно, на которые он также возлагает ответственность за все беды, происходящие с ирландцами; в то же время автор подчеркивает противоречивость и двойственность его позиции как по языковому вопросу, так и по религиозному.

Анализируя персонажей романа «Поминки по Финнегану», отметим, что в фокусе внимания автора – образ «универсального» человека, названного в тексте *manorwombanborn* [6, p. 55]. Роман интересен исследователям прежде всего такими его характеристиками, как «ассоциативная манера письма, внутренний монолог, монтаж, отказ от конвенциональных повествовательных форм, игра смыслов» [7, с. 84]. Тем не менее нельзя отрицать наличие у ряда героев произведения черт, присущих ирландской нации. Такими персонажами являются Хэмпфри Чимпден Иэрвикер, также известный как «А вот и Всякий», или же НСЕ, а также его альтернативные образы – Финнеган и Финн. Отражение ирландского национального мента-

литета посредством образа Иэрвикера может быть проанализировано с различных перспектив. Так, у ирландской общественности в романе представление об этом герое преимущественно негативное (Иэрвикер совершил некое осуждаемое действие, природа которого в произведении до конца не раскрывается), что отражено в наличии у него целого списка оскорбительных имен (*a long list (now feared in part lost) to be kept on file of all abusive names he was called* [7, p. 71]). Еще более отделяет Иэрвикера от ирландского общества его второе имя – А вот и Всякий (Here Comes Everybody, или HCE). HCE показан в тексте как не меняющийся, статичный: *An imposing everybody he always indeed looked, constantly the same as and equal to himself and magnificently well worthy of any and all such universalisation* [6, p. 32–34]. Однако параллельно с этим в произведении представлены два двойника Иэрвикера – мифологический Финн, страж города Дублина и всей Ирландии, а также фольклорный Финнеган – герой-разнорабочий ирландской народной баллады «Finnegan's Wake», умерший на стройке и возродившийся после того, как на его поминках было пролито виски. Если к мифологическому Финну в романе присутствует множество отсылок (*their herd and paladin, <...> (some Finn, some Finn avant!), he shall wake from earthsleep, haught crested elmer, in his valle of briers of Greenman's Rise O, (lost leaders live! the heroes return!) and o'er dun and dale the Wulverulverlord (protect us!) his mighty horn shall roll, orland, roll* [6, p. 73–74]), то Финнеган является действующим персонажем в романе (*Bygmester Finnegan, of the Stuttering Hand, freemen's murer, lived in the broadest way immarginable <...> and during mighty odd years this man of hod, cement and edifices* [6, p. 4]). Таким образом, в персонаже Иэрвикера подчеркивается двойственность как компонент ирландской идентичности, при этом Финна в романе ирландцы восхваляют, считают национальным героем; Финнегана воспринимают как соотечественника, его жизненный модус – как приемлемый; Иэрвикер же для них чужд, лишен каких бы то ни было ирландских черт.

Лингвистическая организация романа «Улисс» значима в контексте изучения национального компонента произведения с позиции фигурирования или не фигурирования в нем тех или иных языков. Так, несмотря на то, что действие романа происходит в Ирландии, ирландский язык используется героями крайне редко. В определенной степени ирония заключается в том, что первый персонаж произведения, говорящий на ирландском языке (Хайнс), по происхождению является англичанином, который с пониманием относится к тому, что к его нации ирландцы испытывают неприязнь, и полагает, что ирландцам самим стоит начать массово разговаривать на своем языке: *He's English, Buck Mulligan said, and he thinks we ought to speak Irish in Ireland* [5, p. 13]. Персонажи-ирландцы действительно активно выражают желание говорить именно на ирландском, хотя и знают его совсем плохо. Так, старая леди из первого эпизода романа

в разговоре с Хайнсом сначала путает ирландский с французским, однако после уточнения заявляет о том, что желала бы сама на нем говорить: *I'm ashamed I don't speak the language myself. I'm told it's a grand language* [5, p. 13]. С ней соглашается и Бык Маллиган, подчеркивая величие ирландского языка: *Grand is no name for it, said Buck Mulligan. Wonderful entirely* [5, p. 13]. В двенадцатом эпизоде романа действие происходит в пабе, где собрались ирландские патриоты Джон Уайз Нолан, Ленехан и Гражданин, которые озабочены обсуждением судьбы ирландского языка: *Well, says the citizen, what's the latest from the scene of action? What did those tinkers in the city hall at their caucus meeting decide about the Irish language?* [5, p. 218]. Ответ на этот вопрос Дж. Джойс представил в нарочито высокопарном ключе (*O'Nolan, clad in shining armour, low bending made obeisance to the puissant and high and mighty chief of all Erin and did him to wit of that which had befallen, how that the grave elders of the most obedient city, second of the realm, had met them in the tholsel, and there, after due prayers to the gods who dwell in ether supernal, had taken solemn counsel whereby they might, if so be it might be, bring once more into honour among mortal men the winged speech of the seadivided Gael* [5, p. 218]), и такое гротескное преувеличение создает ироничный, даже сатирический эффект. Иронично то, что разговоры о величии Ирландии и ирландского языка ведутся персонажами на английском, при этом они верят (например, Гражданин), что своими дискуссиями будут способствовать реальному прогрессу в возрождении ирландского языка и культуры: *It's on the march, says the citizen. To hell with the bloody brutal Sassenachs and their patois* [5, p. 213]. В седьмом эпизоде романа профессор Макхью обсуждает речь Джона Ф. Тэйлора о возрождении ирландского языка, называя ее лучшим проявлением ораторского мастерства: *The finest display of oratory I ever heard <...>. It was the speech, mark you, the professor said, of a finished orator, full of courteous haughtiness and pouring in chastened diction* [5, p. 94–95], при этом он сам использует английский язык, то есть язык нации, которая, как следует из этой речи, мешает этому процессу.

Роман «Поминки по Финнегану», в отличие от романа «Улисс», характеризуется значительно более комплексной лингвистической организацией, ввиду чего затрудняется рассмотрение ее как средства репрезентации национального компонента. Достаточно сказать, что, по подсчетам исследователей-литературоведов, в романе фигурируют элементы примерно 65 различных языков. Основным языком произведения следует считать английский, так как абсолютное большинство языковых конструкций, лексем и иных элементов текста являются либо непосредственно английскими, либо многоязыковыми амальгамами, имеющими английский языковой элемент в своем основании. В то же время комбинацию английского и ирландского языков в романе следует считать средством отображения гибридности ирландского общества и культуры, которой на протяжении всей истории

приходилось соседствовать и взаимодействовать с культурой английской. Разберем это на примере слов, произнесенных Финнеганом после его воскрешения на поминках: *Anam muck an dhoul! Did ye drink me doornail?* [6, p. 24]. Помимо очевидного сочетания ирландской и английской фраз данное выражение, представленное в виде языковой амальгамы, содержит в себе образ единения ирландского и английского национальных компонентов. Первая фраза *Anam muck an dhoul* структурно и фонетически схожа с гиберно-английским выражением *Thanum-on-dioul*, которое переводится как 'черт бы тебя побрал'. Помимо этого, оно также может отсылать к строчке из народной ирландской песни «Finnegan's Wake», зачастую исполняемой на смеси двух языков: *Thanam o'n dhoul, do ye think I'm dead?*. Вторая же часть выражения (*Did ye drink me doornail?*) отсылает как к вышеупомянутой народной песне, так и к английскому выражению *as dead as a doornail*, а также к ирландскому *deoch an dorais* (напиток, который выпивают при прощании с покойником), сочетание которых не только точно описывает момент сюжета, но и служит средством выражения гибридизации ирландского и английского национальных компонентов.

Таким образом, проанализировав оба произведения, мы можем сделать вывод о том, что в романе «Улисс» ирландский национальный компонент эксплицирован преимущественно посредством системы персонажей и их взаимодействия. Так, носителями наиболее ярко выраженных ирландских черт являются ирландский патриот Бык Маллиган, униат Мистер Дизи, а также антисемит Гражданин, образ которого служит отображением ординарного, типичного жителя Дублина начала XX века. Ярким средством репрезентации в указанных персонажах такой черты ирландского характера, как двойственность, является язык: как тот, на котором персонажи говорят (английский), так и тот, на котором они «молчат» (ирландский). Немалую роль в изображении ирландского национального компонента в романе играет и хронотоп, точно передающий образ ирландской столицы на момент 16 июня 1904 года. В свою очередь, роман «Поминки по Финнегану» отличается комплексностью лингвистической организации, в нем практически отсутствует сюжет в конвенциональном понимании данного термина, персонажи четко не обозначены, а цель автора во многом состояла в создании «универсального города», однако и здесь выявляется национальный компонент содержания, представленный ирландским хронотопом (топонимы разных видов указывают на то, что действие происходит в Ирландии, в Дублине, имеются отсылки к ирландским бытовым и культурно-историческим реалиям, хотя и выраженные в виде авторских неологизмов и лингвистических амальгам). В романе обнаруживается также национально окрашенная тематика: так, центральный персонаж книги НСЕ (Хэмпфри Чимпден Иэрвикер, или же А вот и Всякий) соотносится с такими персонажами ирландского фольклора, как герой ирландской баллады разнорабочий Финнеган и мифологический Финн, страж Дублина и всей Ирландии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова М. К.* Проблема национальной идентичности и литература / М. К. Попова // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 45–48.
2. *Parrinder, P.* Nation and Novel / P. Parrinder. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. – 502 p.
3. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
4. *Дюби, Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории 1991. Культурно-антропологическая история сегодня / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1991. – С. 48–59.
5. *Joyce, J.* Ulysses / J. Joyce. – М. : Т8 Издательские технологии, 2022. – 549 p.
6. *Joyce, J.* Finnegans Wake / J. Joyce. – London : Penguin Books. – 634 p.
7. *Фоменко, Е. Г.* Лингвотипологические свойства «Поминок по Финнегану» Джеймса Джойса / Е. Г. Фоменко // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 46. – С. 86–94.

Поступила в редакцию 12.10.2025

УДК 811.161.3'373.2:821.161.3

*Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы
Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных
даследаванняў па дагаворы № Г24М-047 ад 02.05.2024.*

Слівец Вольга Рыгораўна

кандыдат філалагічных навук,
начальнік навукова-даследчага сектара
Мазырскі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна
г. Мазыр, Беларусь

Volha Slivets

PhD in Philology, Head of Research Sector
Mozyr State Pedagogical University
named after I. P. Shamyakin
Mazyr, Belarus
olgaslivets@mail.ru

**АНАМАСТЫКОН МАЛОЙ РАДЗІМЫ
Ў ПАЭТЫЧНЫХ ТЭКСТАХ МІКОЛЫ МЯТЛІЦКАГА**

У артыкуле на прыкладзе паэзіі Міколы Мятліцкага аналізуецца роля анамастычнай лексікі ў мастацкай інтэрпрэтацыі вобраза малой радзімы як канцэптualaнага феномена ў нацыянальнай свядомасці беларусаў. Вылучаны рэальныя анамастычныя адзінкі, задзейнічаныя ў рэпрэзентацыі вобраза малой радзімы, апісваюцца спосабы і прыёмы іх уключэння і выкарыстання ў мастацкім кантэксце. Акрэслена месца айконіма *Бабчын* як назвы роднай вёскі паэта ў канцэптасферы яго лірыкі.

Ключавыя словы: *анамастычная лексіка; вобраз; канцэпт; мастацкая прастора; малая радзіма.*

**ONOMASTICON OF HOMELAND REGION
IN MIKOLA MYATLITSKY'S POETIC TEXTS**

The article analyzes the role of onomastic vocabulary in the artistic interpretation of the image of homeland region as a conceptual phenomenon in the national consciousness of the Belarusians on the basis of Mikola Myatlitsky's poetry. Real onomastic units involved in the representation of the image of homeland region are identified, ways and techniques of their inclusion and use in the artistic context are described. The place of the oikonym *Babchin* as the name of the poet's native village in the conceptual sphere of his lyrics is outlined.

Key words: *onomastic vocabulary; image; concept; artistic space; homeland region.*

У беларускай лінгвакультуры, як і ў большасці моў свету, канцэпт *Радзіма* належыць да ліку ўніверсальных, “з’яўляецца адным з важных складнікаў канцэптасферы нацыянальнай мовы і звязаны пэўным чынам са сферай фарміравання і асэнсавання так званых «вечных каштоўнасцей»” [1, с. 232]. Натуральна, што дадзены канцэпт ужо неаднаразова станавіўся аб’ектам навуковага доследу шэрага айчынных філолагаў, якія аналізавалі яго месца і асаблівасці функцыянавання ў свядомасці носьбітаў беларускай мовы (асобныя працы А. Калеснікавай, К. Півавар, А. Садоўскай, В. Самусевіч), адметнасці аб’ектывацыі ў беларускіх парэміялагічных адзінках (Я. Дзьобік, Г. Новік), індывідуальна-аўтарскія інтэрпрэтацыі (Г. Гладкова, С. Лясавіч, К. Півавар і інш).

Канцэпт *Радзіма* характарызуецца наяўнасцю нацыянальна-культурных уласцівасцей, абумоўленых спецыфікай нацыянальнай ідэнтычнасці і ментальнага ўспрымання прасторы быцця. Адсюль і асэнсаванне феномена *малой радзімы* як нацыянальна адметнага канцэпту, які, як правіла, выяўляецца праз асабіста і эмацыйна вызначаныя адносіны да месца свайго нараджэння, каштоўнасна значнае разуменне прыналежнасці чалавека да сваіх каранёў, вернасці традыцыям продкаў. Прычым у карціне свету беларусаў пераважае суб'ектыўна-лакальнае ўспрыманне роднага краю, што абумоўлена т. зв. “тутэйшасцю” – спецыфічнай гістарычнай рысай менталітэту беларусаў, якая стала асновай для самаідэнтыфікацыі народа.

Паводле назіранняў К. Півавар, сярод мноства моўных адзінак, якія ўваходзяць у намінацыйнае поле канцэпту *Радзіма*, засведчаны такія лексічныя адзінкі, як *родны куток, старонка, мілы кут маіх дзядоў, родная прадзедава мяжа, место, где люді зароділіся і ўскормлены* (Ф. Скарына), *родная зямелька, зямля бацькоўская, матчына зямля, куточак родны* і г. д. [2, с. 42], якія, на наш погляд, падкрэсліваюць выразную прыхільнасць беларусаў менавіта да месца свайго нараджэння. Як паказвае здзейснены літаратурназнаўцамі аналіз ключавых канцэптаў беларускай класічнай прозы, “архетып «роднага кута» выяўляе такую істотную і паказальную рысу ў свядомасці беларусаў, як імкненне метафізічна вызначыцца, мець акрэсленае месца ў свеце, дзе можна пачуваць сябе ўпэўнена, абаронена” [3, с. 163]. Прычым прасочана, што гэты вобраз-архетып “раскрываецца ў дынаміцы: ад вобраза «малой радзімы», прасторава абмежаванай суб'ектыўнымі ўражаннямі, да абагуленага вобраза Беларусі” [4, с. 114].

Паколькі месца нараджэння заўсёды мае канкрэтную тапаграфічную прывязку, заканамерна, што ў намінацыйнае поле канцэпту *малой радзімы* ўваходзяць рэальныя геаграфічныя намінацыі. “Вобраз *малой радзімы, «пачуццё родных мясцін»* найбольш выразна выяўляюцца ў творах мастацкай літаратуры праз анамастычныя назвы – айконімы, гідронімы, мікратапонімы, адтапанімічныя ўтварэнні і інш. Іменна гэтыя, пераважна рэальныя адзінкі, дазваляюць не толькі называць, акрэсліваць прасторавыя межы твора, умела ідэнтыфікаваць важныя для пісьменнікаў у яго тэкстах аб'екты, але і перадаць пачуцці, эмоцыі, якія, несумненна, узнікаюць і якія аўтар увасабляе, узнаўляе ўмельым ужываннем онімаў у спалучэнні з іншымі мастацкімі сродкамі” [5, с. 155–156]. Зразумела, тапонімы не з'яўляюцца адзіным сродкам стварэння лакальна-рэгіянальных вобразаў. Выкарыстанне анамастычнай лексікі, для якой уласціва складаная семантычная структура, багаты канатацыйны патэнцыял, абумоўлены сацыяльна-культурнымі, гістарычнымі і інш. фактарамі, даюць мастакам слова шырокія магчымасці для рэалізацыі ідэйна-мастацкай задумы і вобразна-стылістычнага аздаблення сваіх твораў.

Мэтай нашага даследавання стала апісанне ролі анамастычнай лексікі ў мастацкай інтэрпрэтацыі вобраза *малой радзімы* на прыкладзе паэзіі Міколы Мятліцкага, прасякнутага ідэяй захавання памяці аб родных мясцінах

і земляках. Дзеля дасягнення гэтай мэты шляхам суцэльнай выбаркі былі адабраны анамастычныя адзінкі, прааналізаваны мастацкія кантэксты іх ужывання і адпаведна акрэслены корпус уласных імёнаў, задзейнічаных у рэпрэзентацыі вобраза малой радзімы. Крыніцамі фактычнага матэрыялу паслужылі тэксты паэтычных зборнікаў “Палескі смутак” (1991), “Жыцця глыбінныя віры” (2001) і “Цяпло буслінага крыла” (2010).

Мікола Мятліцкі нарадзіўся ў вёсцы Бабчын Хойніцкага раёна на Гомельшчыне і называў сябе апошнім яе жыхаром, бо вёска пасля аварыі на Чарнобыльскай АЭС была адселена. Цяпер яе ўвогуле няма на картах Беларусі, як і многіх іншых населеных пунктаў Хойнікшчыны, асабліва пацярпелай ад радыяцыйнага забруджвання. Нягледзячы на гэта, паэт заўсёды заставаўся верным свайму роднаму куту, неаднойчы наведваючы асірацелы Бабчын: *Апошні Бабчына жыхар, / Блукаю вуліцай пустой. / Чароды стронцевых хмар / У небе сталі на пастой* [6, с. 137].

Бабчын з’яўляецца ядром канцэпту Радзімы ў канцэптасферы лірыкі паэта. Часам гэты айконім дапаўняецца прыналежнымі займеннікамі і азначэннямі, якія падкрэсліваюць асабіста-эмацыянальнае стаўленне аўтара-наратора да родных мясцін: *І знойдуць, пэўна, ў Бабчыне маім, / Дзе ўжо ў бязлюднай ядзернай пустэльні / Ніколі не збуцвеюць на кладах / Прапрадзедкаў маіх нязнаных косці...* [6, с. 202]; *Блукалі ноч мы ў родным Бабчыне / І там нічога не ўзялі* [7, с. 165]. Паводле назіранняў А. Бараноўскага, “блізкую перыферыю ўтвараюць фрэімы Беларусь-тэрыторыя, прырода, людзі («Бабчын», «Поле», «Аксіння», «Ганна з Палесся», «Двор маленства» і інш). Далёкую перыферыю – планета Зямля” [8, с. 117]. У гэтым выяўляецца характар светаадчування і творчай канцэпцыі аўтара, што пацвярджаюць яго ўласныя выказванні: “Я пачынаў з тэмы любові да роднага Палесся. Мне багата ёсць чаго сказаць пра край, адкрыты вялікім этнографам Чаславам Пяткевічам, які нарадзіўся ў маім Бабчыне ў XIX стагоддзі. Адкрываў я яго і з творчай падачы свайго земляка Барыса Сачанкі, прасочваючы рэаліі тагачаснага жыцця, а ў школьныя гады духоўным арыенцірам сталі творы Івана Мележа, з моцным сэрцабіццём і перажываннем за лёсы землякоў і будучыню сваёй радзімы. Менавіта і тэма, закранутая мною ў першым зборніку вершаў «Абеліск у жыце», стала той творчай плыню, на якую я хацеў абапірацца ў сваім духоўным развіцці і літаратурным клопаце – стаць паэтам Палесся і рэалізаваць спаўна свае творчыя намаганні” [9]. Такім чынам, лёс малой радзімы, спадчына і балючыя страты палескай зямлі вызначылі матывы і вобразы паэзіі М. Мятліцкага, яе настальгічнае гучанне.

У прааналізаваных намі паэтычных творах М. Мятліцкага былі вылучаны рэальныя тапанімічныя адзінкі, задзейнічаныя ў рэпрэзентацыі вобраза малой радзімы. У іх ліку харонімы (*Беларусь, Палессе*), айконімы (*Брагін, Гомель, Нароўля, Хойнікі; Аравічы, Бабчын, Баршчоўка, Бязозкі, Веляцін, Глінішчы, Зялёны Гай, Каранёўка, Масаны, Пагоннае, Уласы, Чамкоў*), віконімы, дрымонімы, мікратапонімы (*Аколіца, Гала, Каляшня, Майдан,*

Макішанскі бор, Раманаў сад); гідронімы (*Прыпяць; Малая і Вялікая Пель, Вялікае балота*). Усе яны, у першую чаргу, акрэсліваюць геаграфію быцця лірычнага героя.

Айконім *Бабчын* – самы ўжывальны ў паэзіі аўтара. Ён трывала ўвайшоў у анамастыкон яго твораў і як назва роднай вёскі выконвае функцыю тэкставай вяхі, з’яўляючыся ядзерным элементам мастацкай прасторы. Да яго прымыкаюць іншыя адзінкі – вышэй пералічаныя назвы суседніх вёсак, якія пашыраюць вобраз-канцэпт малой радзімы: *Аравічы, Баршчоўка, Масаны, Уласы, Чамкоў* і інш.

Асэнсаванне лёсу малой радзімы, яе сучаснага стану ў кантэксце мінулага абумоўлівае зварот аўтара да рэпрэзентацыі вызначальных, пераломных падзей у гісторыі свайго краю. Так, адной з ключавых у паэзіі М. Мятліцкага становіцца тэма Вялікай Айчыннай вайны. Трагічны след яе наступстваў адчуваецца мастаком слова нават у назве роднай вёскі: *Лясная вёска з горкай назвай Бабчын, / Знявечаная лютаю вайной* [6, с. 23]. Яе “горкае” гучанне нагадвае паэту аб нялёгкім лёсе жанчын-удоў, якія вярталі яе да жыцця ў пасляваенныя часы: *Жанчын надзея: можа, прыйдзе з войска... / Ды многім гора даўняе балиць. / Гісторыя, ты назву ціхай вёскі / Змагла суровым сэнсам надзяліць* [6, с. 23–24]. Апеляцыя да народнай этымалогіі тапоніма (параўн.: *Бабчын* ← *бабчын* ‘які мае дачыненне, належыць бабцы / бабе’) становіцца важным мастацка-стылістычным прыёмам, які дазваляе аўтару ўзбагаціць ідэйную задуму свайго твора за кошт паглыблення гістарычнага кантэксту.

У беларускім лінгвакультурным асяроддзі айконім *Хатынь* стаў сімвалам народнай трагедыі – усіх вёсак, спаленых разам з іх жыхарамі фашысцкімі карнікамі. Высокі ўзровень прэцэдэнтнасці гэтага тапоніма абумоўлівае яго выкарыстанне ў мастацкім кантэксце ў якасці рэферэнта антанамазіі, чым карыстаецца і М. Мятліцкі, апісваючы лёс вёскі *Зялёны Гай* у Хойніцкім раёне: *Зялёны Гай – адна з нашых Хатыняў. Тут хлапчуком насіў заповітную мару – знайсці аўтамат, не падазраючы аб знаходцы іншай – першай пакутнай бессані* [6, с. 54]. У 1943 годзе вёска таксама загінула ў агні і ўжо больш не адраділася: *Гібее ранак восеньскі астыла, / Самотнаю журбой павіты край. / Схіляюся над урнаю-магілай / З пакутаю зямной, Зялёны Гай* [6, с. 55]. У параўнанні з нацыянальна-прэцэдэнтным онімам *Хатынь* віконім *Зялёны Гай* у свядомасці аўтара набывае аўта-прэцэдэнтны характар, бо апелюе да асабіста значных успамінаў і выклікае асобыя эмацыйныя асацыяцыі.

Айконім *Хатынь* ў мастацкай прасторы паэзіі М. Мятліцкага становіцца кампанентам перыфрастычнага спалучэння з абагульнена-сімвалічным значэннем, якое ўзнаўляе канатацыі гісторыка-сацыяльнага плана. Ён выступае ў якасці знака-маркёра, у якім бачыцца не толькі лёс асобных вёсак, але і трагедыя ўсёй Беларусі: *На кастрышчы апошняй вайны / Адзываюцца бодем званы. / Кроў у жылах, пачуўшы іх, стыне. / Пазабылі няўцямна сыны: / Хто мы? – дзеці краіны Хатыні* [7, с. 161].

У гэтай жа функцыі выступае айконім *Чарнобыль* – сімвал яшчэ адной трагедыі беларускага народа: *У віхуры рэнтгенаў скразных / Б’юцца памяццю скрутнай званы. / Свет раздольны дранцвее ў жалобе. / Толькі мы й пазабылі адны: / Хто мы? – дзеці краіны Чарнобыль* [7, с. 161]. У дачыненні і да гэтага нацыянальна-прэцэдэнтнага оніма аўтар абірае той жа спосаб уключэння ў мастацкі кантэкст, чым падкрэслівае іх ідэйную раўназначнасць: айконімы *Хатынь* і *Чарнобыль* становяцца знакамі лёсавызначальных падзей для Беларусі.

Аварыя на Чарнобыльскай АЭС для М. Мятліцкага набыла асабістае значэнне, паколькі непасрэдным чынам закранула родны Бабчын, які трапіў у зону адчужэння, а бабчынцы былі вымушаны пакінуць родныя сядзібы: *Зірнуў Чарнобыль ядзерным ашчэрам, / Сказаў: у шлях, выгнаннікі, пара!* [6, с. 173]. Чарнобыльская тэма стала неад’емнай часткай аўтарскай карціны светабыцця. Сугестыўна-асацыятыўныя магчымасці оніма *Чарнобыль* робяць яго прысутнасць у паэтычным кантэксце мастацкім прыёмам стварэння адпаведных змрочна-драматычных вобразаў, што адлюстроўваюць пачуццёвы свет аўтарскіх перажыванняў: *Паранены Чарнобылем раён / Нядолі песняй сённа знакаміты. / Раскроены калючым дротам ён. / Там сумам захлынаюцца блакіты* [10, с. 115]; *Тут, душы раздзіраючы на раны, / Прайшоў Чарнобыль ядзернай сяўбой* [7, с. 183]. *Чарнобыль* персаніфікуецца паэтам, а сам онім уключаецца ў склад метафара-метанімічных тропай: *Сеяў долю выгнання Чарнобыль-сявец, / Дзень і век / Пад крыламі – сірочы* [10, с. 187]; *Горкі вецер стогне-трызніць / Над гушчэчай дзікіх траў, / Бо Чарнобыль, быццам рызнік, / Ўсе пажыткі падабраў* [6, с. 152].

Маштаб чарнобыльскай трагедыі, своеасаблівую геаграфію яе распаўсюджвання М. Мятліцкі паказвае праз увядзенне іншых рэгіянальных назваў-тапонімаў, якія пашыраюць межы створанага ім вобраза знявечанай ядзерным выбухам малой радзімы: ад *Бабчына* і прылеглых вёсак – да *Палесся* і ўсёй *Беларусі* ў цэлым: *Як блізка падступаецца прагрэс! / І што ў руках? / Магільная рыдлёўка... / Над Прыпяццю зялёная Баршчоўка / За восем кіламетраў ад АЭС* [10, с. 125]; *Кроячы фарамі цемрадзь, / Гойдаючы на шыбінах водсветы, / Паяўляюцца з лясістай смугі / Аўтобусы, / І яркі агонь / Высвечвае шылды-пазнакі: / “Чамкоў – Хойнікі”, / “Уласы – Хойнікі”, / “Масаны – Хойнікі”, / “Пагоннае – Хойнікі”, / “Аравічы – Хойнікі”... [10, с. 128]; *Гляджу на вас, майго Палесся дзеці, / І сэрца працінаюць мне рэнтгены* [6, с. 136]; *У той пракляты светам грозны год / На свет з’явіўся ён у час Купалля, / Калі на рэчкі, жоўтыя ад ёду, / Свае вянкi пускала Беларусь* [6, с. 200].*

Малая радзіма для М. Мятліцкага, у першую чаргу, – гэта месца памяці, повязі з продкамі, аб чым ён сам адкрыта гаварыў: “Як сказаў Барыс Сачанка: – «Гэтая зямля застанецца зямлёй маіх продкаў», якія сышлі з родных мясцін не па ўласным жаданні. Многіх ужо няма сярод нас, але яны жывуць у маёй памяці. З многімі падтрымліваю сувязь і адчуваю, што для іх,

як і для мяне, малая радзіма – самая дарагая сэрцу мясціна, якой мы абавязаны жыццём. Я веру, што магчыма праз стагоддзі там будзе новае жыццё. Толькі наўрад ці будуць ведаць нашчадкі, як называліся ўрочышчы, азёры, рэкі, вёскі, у якіх віравала жыццё. У памяці застаецца вуліца, зарослая хмызняком, дзе калісь я ўбачыў сонца, адчуў дыханне роднай зямлі, якая ўздавала нас. Там усё было ўпершыню: і першы дождж, і першая маланка, і спелыя вішні... Гэта тое ўсё, што стала асновай майго лёсу і маёй творчасці” [9]. І як мастак слова М. Мятліцкі даступнымі яму сродкамі захоўвае гэтыя родныя назвы, уводзячы іх у прастору сваіх твораў. Пры гэтым важным аспектам з’яўляецца наяўнасць паняццевага кампанента ‘ўшанаванне памяці, повязі пакаленняў’: *Я зноўку тут, і сэрца не спато-ліцца, / Якой бы чыстай памяць ні была. / Святло жыцця. / Ты, Бабчына Аколіца, / Адступна палыном не парасла* [6, с. 114]; *Жоўты лубік на ўгрэве дня / Давівае крапліны рос. / Поле памяці – Каляшня – / У бялюткім вянку бяроз* [6, с. 160]; *Калыска маленства – / Вялікая Пель. / <...> / Сцяжына юнацтва... / Вялікая Пель. / <...> / Гуканне Радзімы – / Вялікая Пель. / <...> / Мой смутак глыбокі – / Вялікая Пель* [10, с. 151]. Як правіла, мікра-тапанімічныя найменні ўтрымліваюць звесткі пра мінулае і сучаснае жыццё мясцовага насельніцтва, прыродна-геаграфічныя адметнасці краю, нярэдка прама ўказваюць на канкрэтныя падзеі ці захоўваюць імёны пэўных асоб (параўн.: *Аколіца* ← рус. *околица* ‘ускраек вёскі, сяла ці горада’; *Каляшня* ← рэг. *колешня* ‘сельскагаспадарчая пабудова для захоўвання сена, саломы’, ‘прыбудова для захоўвання / майстравання калёс, колаў’; *Вялікая Пель* ← *пеля / пелька* ‘балацявіна з адкрытай вадой’ і інш. Напрыклад, мікратапонім *Раманаў сад* утрымлівае напамін аб адным з землякоў М. Мятліцкага: *На паплаўцы хіснеца цень старога. / Брыдзе, густы гайдаючы туман, / На золку летнім, як пасланнік Бога, / Пад яблынямі рослымі Раман. / <...> / Раманаў сад. Спякотна ссохлы жнівень / Аціх лісцём густым бязважкіх крон. / І воблакі над жукаўскаю нівай / Нязрушныя стаяць, як белы сон* [7, с. 87].

Увогуле анамастыкон малой радзімы паэтычнага дыскурсу М. Мятліцкага ўключае вялікую колькасць мужчынскіх і жаночых антрапонімаў: *Антось, Біран, Валодзя, Восіп, Дзям’ян, Дорка, Дубак, Кез, Кузьма, Лаўрэй / Лаўрэйка, Леўка, Мікалай, Міхал, Павел, Раман, Раменны, Рыгор / Рыгорка, Трахім, Уладак, Фляр, Хведар, Шурык, Юзік, Якуб, Яўхім; Адарка, Адэля, Алёнушка, Анюта, Ахрэміха, Аксіння, Антося, Вара, Вера, Гэля / Гэлька, Ёўга, Залатая, Ільвоўна, Ірынка, Клава / Клавачка, Лідка, Мася, Міхаліна, Нюра, Садаўшчанка, Святлана, Соня, Стройна, Сцепа, Тэгля, Франя, Ядзя / Ядзюня, Яніха, Яня*. Як бачым, у іх ліку аднакампанентныя найменні – пераважна асабовыя імёны і мянушкі. Прычым выразна вылучаюцца антрапонімы, ужытыя ў іх нацыянальна адметных варыянтах, што дэманструе фанетычна-марфалагічныя асаблівасці моўнага асяроддзя малой радзімы паэта і падмацоўвае рэальны фон дзеяння.

За кожным названым імем стаіць рэальная асоба, нярэдка самабытны вобраз палешука-бабчынца. Аўтар наўмысна імкнуўся зрабіць персанажаў сваіх паэтычных твораў пазнавальнымі, у першую чаргу – для сваіх аднавяскоўцаў. Адсюль і выкарыстанне мянушак, якія індывідуалізуюць сваіх носьбітаў: *Нібывта вылезла са склепа – / Забылі, што й слыве жывой, – / У радзе першым баба **Сцепа** / Бліскача пасмаю сівой* [7, с. 116]; *Як атрутная паганка, / Доля-згубніца ў яе. / Вып’е чарку **Садаўшчанка**, / Горка, смутна запе* [7, с. 233]; *Цішынёю завейных зім / За прыгорбленымі стагамі / Курьць люльку мой дзед **Яўхім**, / Месяць снежны крупчак нагамі* [6, с. 81]; *Вецер лісцё шматае / Каля пустых хацін. / **Стройная, Залатая** – / Звала сяло жанчын* [6, с. 110]. Пры дапамозе апелятываў-назоўнікаў ці субстантываваных прыметнікаў, якія пераважна знаходзяцца ў прэпазіцыі да антрапонамаў, аўтар абазначае ступень сваяцтва, род дзейнасці ці нават узрост герояў: *– Бачыце, ўздумала! О-го-го-го! – / Дзверы рыпуча гундосяць. / То зазлавала суседа майго / Хата, **цеслі Антося*** [6, с. 193]; *І мая свечка, / Пусціўшы “бараду” парафіну, / Варушыць на сценах / Водсветы памяці: / То быццам бацькавы плечы, / То пасма **бабулі Антосі**, / То матчын локаць...* [10, с. 130]; *Як жа вам маецца, **бабулі-суседкі, Анюта і Вара?** / Сэрца займаецца, што чыгун на агні, паркім варам* [10, с. 192]; *Пад вечар **Ядзя, паштарыха**, / Канверт ёй торкнула праз тын* [7, с. 218]. У М. Мятліцкага атрымліваецца цэлая галерэя жывых мастацкіх вобразаў-персанажаў, прататыпамі якіх у большасці сваёй выступаюць аднавяскоўцы-бабчынцы, чым дапаўняюць стрыжнёвы, канцэптuallyны вобраз яго творчасці – малой радзімы, цэнтрам якой з’яўляецца вёска Бабчын.

Створаны М. Мятліцкім мастацкі вобраз Бабчына, як адзначае Я. Гарадніцкі, увайшоў у шэраг “вобразаў-топасаў нацыянальнай культуры” [11, с. 8]. Бясспрэчны той факт, што ў кантэксце творчасці аўтара гэты айконім выступае ў якасці аднаго са спосабаў вербалізацыі канцэпту малой радзімы, аб чым сведчаць і іншыя зафіксаваныя намі яго моўныя рэпрэзентанты тыпу *радзімы куток, родны край, родная зямля, родныя прысады, родны прастор, родныя мясціны: Багата іх [хадакоў. – В. С.] у **Бабчын** вернецца / Па бальшаку зямных пакут. / Ля весніц хат пад небам верасня / Душа прывеціць **родны кут*** [10, с. 190]; *Сягоння дзень, ў які цябе не стала. / Буяніць май на погарбах Карпат. / Мяне ж душа ссамочана пазвала / У **родны край** да апусцелых хат* [7, с. 183].

Такім чынам, канцэптуалізацыя вобраза малой радзімы ў беларускай мастацкай літаратуры – адзнака і паказальная рыса нацыянальнага менталітэту. Творчасць М. Мятліцкага ў гэтым плане не выключэнне. У мастацкіх тэкстах паэта вобраз малой радзімы, сканцэнтраваны вакол роднай вёскі Бабчын, набывае асаблівае значэнне, бо рэалізуецца праз прызму ўласна-аўтарскіх эмацыйна ўскладненых перажыванняў, і адначасова ў кантэксце мастацкай інтэрпрэтацыі лёсу палескага краю, нават усёй Беларусі і беларускага народа. Выкарыстанне анамастычнай лексікі становіцца сродкам

стварэння дакладных лакальна-рэгіянальных вобразаў, геаграфіі быцця лірычнага героя. Значны канатацыйны патэнцыял асобных анамастычных адзінак, асабліва тапонімаў, абумоўлены шэрагам экстралінгвістычных фактараў, аксіялагічных і культурных прырашчэнняў, садзейнічае іх выкарыстанню ў якасці другасных намінацый, вобразна-выяўленчых сродкаў дзеля ўзбагачэння мастацкага кантэксту твораў і рэалізацыі аўтарскай задумы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Садоўская, А. Л.* Афарыстычная інтразона канцэпту «Радзіма» ў беларускай мове / А. Л. Садоўская, Г. В. Новік // Письменник – мова – стыль : матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. праф. Ц. П. Ломцеву, Мінск, 21–22 верас. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. І. Свістунова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2023. – С. 232–246.
2. *Півавар, К. С.* Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту : манаграфія / К. С. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 155 с.
3. Беларуская літаратура як сацыякультурны феномен: мастацкія дамінанты, жанравы генезіс / А. В. Брадзіхіна [і інш.] ; пад рэд. В. А. Лідзянковай. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2023. – 265 с.
4. *Мельнікава, А. М.* Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя / А. М. Мельнікава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 214 с.
5. *Шур, В. В.* Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў / В. В. Шур, В. Р. Слівец. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 171 с.
6. *Мятліцкі, М.* Цяпло буслінага крыла : палескія вершы / М. Мятліцкі. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 208 с.
7. *Мятліцкі, М.* Жыцця глыбінныя віры: Вершы і балады / М. Мятліцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2001. – 383 с.
8. *Бараноўскі, А.* Асацыятыўныя канцэптасфера сучаснай беларускай лірыкі / А. Бараноўскі // Палымя. – 2013. – № 10. – С. 116–123.
9. “...Некаму ты ачужэлая зона, сэрцу майму – ты да скону Радзіма!” / Н. Канопліч. – Мазыр, 2018. – URL: <https://www.mazyr.by/2018/04/nekamuty-achuzhelaya-zona-sercu-majmu-ty-da-skonu-radzima/> (дата звароту: 03.10.2025).
10. *Мятліцкі, М.* Палескі смутак: Вершы і паэма / М. Мятліцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 287 с.
11. *Гарадніцкі, Я.* Ад вокнаў вясковых да зор / Я. Гарадніцкі // Літаратура і мастацтва. – 2014. – № 12 (21 сак.). – С. 8.

Поступила в редакцию 22.12.2025

ВЕСТНИК БГУИЯ

Серия 1. Филология

№ 1 (3), 2026

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *Е. И. Ковалёва, И. В. Нестеренко*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск

E-mail: vestnik@bsufl.by

Подписано в печать 24.02.2026. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Sans. Ризография. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 11,51. Тираж 100 экз. Заказ 7.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172